

**ТЕОРИЯ
ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОСТИ:
АНАРХИСТСКАЯ КРИТИКА**

НИКОЛАЙ ДЕДОК

СОДЕРЖАНИЕ:

Вступление.....	4
Теория интерсекциональности: происхождение и суть.....	6
Студенты, анархисты и Трамп.....	8
О гендерных стереотипах, «патриархате» и угнетении женщин.....	13
Феминизм	23
Антирасизм.....	43
Как разжигается расовая и гендерная ненависть.....	49
Калейдоскоп угнетений.....	68
Солидарность взамен эгоизма.....	73
Кому выгодно?.....	84
Заключение.....	91
Литература и ссылки.....	94

ВСТУПЛЕНИЕ

Любой исторический процесс, любое общественное движение характеризуется периодами подъемов и спадов как на глобальном, так и на локальном уровне. Революционные движения трудящихся в этом плане – не исключение. Если проследить количества забастовок, массовых демонстраций, побед в трудовых и социальных конфликтах, более-менее успешных революций, то будет ясно видно, что последние 200 лет в индустриализованных странах они имели волнообразный характер со своими кульминациями и резкими падениями.

Однако не смотря на прошествие столь долгого времени, система иерархии и капитализма в целом осталась прежней. По-прежнему большинство людей на планете занято наемным трудом в той или иной форме, по-прежнему они лишены реальных политических прав и возможности самим решать свою судьбу. И хотя миллионы наемных рабочих перешли от станков в компьютерам или автоматизированным системам, а в некоторых странах за государственное пособие по безработице можно вполне неплохо существовать, разделение по линии трудящийся\эксплуататор так никуда и не делось. И до сих пор история не знает других методов преодоления этого разделения кроме массового сознательного восстания людей труда.

Из этого логично следует, что все усилия анархистов – чьей целью с первых дней существования было освобождение людей труда – является подготовка и организация такого восстания через все доступные методы: прямое действие, образование, социальные проекты, пропаганду своих идей.

Как уже отмечалось выше, движение трудящихся в этом направлении имеет свои спады и подъемы. Сейчас в мировом освободительном движении очевиден спад – нету намека на былую массовость и главное – революционность требований. Отдельные вспышки (движение «Nuit debout» во Франции (2016), социальное движение учителей Мексики, вышедшее за рамки требований об отмене реформы образования (2016), киевский Майдан (2014),) не меняют общей картины. И в период спада активистам, и в первую очередь, интеллектуалам и теоретикам, свойственно искать причины того, движение уже не такое успешное как раньше.

Чаще всего, вывод из таких поисков делается один: наша теория не соответствует моменту, её надо менять! Иногда эти перемены действительно к лучшему, т. к. дают более точный анализ текущего положения вещей и более эффективные орудия достижения целей, иногда – не совсем.

Так после 1940-х на место традиционных коммунистов пришли «новые левые», операисты и автономисты, на место традиционного анархо-коммунизма 1910-1920-х пришел платформизм.

А на смену теориям «новых левых» конца 1960-х (когда почти во всем мире бушевал очередной революционный подъем) пришла, спустя примерно два десятилетия, теория интерсекциональности, которая заняла, насколько можно судить, умы абсолютного большинства леваков и значительного числа анархистов¹.

В этой книге я изложу свой взгляд на теорию интерсекциональности и на то, как она проявляет себя в левом и, частично, анархистском движении стран Запада, А также — очерчу своё отношение к перенятию данной теории анархистским движением Беларуси.

Эта книга не является научным исследованием в строгом смысле этого слова — для этого ей не хватает методологической чистоты и беспристрастности. Тем не менее, в обоснование

1 Я склонен разделять анархистов и левых.

выдвигаемых мной тезисов я приведу научные исследования из разных областей, статистику, исторические данные и разные виды анализа.

Книга, помимо анархистов, может быть интересна всем, кто интересуется глобальной политикой, освободительными движениями, социологией и политологией.

ТЕОРИЯ ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОСТИ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СУТЬ

Теория интерсекциональности, или «теория пересечений» (сам термин оформился в 1989 году) – это социологическая концепция, утверждающая, что каждый человек имеет ряд идентичностей (раса, гендер, класс, внешний вид, сексуальность и многие другие), в соответствии с которыми люди делятся на привилегированных и угнетенных. Разные формы угнетения и дискриминации по описанным выше признакам могут пересекаться друг с другом, формируя системы иерархии и доминирования. Вариации такого пересечения существенно изменяют социальное бытие угнетенных (женщин, геев, трансов, людей с физическими недостатками и т. д.) и являются в той или иной степени ключевыми отличиями людей друг от друга.²

Данная концепция начала расти в в конце 1960-х из американского и европейского феминистского движения: чернокожие феминистки утверждали, что движение в целом направлено на обслуживание нужд белых женщин из среднего класса, исключая менее «котируемых» чернокожих женщин, лесбиянок, женщин с ограниченными возможностями и т.п.

Практическим выражением теории интерсекциональности среди левых и внушительной части западных анархистов стала так называемая политика идентичности (Identity politics), суть которой – в артикуляции интересов различных групп угнетенных (или считающих себя угнетенными), и борьбе за их права. В этом восприятии мира классовое положение отступает на второй план по сравнению с идентичностями. Основанием же для причисления к угнетенным является некая черта, свойство человека из-за которого, по мнению представителей этой группы, они подвергаются структурной (т.е. системной, многоуровневой) дискриминации. В реальности политика идентичности реализуется в движении ЛГБТК, феминисток, этнических меньшинств (People of color — в дальнейшем я буду использовать термин «люди цвета»), борцов за права людей с ограниченными возможностями, и многих других (о них речь пойдет ниже).

Как любая социологическая концепция, теория интерсекциональности – дитя своего времени. Она последовала за революционным подъемом конца 1960х, и стала рефлексивным ответом интеллектуалов на невозможность левых и анархистов добиться поставленных целей: мобилизовать весь рабочий класс на борьбу с капиталом и совершить столь желаемую революцию. Как результат, в течении всех 1970-х происходил разворот левых от рабочего класса к разнообразным меньшинствам, и, похоже, сейчас этот процесс достиг своего апогея. Хотя следует отметить что имело место и изменение социальных условий (например, рост благосостояния населения), что борьбе за не-классовые интересы выйти на первый план в ряде социальных движений.

Конечно, нельзя отрицать, что помимо классовой эксплуатации, в обществе (здесь и далее я буду говорить почти исключительно про общества современного Запада: Северная Америка, и страны ЕС) существуют ряд предрассудков, которые делают сложнее жизнь определенных категорий людей. Бессмысленно отрицать, что, например, в отношении чернокожих у некоторых белых американцев имеются расистские предрассудки, и потому быть белым в определенных жизненных обстоятельствах несколько проще, чем черным. Факт: некоторые

² <http://ona.org.ru/post/116593812133/intersectionality>

мужчины не рассматривают женщин, как равных себе и потому в отдельных микросоциумах женщиной быть гораздо менее комфортно, чем мужчиной. Бесспорно и то, что гомосексуальность не одобряется людьми с традиционалистскими взглядами, а так как во многих странах таких людей много, то гею статистически более вероятно столкнуться с непониманием или даже насилием к себе, нежели гетеросексуалу.

Действительно, понимание этих фактов может помочь в более адекватном анализе общества, осознании того, как оно функционирует, а также увидеть проблемы людей, которые ранее были скрыты, посмотреть на мир глазами людей с другим жизненным опытом.

Однако, как это часто бывает, неплохая и в чем-то полезная идея, будучи преобразованной в политическую идеологию, и возведена в ранг непреложной истины, часто доводится до абсурда её сторонниками, превращая в ничто тот позитивный посыл, который был в ней изначально заложен.

Свершившийся разворот от большинства к меньшинствам полностью преобразил анархистское движение стран Запада, и, в особенности, США. На уровне пропаганды, внутренней дискуссии и действий сместилось понятия того, кто есть друзья и враги движения.

Здесь и далее я буду делиться с вами выводами, сделанными на основании наблюдения за фейсбук-группами, за тематикой конференций и статей, публикующихся на анархистских ресурсах а также личного общения с некоторыми активистами.

СТУДЕНТЫ, АНАРХИСТЫ И ТРАМП

В центре «политики идентичностей» - личный опыт человека, считающего себя угнетенным (или считающегося угнетенным в соответствии с концепцией интерсекциональности) и стремление анархистского сообщества создать для него безопасные места, в которых он сможет почувствовать себя вовлеченным в социум, освободиться от давящих на него предрассудков общества, в общем, находится в состоянии психологического комфорта. На практике это выливается в так называемую концепцию Safe spaces (безопасных пространств), которая осуществляется во многих анархистских группах как в реальном так и в виртуальном пространстве.

Зайдя во многие группы под названием «Анархо-коммунизм» в Фейсбуке, вы обнаружите, что их содержание как минимум наполовину, а то и больше, состоит из мемов, статей и видео в поддержку трансгендерных людей, ЛГБТ и феминисток, а также против «белого господства» (white supremacy).

В одной из страниц, называющихся «Анархо-коммунизм 101: безопасное место» я нашел такое вступительное слово для новичков:

«В этой группе мы попытаемся деколонизировать наши умы, повлиять и снять покровы с нашей и чужой нетерпимости. Расистские, трансфобские, исламофобские, сионистские, ксенофобские, антисемитские, анти-циганские (anti-ziganist, - антицыганские, - прим. Авт), сексистские\мизогинистские, эйблистские, эйджистские или стыдящие тело высказывания не допускаются. Избегайте использования эйблистского языка (что под этим понимается, - не уточняется, - прим. Авт.). Если вы верите в лозунг «Никакой войны кроме классовой» или в существование обратного расизма\сексизма или любой другой формы обратного угнетения, и не хотите учиться о том, что она невозможна, эта группа не для вас».³

При чтении такого вступительного слова сам собой возникает вопрос: это ли сообщество анархо-коммунистов, собирающихся разрушить власть и государственный строй? Или все же это группа радикальных сторонников обеспечения интересов меньшинств? Во всем вступительном слове (выше приведена лишь его часть) ни слова о какой-либо общности угнетенных, о войне против хозяев и начальников, о конкретном сопротивлении власти имущим. Классовая борьба припоминается лишь один раз — и то в негативном контексте. При этом «правозащитники» эти сами весьма не толерантны и подчеркивают, что несовпадение мнений, как и признание существования любого расизма кроме белого, любого сексизма кроме мужского влечет за собой изгнание из группы.

Следуя концепции «безопасных пространств», администраторы этих групп удаляют любую критику в отношении вышеперечисленных категорий, а высказавшегося в этом духе отправляют в бан под тем предлогом, что создают некомфортную атмосферу для меньшинств и «провоцируют» (trigger) неприятные эмоции у вышеперечисленных категорий. Что же касается «безопасных мест», то они, как правило, являются местами, куда запрещен вход людям с определенными внешними признаками. Как правило таковыми оказываются мужчины, белые и гетеросексуалы.

Аналогичные практики характерны не только для фейсбук-групп, а также для многих ВУЗов США, откуда, видимо и перекочевали в анархистское движение.

3 <https://www.facebook.com/groups/1647421552218296/?fref=ts>

Доходит до того, что уже в оффлайне люди, клеймлённые левыми как «привилегированные» ищут учебное заведение, свободное от «безопасных мест», где они сами могли бы чувствовать себя в безопасности и не подвергаться нападкам за несогласие с мнением большинства.⁴

И здесь уместно процитировать историю, произошедшую в Йельском университете (штат Коннектикут) не так давно:

Всё началось 28 октября 2015 года. В этот день декан Йеля Баргвелл Говард отправил по внутриуниверситетской рассылке письмо, общая суть которого сводилась к просьбе студентам хорошенько подумать над своими костюмами на Хеллоуин. Декан отметил, что хотя Йельский университет представляет собой сообщество, которое ценит свободу самовыражения, оно также ценит и инклюзивность, и будет страшно обидно, если кто-то вдруг позволит себе выразить себя таким образом, что людям определённой расы, сексуальной ориентации или гендерной идентичности станет не по себе. Администрация утверждает, что письмо носило исключительно рекомендательный характер, но по форме и содержанию это был длинный и подробный текст, рассматривающий в числе прочего «подходящие и неподходящие» костюмы, объясняющий неуместность боевых раскрасок, тюрбанов, повязок из перьев, красного или чёрного грима; в конце письма стояло 13 подписей — не так сложно перепутать с прямым указанием. Через два дня Эрика Кристакис, лектор и специалист по детскому образованию, отправила ответное письмо декану и студентам, в котором среди прочего вопрошала: *«Мне интересно, и я не пытаюсь провоцировать: неужели не осталось никакой возможности для студентов быть немного неприятными, немного провокативными или — да — оскорбительными? Чьё это дело — контролировать костюмы молодых людей? Уж точно не моё, и я это знаю»*. В письме она также приводила слова своего мужа Николаса: тот уверен, что такие формы контроля приводят к инфантилизации сознания студентов, он предлагал просто не смотреть на оскорбительные вещи, если вдруг что-то подобное встретится у кого-то на пути, или просто обсудить это с человеком. После письма Эрики моментально хлынула волна протеста. Студенты принялись собирать подписи за её увольнение, ей писали с оскорблениями и угрозами.

В течение нескольких дней протесты переместились в онлайн: студенты бурлили, почти 700 человек подписали открытое письмо. Приведённое выше видео было записано 5 ноября: до того как взвыла темнокожая студентка с рюкзаком, Кристакис разъяснял свою позицию другим студентам около часа. Видео снял писатель и юрист Грег Лукьянофф, он же в сентябре прошлого года написал для The Atlantic огромный текст *The Coddling of the American Mind («Лелея американское сознание» - прим. Авт.)* как раз об этой проблеме — о том, как студенты в американских вузах, желая ограничить себя от неприятных слов и идей, разрушают образование и собственную психику. [...]

Администрация Йеля долгое время хранила молчание по поводу ситуации. Несколько профессоров собирали подписи в защиту семьи Кристакис, однако 7 декабря стало известно о том, что Эрика Кристакис по собственному желанию покинула должность преподавателя, а её муж взял отпуск на следующий семестр. Университет выпустил короткое заявление в том смысле, что администрация страшно разочарована увольнением Эрики — в вузе надеются, что она пересмотрит своё решение и вернётся в Йель, «где свобода самовыражения и научных изысканий является фундаментальным принципом».

4 <http://nypost.com/2016/02/01/desperately-seeking-a-college-thats-free-of-safe-spaces/> .

Месяцем раньше, когда протесты в Йеле были ещё в активной стадии, на территории университета была открыта «Пятая ежегодная конференция по вопросам будущего свободы слова: угрозы в высшем образовании и за его пределами». 9 ноября в холле перед конференц-залом, в котором проходило мероприятие, собралась группа студентов, которые принялись хором скандировать «Genocide is not a joke» («Геноцид – это не шутка» - прим.Авт). Затем один из студентов ворвался в зал и стал расклеивать постеры на стенах, а потом орать на одного из докладчиков⁵ [...]

Среди аргументов студентов в этом и аналогичных случаях аргументация состоит в том, что недостаточно уважительные слова, символы, костюмы, сцены — все что угодно, может стать для них «триггером». Само понятие триггера (*trigger* — от англ. *спусковой крючок*, прим. Авт.) взято из психологии и обозначает коммуникативный или физический символ, жест, знак, который может спровоцировать у человека травматические воспоминания и вызвать паническую атаку. В американских университетах, охваченных леволлиберальными («прогрессивными») идеями, услышав предупреждение о потенциально травматичной информации, студенты имеют право покинуть аудиторию [ibid]. Студенты начали метить книжки, в которых содержатся «триггеры», способные вызвать неприятные эмоции у читающих. В этот список вошли (в Колумбийском университете) Овидий с его сценами изнасилования, а также (в Раттерском университете) «Великий Гэтсби» Фицджеральда и «Миссис Дэллоуэй» Вулф. [ibid]

В Брандейском университете произошла интересная история: студент из числа меньшинств решил устроить инсталляцию, чтобы привлечь внимание к проблемам травматических воспоминаний и микроагрессии против студентов из Азии. Его коллегам по ВУЗу сама эта инсталляция показалась вызывающей переживания травмы, и было решено её убрать. [ibid]

Также и в анархистских группах в Фейсбуке постановка чьего-либо «уникального опыта» под сомнение, либо даже любые альтернативные интерпретации этого опыта запрещены, так как считаются «триггерами». На практике это выливается в критическое сужение тем, подлежащих обсуждению. Ввиду того, что практически у каждого человека есть травматическое воспоминание, связанное с чем-то, и что огромное количество людей страдает от психологических травм или фобий, полноценное применение практики «триггерных предупреждений» или удаления «триггерной» информации выливается в самую обычную цензуру. Достаточно кому-либо из меньшинств заявить, что тема «триггерна» для него, это станет достаточным поводом для ее удаления. Тем самым принцип свободы слова и права каждого на высказывания оказывается грубейшим образом попраным — под благовидным, казалось бы, поводом, создания психологического комфорта для участников обсуждения.

Уделяя внимание психологическому комфорту меньшинств и разного рода ранимых людей, сторонники интерсекционального анархизма часто игнорируют непосредственную анархистскую деятельность, связанную со свержением власти и капитала. Во многих анархистских группах вы не увидите информации о тактике сопротивления, актуальной критики капитализма, государства, классового общества и иерархии. Тема социальной революции, восстания трудящихся практически не звучит. Зато картинок в поддержку трансгендеров и квиоров, радужные флаги и рисунки женщин, разбивающих лица мужчинам — сколько угодно. Почитав эти группы, можно прийти к ощущению, что именно победа над белыми гетеросексуальными мужчинами или гомофобами, а никак не социальная революция позволит остановить войны, уничтожение природы, наемный труд и частную собственность.

5 http://www.furfur.me/furfur/freedom/freedom/217587-campus_wars

Чтобы не быть голословным, приведу показательное в этом плане заявление американских анархистов, сделанное ими после прихода к власти Трампа⁶. После того, как к власти пришел ультраправый республиканец, сторонник «жесткой руки», отрицатель изменения климата, обещающий снизить налоги для крупнейших корпораций, оказалось, что практически единственное что в связи с этим заботит анархистов — это высказывания Трампа про меньшинства. В заявлении неоднократно подчеркивается, что «Трамп составляет существенную угрозу для прав женщин, цветного населения, транс-людей и людей с ограниченными возможностями». Заметьте: про трудящихся, рабочих — ни слова. Кроме того, при этом упускается из виду, что немалое число людей из перечисленных категорий голосовало за Трампа.⁷ Более того, они подчеркивают, что именно защита меньшинств, а не что-то другое, есть их основная цель и смысл активности. «Уже сейчас мы наблюдаем атаки на мусульман, иммигрантов, людей любого цвета кожи кроме белого и т.д. Это не абстракция, это уже происходит. Организованное противостояние этим инцидентам должно стать наивысшим приоритетом.» [ibid]

Анархизм был и остается идеологией, выражающей интересы трудящихся, чья цель — скинуть иерархический гнет. Но в заявлении, которое, насколько я могу судить, отражает позицию большинства американских анархистов, практически ни слова не сказано о трудящихся, о людях, которые эксплуатируемы наемным трудом, о планах Трампа по усилению роли корпораций, да и вообще о том, кто стоит за Трампом, кто и зачем привел его к власти. Виден лишь один нарратив - «защитить меньшинства от физических нападений». Таким образом, хоть какая-то забота о трудящемся **большинстве**, хоть какое-то артикулирование его интересов даже не упоминается. Но свято место пусто не бывает. Зато вместо анархистов с рабочим классом работают альт-райты и просто популисты. Чего же тогда удивляться, что белый (и не только белый, кстати) рабочий класс в США и Европе все более идет за ультраправыми, а не за анархистами, т. к. последние ставят своим «наивысшим приоритетом» не тотальную эксплуатацию большинства населения капиталом а, чтобы черных\геев\другие меньшинства никто не оскорблял.

Само собой, нападения на людей по признаку расы\сексуальности полностью неприемлемы, и анархисты не должны оставаться к ним равнодушными. Однако они не только не являются в США некой системой, но и, при взгляде на статистику становится видно, что их жертвами являются далеко не только темнокожие мигранты-мусульмане.

Согласно статистике ФБР за 2016 год (более поздняя статистика, к сожалению, на момент написания этих строк была недоступна), в США в этом году произошло 6,121 «hate crime incidents» - происшествий на почве ненависти. Подчеркну, тут имеется ввиду вообще любая ненависть по любому признаку, а под «инцидентами» имеются ввиду не только физические нападения, но и оскорбления, и угрозы, если они были сделаны публично, и комментарии в Интернете.

Из них на базе «религии, расы и национальности» произошло 3 489 инцидентов, из которых негры были пострадавшими **примерно в половине случаев**. Т.е. около 1 700 инцидентов. Белые — в 720 инцидентах. Разрыв в 2,4 раза.

На почве религии произошло 1200 инцидентов, из которых ровно в половине случаев пострадавшими являются евреи (т. е. иудеи). Однако их, заметьте, американские анархисты в своем заявлении не перечислили. А мусульмане — лишь в 307 случаев, тое есть на них приходится лишь 25% атак на почве религии. Правда, отмечается, что за два года, с 2014-го эта цифра дала двухкратный количественный рост.

Геи, лесбиянки и трансгендеры становились мишенями в 1 076 из всех случаев. Это 1\6 от общего числа.

6 <https://pramen.io/2016/11/zayavlenie-anmerikanskih-anarhistov-po-povodu-pobedy-donalda-trampa/>

7 <http://www.pinknews.co.uk/2016/11/09/just-14-percent-of-lgbt-people-voted-for-donald-trump-exit-poll-reveals/>

Все эти инциденты и преступления были осуществлены 5 770 людьми, из которых белые составляют 46%. Черные — 26%, то есть тут разрыв не является даже двукратным.

Какова же была тяжесть этих инцидентов? Из 6 121 случаев лишь 9 — это убийства⁸. Согласно данным информационно-аналитического центра «Сова»⁹, в России за тот же самый год произошло 10 убийств на почве расизма — без учета регионов Северного Кавказа и Крыма. И это притом, что:

а) Население США почти в 2,5 раз больше российского — т. е. пропорционально этот разрыв делается еще больше.

б) Статистика США, без сомнения, по ряду причин, которые, полагаю, неуместно указывать, более полная — т. е. степень неучтенных событий в ней ниже чем в отчете «Совы».

Как видим, цифры, как минимум, говорят о том что ситуация совсем не так однозначна, как рисуется в заявлении американских товарищей. К вопросу черного расизма мы еще вернемся позже, пока же нужно признать, что рисуемая картина: «*в США идут массовые атаки белых расистов на черных и мусульман*» явно не соответствует действительности.

Кроме того, представляется, что обращая внимание на то, что отдельные мусульмане или отдельные чернокожие в США могут стать жертвами расистских атак (вопрос, который, безусловно нельзя замалчивать) не стоит отворачиваться и от остальных людей — в том числе с другим цветом кожи, которых может и не бьют за него, но зато всю свою жизнь они трудятся на капиталистов и угнетаемы классовой системой, сделавшей из них зависимых и бесправных существ. Вместо трезвого анализа причин прихода Трампа к власти, левые в своих статьях предпочитают возлагать вину буквально на все белое население Америки (это не преувеличение, о чем ниже), обвиняя всех, голосовавших за Трампа в «расизме» и, фактически, называя их своими врагами – настраивая против себя фактически половину населения страны, большая часть из которого является трудящимися.

Впрочем, разбор победы Трампа на выборах не является целью этой статьи. Скажу лишь, что среди анархистов, левых и даже либералов также есть люди, критично относящиеся к дискурсу политики идентичности и возлагающие как минимум часть вины за победу Трампа как раз на самих на леваков и анархистов, игнорирующих нужды большинства населения и черзур обеспокоенных правами меньшинств.¹⁰

8 <https://www.reuters.com/article/us-northkorea-usa/north-korea-highlights-trump-concessions-on-war-games-after-summit-idUSKBN1J90CA>

9 <https://www.sova-center.ru/files/books/pr18-text.pdf>

10 <https://www.facebook.com/celeste.deuel.75/posts/1554637601218905>

<http://reason.com/blog/2016/11/09/trump-won-because-leftist-political-corr>

https://www.facebook.com/groups/1048266218534852/permalink/1478679345493535/?_mref=message_bubble

О ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПАХ, «ПАТРИАРХАТЕ» И УГНЕТЕНИИ ЖЕНЩИН

Одним из основных направлений борьбы сторонников интерсекционализма является борьба с «мужским доминированием», воплощенная в феминизме третьей волны.

Феминизм третьей волны появился в 1990-х годах и, орудуя постструктуралистским подходом, провозглашающим критическую важность речи и символов для формирования реальности, направил свои усилия против таких явлений как объективизация женщин (т. е. сведение их к сексуальному объекту — в основном в кино, телевидении и рекламе), использовании «сексистских» слов в языке, и на отношении женщин к собственному телу. В частности, именно из феминизма третьей волны вышли представления о том, что женщинам совершенно необязательно брить растительность на теле, нельзя стесняться лишнего веса и естественных процессов в организме (месячных и т.п.). Огромное значение феминистки третьей волны придают личным отношениям между партнерами и использованию «гендерно нейтральных» слов.

Феминизм третьей волны, разделяемый в той или иной форме и большинством анархо-феминисток (что следует из их высказываний и позиций), представляет всех женщин, просто по факту того, что они женщины, как безусловно угнетенных патриархатом и «мужским доминированием». Согласно их утверждениям, с самого начала жизни репрессивное общество и «гетеронормативность» принуждают женщин жить по определенным шаблонам путем морального давления, общественного мнения и дискурса. При этом в большинстве статей, выступлений, общественных кампаний не ставится даже сам вопрос о том, существует ли такое доминирование, оно воспринимается как непреложный факт, не требующий доказательств. Тех, кто пытается ставить факт существования патриархата под сомнения, в рамках дискурса 3-й волны феминизма сразу же, без предварительных дискуссий, объявляют «сексистами», «мизогинистами» (женоненавистниками) и тем самым ставят вне любой дискуссии, ведь в левой, а зачастую и в анархистской среде считается, что человек с негативным ярлыком уже не достоин того, чтобы с ним общались — его можно, например, просто оскорблять. Таким образом рядом феминисток, особенно публично активных, осуществляется довольно хитрый софистический трюк: противоречие и критика феминистской практики приравнивается к ненависти и дискриминации всех женщин. Однако это, конечно, лишь пропагандистская уловка. Ведь если я критикую человека или явление это совершенно не значит, что я его ненавижу или хочу дискриминировать. Ведь, например, критикуя ислам и другие авраамические религии за гомофобию или сексизм, мы не делаемся исламофобами или христианоненавистниками. Не говоря уже о том, что феминистки никак не могут претендовать на то, чтобы говорить от лица всех женщин — чисто количественно.

Согласно феминизму третьей волны — все мужчины по умолчанию являются сексистами, т. к. воспитаны в «патриархальном обществе». Так, фактически, феминизм третьей волны предлагает борьбу людей одного гендера (женщин) против другого (мужчин).

Так все же, действительно ли так суров патриархат и мужское доминирование в западном обществе? Факты заставляют в этом усомниться. Давайте рассмотрим далеко не самую прогрессивную в плане гендерного равенства страну — Беларусь.

В Беларуси за женщинами на законодательном уровне закреплены ряд привилегий: женщин не забирают в армию, согласно закону их не могут присудить не только к смертной

казни, но и к пожизненному заключению. Женщин законодательно запрещено брать работать на вредные и высоко-травматичные производства (то есть априори считается что если мужчина утратит здоровье это, в целом, нормально, если женщина — то нет), женщины на 5 лет раньше выходят на пенсию.

Однако при этом белорусские мужчины заканчивают жизнь самоубийством в 4 раза чаще, чем женщины (данные ВОЗ на сентябрь 2015)¹¹, Женщины почти в шесть раз реже умирают от внешних причин в трудоспособном возрасте, чем мужчины. Средняя продолжительность жизни женщин в Беларуси на 12 (!) лет больше, чем мужчин.¹² Смертность мужчин на производстве в Беларуси в 14 раз больше, чем у женщин.¹³ По данным на 2015 год в только 6,8% населения белорусских тюрем составляли женщины.¹⁴ 80% бездомных в странах бывшего СССР — мужчины.

В Беларуси 38% работающих женщин и лишь 27% мужчин имеют высшее образование.¹⁵

Интересная статистика есть по России: по данным «Совы», в 2007-2016 гг. в РФ в результате нападений на почве ненависти убито 16 женщин и **433** мужчины.¹⁶

Мужчины в среднем в 2 раза чаще становятся жертвами преступлений, чем женщины, за исключением изнасилований (данные по США и Канаде — аналогичной информации по Беларуси я не нашел).¹⁷

Один из центральных моментов, поднимаемых на щит феминистками: насилие в семье. При этом приводятся действительно ужасающие цифры девушек\женщин, страдающих от своих партнеров. Но вот на другую статистику часто напрочь закрывают глаза. По данным комитета Государственной думы по делам женщин, семьи и молодежи в 2001 г., в России около 2 миллионов детей в возрасте до 14 лет ежегодно подвергались избиению в семье. Более 50 тысяч таких детей убегают из дома. **При этом мальчиков бьют в три раза чаще, чем девочек.**¹⁸ Список можно продолжать долго, но эти «неравенства» практически полностью игнорируются феминистками. Я уже не говорю об общественных стереотипах, направленных против мужчин: «не служил – не мужик», «обязан уступать место в транспорте», об оценивании мужчин в первую очередь с точки зрения их финансовой состоятельности (явление, аналогичное объективизации у женщин, только женщину сводят до ее тела, а мужчину — до его кошелька), о том, что традиционно в семьях постсоветских стран финансами семьи распоряжается женщина, и так далее.

Несмотря на все это, феминистки продолжают говорить о некой «власти мужчин» как о доказанном факте, и о том, что мужчины — привилегированные а женщины — угнетенные.

Конечно, глупо было бы отрицать, что женщины также страдают от некоторых общественных стереотипов и сталкиваются с проявлениями сексизма в свой адрес. И я привел вышеуказанные факты не к тому, что прямо сейчас нужно начать движение в защиту прав мужчин, а к тому, что анализировать любое явление необходимо во всей его сложности и многомерности, а не идти на поводу у группового эгоизма и шаблонных утверждений о «патриархате» и «мужском доминировании». Да и сложно говорить, с учетом вышеуказанных факторов о каком-то патриархате в его изначальном понимании («патриархат» в переводе с греческого – власть отца), как доминировании всех мужчин над всеми женщинами. Жизнь гораздо сложнее, и если мы, как борцы за равенство и свободу для всех, хотим иметь в уме и перед глазами объективный, верный анализ вещей, мы должны

11 <https://news.tut.by/society/487828.html>

12 <https://news.tut.by/society/497147.html>

13 http://n-europe.eu/article/2012/11/19/muzhchina_kak_zhertva_gendernogo_neravenstva

14 <https://news.tut.by/society/465858.html>

15 <https://www.kp.by/daily/26999/4061204/>

16 <http://www.sova-center.ru/database/violence>

17 <http://www.victimweek.gc.ca/res/r512.html> https://en.wikipedia.org/wiki/Sex_differences_in_crime

18 https://vk.com/checkmatescum?w=wall-59674106_24736

принимать к сведению все факторы, а не только те, что удобны для популярных ныне теорий, при этом обвиняя каждого несогласного в «сексизме».

Ряд феминисток могут возразить, что феминизм поднимает в том числе и вопрос стереотипов в отношении мужчин, борясь, тем самым, и за их освобождение от давления общества. Однако это не совсем так. Зайдя на любой феминистский сайт, пообщавшись с большинством феминисток, вы обнаружите, что проблемы мужчин занимают в их сфере интересов совершенно мизерное место, если вообще занимают. При этом, насколько я могу судить по интернет-дискуссиям, попытки взрастить какое-то подобие движения за права мужчин вызывают у феминисток резко негативную реакцию: это воспринимается как «мизогиния», «сексизм» и война против женщин.

Феминистки третьей волны подчеркивают, что их конечная цель — полное стирание гендерных различий, тем самым — преодоление «патриархата» и «мужского доминирования». При этом вся вина за существование этого патриархата возлагается на социум, на общественные отношения, на власть, или — что чаще всего — на всех мужчин в целом. При анализе взаимоотношений полов (если такой анализ вообще встречается) используются исключительно социологические инструменты, не берущие в расчет ничего, кроме воспитания и социализации.

Однако это в корне неверно.

По мнению множества ученых: этологов (этология — наука об инстинктах), а также антропологов, психологов, психиатров и социологов, решающее влияние на формирование гендерных ролей в обществе оказал естественный отбор. То есть, проще говоря, гены. С точки зрения биологии мужчина и женщина, как особи, имеют разные роли в размножении и воспроизведении потомства. И распределив их между нами, природа наложила на нас неизгладимый отпечаток. Мужчина, как бы не хотел, не может выносить и родить ребенка, а женщина не может оплодотворять других женщин. Сфера размножения наряду с требованием сохранить себя от опасности, является самой главной (с точки зрения природы и естественного отбора) функцией как мужчины так и женщины, регулируя наши врожденные поведенческие модели, которым мы неосознанно следуем. Именно поэтому инстинкты самосохранения и продолжения рода являются самыми сильными и сильно влияющими на наше поведение (особенно в сексуальной сфере). Абсолютно все люди хотят жить и будут прилагать все усилия для того чтобы не умереть. Абсолютно все люди хотят заниматься сексом. Нас этому не учат ни в семье ни в школе, но тем не менее мы это делаем — это поведение заложено в нас генетически.

Согласно биологической классификации люди относятся к отряду приматов, и в сфере размножения, соответственно, следуют свойственной приматам стратегии размножения — разумеется, с существенной поправкой на человеческую культуру и цивилизацию.

Традиционное распределение мужских и женских гендерных ролей (мужчина — добытчик, женщина — домохозяйка, мужчина — воин, женщина — мать и т. д.) этологи объясняют несколькими эволюционными факторами. Первым из которых является увеличение объема мозга у людей. Здесь, чтобы не заниматься вольной трактовкой узкоспециальной научной информации, позволю себе процитировать российского орнитолога, доктора биологических наук, профессора Виктора Дольника.

«Мы привыкли думать, что все эволюционные проблемы человека связаны с «мужчиной-тружеником», что наша эволюция определялась тем, как отбор решал мужские проблемы. Но это не так. Эволюция женщины была более трудной, и она

важна тем, что без решения естественным отбором «женских проблем» ничего бы не получилось. Для того чтобы наглядно показать «связь головы с тазом», нужен маленький урок анатомии.

У четвероногих животных строение таза таково, что он одинаково хорошо приспособлен и для бега, и для родов. Чтобы голова плода легко проходила сквозь родовой канал между образующими таз костями, таз должен быть «широким». У четвероногих широкий таз не препятствует бегу, и некоторые из них рожают очень крупных детенышей. У шимпанзе голова плода относительно большая, но и она проходит сквозь родовой канал, не делая ни одного поворота.

По мере приспособления к хождению на двух ногах нужно, чтобы подвздошные кости таза повернулись вовнутрь. Таз при этом становится «узким». Чем уже таз, тем быстрее и неутомимее ходьба на двух ногах. Так происходило у предков Люси (афарского австралопитека). У Люси таз был очень узкий. Но ее дети не были большеголовыми, поэтому их можно было рожать и при узком тазе. Правда, голова плода должна была сделать один поворот, чтобы войти в родовой канал, и немного повернуться при прохождении через него. Уходящих на двух ногах женщин родое отверстие таза открывается тоже назад (вниз), но оказывается между направленными туда же ногами. Расстояние между тазобедренными суставами очень велико, и чем шире родое отверстие, тем шире расставлены ноги. Такое положение ног очень утомительно при стоянии и ходьбе и не позволяет бежать быстро. Когда около 2 млн лет назад у умелого человека началось увеличение мозга, рожать больше головных детей становилось все труднее. Тупик?

Из него есть два выхода, но оба не без потерь. Во-первых, ребенка с большой головой можно родить в тот момент, когда его голова вырастет до тех же размеров, как у ребенка Люси. Но при этом он родится недоразвитым, мелким, нуждающимся в большой заботе. Во-вторых, можно пропорционально голове ребенка расширить таз. Но тогда такая самка будет хуже ходить и бегать. Широкоотазые самки не смогут ходить наравне с самцами, а при бегстве будут отставать.

Какое же решение выбрал естественный отбор? Сначала первое. Таз тридцатилетней самки умелого человека, жившей 1,8 млн лет назад, оказался тех же пропорций, что и у Люси. А это значит, что дети рождались мелкими и беспомощными. И у прямоходящего человека 1,6 млн лет назад таз был узким.

Какой вывод мы сделаем, читатель? Да тот, что по крайней мере еще 1,5 млн лет назад пра-женщины не могли позволить себе быть «слабым полом». Из этого можно сделать еще один вывод: в парном браке, с заботой партнера о партнерше и их детях они не состояли. Это же верно и для Люси и ее предков. Был ли у них групповой брак или самки принадлежали иерархам стада, мы не знаем.

У человека разумного голова еще увеличилась. Тут уж пришлось естественному отбору заняться тазом. Таз женщин стал широким. Из-за него женщины ходят и бегают много медленнее мужчин. Лошади на бегах и скачках соревнуются независимо от пола: жеребец и кобыла бегают наравне. Очень удобно при стадном образе жизни. Плата за расширение таза очень велика. Поэтому отбор расширил таз только-только и ничуть больше. В сущности для родов женский таз недостаточно широк. Голова плода проходит через родовой канал трудно, с несколькими поворотами. Роды у человека очень тяжелые, если сравнивать с другими животными. [...] Расширение таза весьма усилило вечную проблему: женщины стали слишком отставать от мужчин при переходах (их приходилось ждать), а при нападении хищника мужчины вынуждены были отвлекать на себя опасность, обеспечивая убегающим женщинам фору. [...] Для охоты и прочих серьезных дел мужчины теперь были вынуждены образовывать однополюе группы, а женщин оставлять в безопасных местах. А раз так, значит, их несомненно подкармливали. Во-первых, с развитием мозга у людей, а следовательно, и у

человеческих детенышей, стал увеличиваться объем черепа. Для того, чтобы сделать возможными роды таких детенышей, естественный отбор стал увеличивать ширину таза первых человеческих видов. Но широкий таз существенно ограничивал женщин в подвижности — им стало сложнее бегать, совершать долгие переходы. Это обусловило практически неучастие женщин в охоте и войнах, и необходимость мужских членов племен заботиться о них.¹⁹

С другой стороны, свою роль сыграла стратегия размножения, которой придерживались высшие приматы. Если у многих животных (например, у копытных) дети рождаются почти готовыми к самостоятельной жизни, то у людей они рождались и рождаются совершенно беспомощными, нуждающимися в длительной многолетней заботе и воспитании. Самка (или женщина, как вам будет угодно) не могла оставить ребенка и отправиться на добычу пропитания, но еще перед его зачатием она могла выбрать такого партнера, который с большей вероятностью сможет обеспечить ее пропитание и комфорт во время воспитания ребенка — то есть будет делать вклад в выращивание потомства. Таким образом, из поколения в поколение, из тысячелетия в тысячелетие женщины мужчин, которые были успешны в добыче пищи и в заботе о потомстве, чтобы те, размножаясь, передали свои гены, закрепляющие такого рода поведение, позволившие им быть репродуктивно успешными, дальше, обеспечив, тем самым, повышенные шансы на выживание своим детям и внукам.

Позже, с развитием классового общества (примерно 10 000 лет назад) успешность самцов стала устойчиво коррелировать с их состоятельностью, с количеством имущества и земли. Здесь также процитирую ученого, доктора биологических наук, ведущего научного сотрудника Палеонтологического института РАН Александра Маркова. В одной из своих лекций сказал, что для видов с высоким мужским вкладом в потомство (к которым относится человек) «...половой отбор, идя по признакам, важным для выживания, усиливает обычный естественный отбор. Самки выбирают самцов по признакам, свидетельствующим о повышенной приспособленности».²⁰

Замечу, здесь у нас, как и у всех других млекопитающих, выбор брачного партнера всегда делает самка, и практически никогда — самец. В этологии это называется **принципом незаменимости самки**. Объясняется он просто: для выживания рода достаточно всего одного самца, который сможет оплодотворить сколько угодно самок. Этот принцип хорошо знают заводчики скота (простите за вульгарное сравнение). Если будет один самец и 10 самок — род выживет, и сможет размножиться достаточно быстро, если же наоборот — эффективность размножения резко снижается. Именно женщина, самка, воспроизводит род, «создает новых людей», не дает популяции угаснуть. Отсюда и культы богинь-матерей, богинь плодородия, отсюда и окружение женщин особенной заботой. Не исключено, что на инстинктивном уровне в нас заложено уважение к женской жизни более, нежели к мужской. Вспомните выпуски новостей: «Погибло 10 человек, из них две женщины», «Озверевшие ОМОНовцы избивали даже женщин», «Террористы согласились отпустить женщин и детей» - и так далее. Во всех культурах женщина считалась, а де-факто и до сих пор считается, более ценной особью, которую необходимо оберегать и лелеять. Может быть, этим и объясняется повышенная смертность мужчин, большая забота женщин о своем здоровье, большая продолжительность жизни женщин по сравнению с мужской?

Аналогично с точки зрения эволюционной биологии объясняется ряд стереотипов сексуального поведения, кажущихся на первый взгляд парадоксальными.

19 http://www.vixri.ru/d3/Dolnik%20V.R.%20_Neposlushnoe%20ditja%20biosfery.pdf

20 <https://www.onlinetv.ru/video/1396/?autostart=1>

Мужчины и женщины по-разному переживают любовь (активируются разные мозговые центры, разная гормональная реакция). Мужчины и женщины по-разному выбирают половых партнеров. Если говорить грубо, для мужчин важно количество, а для женщин — качество. В полном соответствии с эволюционными программами мужчина стремится передать свои гены (т. е. оставить потомство) максимально большему количеству самок. Это отчетливо видно в человеческой культуре: образ «успешного мужчины» всегда связан с избытком женского внимания, это видно и по поведению большинства мужчин, особенно в молодом возрасте.

Женщине, наоборот, нужно получить потомство лишь от лучших самцов, тех, чьи гены обеспечат большую успешность и выживаемость ее детей. Им более важно найти «одного единственного» и удержать его у себя. Это свойство также закреплено на уровне стереотипов и фольклора: «главное выйти замуж», «потащила в ЗАГС» и тому подобное. Инстинктивные программы, слепые к культуре и морали, призывают ее размножаться (в современных реалиях — заниматься сексом) лишь с самыми успешными самцами, теми, кто наиболее приспособлен к окружающей обстановке, кто в состоянии обеспечить ей комфорт, безопасность и достаток для воспитания детей. Нетрудно догадаться, что такие поиски приводят инстинкт напрямик к мужчинам, стоящим на вершине социальной иерархии: бизнесменам, высококвалифицированным специалистам, звездам шоу-бизнеса и т. п.

Наверное, вы и сами заметили, что у мужчин с высоким социальным статусом практически не бывает проблем с нахождением сексуальной партнерши. Более того, они сами его находят. Аналогичную тенденцию можно проследить и в любой малой социальной группе — лидер как правило всегда пользуется успехом у женщин, чего не скажешь о мужчинах внизу социальной иерархии. Обращали ли вы внимание на то, что в подростковом возрасте (когда инстинкт наиболее силен, а влияние культуры наиболее слабо) девочкам особенно нравятся «хулиганы», бойкие, агрессивные, часто грубые вожаки, ставящие под сомнение авторитет старших? Это и есть архетип «альфа-самца» с поведением, свойственным лидеру, которые на уровне эмоций (а инстинкт действует именно через эмоции а не разум) воспринимается девочками как «альфа-самец» который даст успешное потомство (о потомстве в нашей культуре, конечно не думают, думают просто о «любви» и «отношениях»).

Часто ли вы видели, чтобы «изгой» в классе или любой другой группе подростков пользовался успехом у девочек? Часто ли встретишь чтобы социально успешный, богатый человек имел проблемы с нахождением сексуальных партнерок? На мой взгляд, эти бытовые примеры подтверждают правильность изложенного выше подхода.

Аналогичную — эволюционную — причину имеет и разное отношение к множественности сексуальных партнеров у мужчин и у женщин. Для мужчин оно встречается в обществе поощрение, т. к. самец, желающий максимально увеличить свой репродуктивный успех нормален и приемлем с точки зрения наших инстинктивных программ. Женщина же, позволяющая вступать с собой в половую связь всем — в том числе и низкоранговым, «неуспешным» самцам — подвергается осуждению, т. к. ухудшает свою, а значит и всего рода, эволюционную перспективу.

Сторонники социологических концепций признают вышеперечисленные тенденции в обществе, однако считают, что они имеют исключительно социальную, культурную природу. Т.е. мужчины хотят нравиться максимальному количеству женщин не потому, что того требует инстинкт, а из-за «давления нормы», по той же причине женщины склонны выбирать мачо-мужчин из-за навязанных обществом стереотипов. Туда же идут объяснения и про то, почему девочки в детстве играют с куклами, а мальчики с танками\конструкторами и т. п.

Однако ряд исследований, в т.ч. новейших, говорит о том, что в современной западной науке, попавшей под сильное влияние феминизма, социальный аспект развития переоценен, а инстинктивный, наоборот, недооценен. В обиходе исследователей появился такое понятие как Парадокс гендерного равенства (Gender equality paradox).²¹

Его суть состоит в том, что в странах с высоким уровнем гендерного равенства процент женщин, получающих типично «мужские» профессии и специальности такой же, или даже ниже, чем в странах, где с гендерным равенством есть проблемы. *В ходе исследования были проанализированы данные 475 тысяч человек из 67 стран. Оказалось, что в развитых странах женщины, несмотря на широкие возможности, меньше заинтересованы в получении работы в таких сферах деятельности, как наука, инженерия и математика. И хотя успехи юношей и девушек в освоении этих предметов примерно одинаковы, последние не стремятся продвигаться в научном или техническом направлении.* [ibid]

В чем же причина? Феминистки объясняют ее просто: даже в странах с высоким уровнем гендерного равенства существует давление патриархата, которое не дает женщинам свободно развиваться! Если и есть законы, правила, нормы, социальные установки, направленные на стирание любых гендерных различий и предрассудков, если даже эта тема бесконечно муссируется в СМИ и поддерживается на законодательном уровне десятки лет – все равно этого не достаточно, сексизм все равно главенствует в обществе.

В 2011 году на норвежском телеканале NRK вышла одна из серий документальной передачи Hjernevask ("Промывка мозгов") под названием «Парадокс гендерного равенства». В ней ведущий, наткнувшись на вышеуказанный факт, опрашивал ученых: социобиологов, эволюционных биологов, медиков, с одними и теми же вопросами: почему так получается, что даже когда женщинам дают равные с мужчинами возможности развития (а мы помним, что в Норвегии гендерное равенство уже много лет возведено в ранг жесткой государственной политики) они все равно выбирают типично «женские» профессии? Почему на стройках мы видим почти одних мужчин, а в больнице медсестрами – почти одних женщин, и так далее. Это всё воспитание, или все же имеет место биологическая склонность мужчин и женщин к разным типам поведения и даёт о себе знать разница устройства мозга?

Комментарии, которые дают ученые достаточно любопытны.

Профессор Симон Барон Коэн, психолог, доктор наук из Кэмбриджского университета:

«Мы брали детей возрастом 1 день. Целью исследования было выяснить, посмотрят они на механический объект, или на лицо. И посчитали – кто из детей как долго смотрит на эти объекты. И мы обнаружили, что больше мальчиков смотрело дольше на механические объекты, а девочки смотрели дольше на лица. Даже на первом дне жизни. То есть до того, как им показали игрушки или были навязаны какие-либо культурные предпочтения и предрассудки.»

[...]

«Мы знаем, что у мальчиков и девочек разное количество тестостерона. В частности, у мальчиков его производится в два раза больше. И этот гормон влияет на то, как развивается мозг. [...] Мы подсчитали количество тестостерона, пока ребенок находится в утробе матери и после рождения. И посмотрели на поведение. И мы обнаружили: чем выше уровень тестостерона во время внутриутробного развития, тем медленней он будет усваивать язык. Тем меньше он делает зрительного контакта в возрасте 1-2 лет. Больше тестостерона – более медленное социальное и языковое развитие.

21 <http://www.vokrugsveta.ru/news/286680/>

Девочки с большим количеством тестостерона показывают более маскулинный выбор игрушек в детстве.

Мы следим за развитием этих детей. Сейчас им по 18 лет. И мы обнаружили, что те, у кого был более высокий уровень тестостерона, имеют больше проблем с эмпатией, с распознаванием чужих эмоций, или принятии чужих точек зрения. Но у них больше интерес к различным системам, к узнаванию того, что как работает... Даже если мы будем игнорировать пол а брать в расчет только уровень тестостерона – можно предсказать сферу интересов».

Профессорка и докторка наук в эволюционной психологии Энн Кэмбэл, департамент психологии Даремского университета, Англия:

«Любые черты, которые увеличивают вероятность вашего потомства выжить,, имеют более высокий шанс остаться в наборе генов. Так работал естественный отбор у мужчин и женщин. Если женщине нужно вырастить и вскормить ребенка, то было бы очень странным, если бы природа не наделила ее психологическими чертами, которые помогали бы ей достичь этой цели. Такие вещи, как эмпатия, избегание опасных конфронтаций, где она рискует получить ранение, избегание социальной изоляции, где есть шанс быть исключенной из группы — все эти вещи значат, что у вас есть большой шанс выжить, размножиться, и оставить детей, которые, в свою очередь, тоже смогут оставить потомство.

Из многих психологических исследований мы знаем, что одно из существеннейших различий между полами состоит в реакции на стресс. Например людей стваили в состоянии стресса: в течении получаса вы получите удар электрошоком. И дается выбор: вы хотите подождать этого самостоятельно, или с кем то? Женщины выберут быть с кем-то. Мужчины захотят остаться одни.

Все это предопределяет, почему женщины выбирают профессии медсестры, медика, социального работника, учительницы... Эти сферы — сферы корпоративного обмена, где женщины чувствуют себя более комфортно. Конечно, есть между полами и пересечения — огромные пересечения. Есть женины, крайне увлеченные инженерией, химией и т. д. Но я говорю если именно о наиболее типичных женских и мужских интересах.

[...]

Откуда пришли разницы в строении тела, в репродуктивной системе? Я думаю, большинство ученых-социологов скажет: из эволюции. Что ответственно за производство этих различий? За разное количество гормонов? Человеческий мозг. Через систему реакциq. Странно думать, что эволюция повлияла на репродуктивную систему и оставила абсолютно нетронутым мозг — наиболее «дорогой» орган, которыq есть в человеческом организме.»

Рекомендую посмотреть все видео — там много интересных высказываний ученых и любопытных фактов, которые позволяют свежим взглядом посмотреть на вопрос поведения полов и существование гендерных норм и стереотипов.²²

Любопытно, в фильме дается слово и ученым-критикам этологического подхода, которые отрицают такие выводы. Довольно интересно послушать их аргументы:

– (ученая) Странно, что людям так интересны эти различия. **Мне это совсем не интересно.**

22 <https://www.youtube.com/watch?v=p5LRdW8xw70>

– (журналист) Но разве это не актуальная тема: почему мужчины чаще становятся инженерами?

– (ученая) Нет, я так не думаю

Подчеркну, это говорит сотрудница Института труда, философ, специализирующаяся на гендерных исследованиях.

«Это исследование старомодно. Большинство таких исследований опровергнуто. Большинство людей сейчас не говорят, что у нас разный мозг»

- говорит другой ученый, социолог.

Можно было бы приводить еще множество примеров того, как эволюционные программы, будучи реализованы через эмоциональную сферу (а именно в этой сфере и «работает» взаимоотношение полов: любовь, симпатия, сексуальное влечение и т.п.) влияют на нашу повседневную жизнь, но в задачи нашей работы это не входит. В списке литературы в конце статьи вы сами сможете найти достаточно литературы на эту тему.

Конечно, ни я, ни приведенные выше ученые, не хотят сказать, что все поведение человека, в том числе репродуктивное, все гендерные стереотипы и взаимоотношения между полами определены исключительно генами или уровнем гормонов. И как вы и сами, наверное, могли заметить, большинство (если не все) описанных выше инстинктивных стратегий на сегодняшний день для человека сегодняшней цивилизации являются атавизмами. Нам больше не нужно уметь быстро бегать, чтобы спастись от врагов или догнать жертву, мужчинам не нужно ради выживания рода стремиться оплодотворить как можно большее количество женщин, да и вообще секс уже давно отделен от деторождения как такового. То есть практически все инстинкты, привитые нам природой, неактуальны в современном обществе, а подчас и вредны. Поведение классических «альфа-самцов» кажется нам глупым и сексистским, поведение кокетливых девушек, играющих с чувствами парней кажется нерациональным но... по-прежнему работает, помогая этим девушкам получать мужское внимание. Ведь такое поведение воздействует на наши древние, инстинктивные программы, идя, зачастую «в обход» культурных норм и разума.

В реальности же культурные наслоения, влияние этики, морали, даже моды порой очень сильно сдвигают предпочтения как мужчин так и женщин. И, конечно, далеко не все ведут себя в соответствии с эволюционными программами приматов. Например, благодаря массовой культуре стали популярны женственные субтильные мужчины, что с точки зрения полового отбора совершенно нерационально и контрпродуктивно. Масс-культуре ничего не стоит ввести «в моду» женщин с маленькой грудью, убедив как мужчин, так и самих женщин, что это стильно, сексуально и современно (хотя с точки зрения биологических программ женщина с большой грудью — куда более подходящая мать для будущего потомства, а следовательно, и половой партнёр).

Тем не менее инстинктивные программы, будучи плодом эволюции продолжали, продолжают, и будут продолжать оказывать на нас огромное влияние еще очень долгое время. Причина этого проста: эволюционным схемам несколько сотен тысяч или даже миллионов лет. Культурным наслоениям — около 40 тысяч. За столько короткое (ничтожное с точки зрения естественного отбора) время в людях просто не могли на биологическом уровне закрепиться новые модели поведения. И поэтому сейчас мы продолжаем во многом, слепо следовать инстинктивным программам, рационализируя и оправдывая их под любым соусом: женщины выбирают в мужья начальников и лидеров, если даже те обладают весьма

посредственными моральными качествами и потом годами заставляют женщину страдать в семье, мужчины стремятся к множественности половых контактов чтобы поднять свой статус и самооценку и так далее и тому подобное. Эти программы уже давно не нужны, но они живут в нас, изо дня в день влияя на наше поведение, и во многом определяя лицо человеческой цивилизации.

Все написанное мной выше не является моей выдумкой или моими личными выводами — это, в общем и целом, общепринятая позиция научного сообщества из научной дисциплины под названием «этология человека». Как видим, у многих ученых совершенно другой, нежели у феминисток, взгляд на происхождение гендерных ролей и взаимоотношений между полами. Можно спорить о правоте этих научных данных, можно дискутировать о научных методах их исследований и о выводах, которые из них делают. Однако на мой взгляд, недопустимо слепо отвергать их или клеймить «сексистскими» и «патриархальными». Недопустимо, раз подобные исследования не вторят феминизму, говорить что они способствуют «угнетению женщин». Само по себе знание не может быть ни сексистским, ни мачистским, не мизогинным. Таковым может быть лишь его использование. Ведь если мы хотим изменить общество, мы должны иметь адекватный и правдивый его анализ, а не закрывать глаза на какие-то факты и теории только потому, что они нам неудобны. И отталкиваться наш анализ должен от всех имеющихся в наличии данных, а не только от тех, которые имеют **именно сегодня** наибольшую популярность из-за того, что дают кому-то бонус почувствовать себя угнетенным.

К сожалению, в своем анализе общества современный левый феминизм и анархо-феминизм, ничего из вышеперечисленного в расчет не берет и предлагает другие пути выхода из «патриархата». Рассмотрим каким образом современный левый феминизм проявляет себя на практике.

ФЕМИНИЗМ

Как уже писалось, идея феминизма состоит в том, что женщин необходимо освободить от власти патриархата и от многочисленных угнетений, которым она, по мнению феминисток, подвергается в повседневной жизни. Сегодня на западе переживает расцвет так называемая третья волна феминизма. Первая волна относится ко второй половине 19 века и являла собой борьбу женщин за права избирать и быть избранной в органы власти а также другие политические права. Вторая волна относится ко второй половине 1960-х — женщины боролись против кухонного «рабства», за право делать аборт, заниматься традиционно мужскими профессиями и т. п., то есть ликвидировали те предрассудки которые остались в после установления юридического равенства. Феминизм третьей волны, зародившись во второй половине 1990х, борется против угнетения на дискурсивном и смысловом уровне, преследуя «сексистскую» рекламу, высказывания публичных лиц, критикуя за «мизогинию» произведения кинематографа, искусства и т. п. В этом он неразрывно связан с социологической теорией постструктурализма, и концепцией Фуко, согласно которой тот, кто владеет дискурсом (имеет власть определять значения слов и понятий), тот и господствует в обществе.

Тут стоит провести некоторое различие. Насколько я могу судить, большинство феминисток третьей волны — левачки в той или иной степени. Направленность на борьбу со «всеми видами угнетения» заставляет их поддерживать борьбу не только против «патриархата», но и против гомофобии, трансфобии, эйблизма, эйджизма и прочих «видов угнетения», что закономерно приводит их в лагерь условных левых. Как правило, они называют себя «интерсекциональными феминистками». В то же время где-то в этом же спектре имеют слово и анархо-феминистки, по мнению которых, ликвидация «патриархата» (которое все чаще понимается как стирание любых гендерных различий), возможно лишь в анархистском обществе, после уничтожения государства и капитала.

Тем не менее политическая практика у всех феминисток третьей волны, независимо от степени «анархичности» примерно одинакова.

Одним из основных способов борьбы с «угнетением» является создание так называемых «безопасных мест» (сейф спейсес), о которых уже писалось выше. На практике это выливается в проведение сепарированных лагерей «только для женщин», мероприятий, куда мужчинам вход воспрещен, отдельных женских собраний и т.п. Мотивация такого сепарирования при первом рассмотрении довольно благородная: женщины не смогут быть открытыми и делиться своими переживаниями в присутствии угнетающих их мужчин. Отмечу, что практика женского сепаратизма уже не является эксклюзивной для западноевропейского феминизма, а активно перенимается и в Беларуси.

«Т.к. в основе любых сепаратных практик лежит идея не-сотрудничества, (не-сотрудничества с мужчинами, - прим. Авт) целью феминистского сепаратизма является построение эффективной коммуникации между девочками и женщинами, их отделение от институтов и ролей, обслуживающих нужды белых цисгендерных гетеросексуальных мужчин, и продуктивное сотрудничество на пользу друг другу. [...] Одной из задач феминистского сепаратизма является создание безопасных сепаратных пространств, т.е. пространств, свободных от любой (а не только гендерной) дискриминации...»²³

- пишут в своем рассказе о летнем феминистском лагере минские феминистические активистки из организации Makeout, которые, насколько я могу судить, относят себя к интерсекциональному феминизму. Обратите внимание: отсутствие мужчин приравнивается к отсутствию дискриминации. То есть де-факто девушки утверждают, что их дискриминируют не какие-то общественные институты, а мужчины как таковые. Вообще их существование и нахождение рядом.

В одном из российских феминистских сообществ аргументы мужчин, считающих несправедливым существование сепаратных пространств опровергаются следующим образом:

«Женщины практически всегда подвергаются плохому обращению по причине того, что они женщины, что-либо иное это оправдание сексизма, ни больше ни меньше. Ты привилегированна, если тебе не угрожают мужчины, другие люди лишены таких привилегий.

“Я не отпугивающий/агрессивный/подавляющий”.

Нет, ты такой. Даже когда ты говоришь это, ты ставишь в неловкое положение, унижаешь женщин, вызываешь у них чувство вины за их желание побыть наедине с людьми, к которым они ощущают большую привязанность и с которыми они чувствуют себя в безопасности.»²⁴

Здесь хочется провести аналогию с классическим мужским шовинизмом в духе «все бабы – стервы». На основании одной лишь половой принадлежности человеку приписывается целый ряд черт и его насильно определяют в определенную категорию. Для того, чтобы тебя сочли «шлюхой» или «давалкой» достаточно быть молодой девушкой. Для того, чтобы быть агрессивным и подавляющим не нужно даже открывать рот и что-то делать – достаточно быть мужчиной. Концепция сепаратного феминизма такова, что вся совокупность личностных качеств человека сводится лишь до его половой принадлежности. Мужчина – значит агрессивный угнетатель. Вызывает большие сомнения то, что такая концепция вообще может сосуществовать с анархизмом, главными принципами которого являются объединение людей (а не выстраивание между ними новых границ, в т.ч. физических) и справедливость – то есть суждение о человеке по его заслугам а не по каким-то стереотипам или, тем более, биологически признакам.

Оправдывая существование сепаратного феминизма, многие феминистки в первую очередь поднимают на щит сексуальное насилие со стороны мужчин. Мол, женщинам, пережившим его, может вообще не хотеться находиться рядом с мужчинами. В этом есть большая доля лицемерия. Лично я глубоко сочувствую жертвам сексуального насилия и готов всячески посодействовать тому, чтобы мое присутствие не причиняло им дополнительных травм. Я не хочу с нездоровым интересом выслушивать подробности того, что с ними произошло, и если меня какая-то девушка попросит выйти, прежде чем начать своим товарищам рассказ о случившемся – я без вопросов это сделаю.

Однако зададим себе вопрос: все ли посетительницы феминистских сепаратных были жертвами сексуального насилия? Насколько я могу судить из личного общения со сторонницами safe spaces, многие из них, если не большая часть, никогда не подвергались таким жестоким формам угнетения, как сексуальное насилие или даже домашнее насилие, а принимают точку зрения интерсекциональных феминисток из солидарности, из «чувства справедливости» (как они её видят) или для культивации чувства коллективной идентичности (для которой непременно нужно максимально обособить себя от другой группы или, еще

24 <http://feministki.livejournal.com/2932054.html>

лучше, найти врага). Разыгрывая карту изнасилования, они пытаются донести себе и окружающим, что мужчина – угнетатель, не достойный сотрудничества и общения просто по факту того, что он мужчина. На мой взгляд, данная логика совершенно несовместима с анархистской этикой. Мы не можем разделять людей по биологическому признаку, как это делают шовинисты разных мастей. Даже если речь идет о мыслимом кем-либо «угнетении» одних другими, мы должны двигаться к сотрудничеству, к диалогу и к обсуждению, а не к побегу друг от друга – если хотим добиться чего-то вместе. Запрет человеку исходя из его биологических характеристик посещать какие-либо места, исходящий от анархистов (!) – абсурден, и больше подошел бы авторитариям с их дискриминационными идеологиями. Анархизм — это идеология, нацеленная на изменение общества и, шире, всего мира, поэтому замыкание в себе даже под благим предлогом не даст нашим целям ничего.

Особенно трагикомично сепаратистские практики смотрятся на фоне того, что в 1960-е феминистки второй волны боролись за то, чтобы, наоборот, быть включенными во все места, ранее считавшимися мужскими: клубы, трибуны, профессиональные сообщества, добивались совместного посещения школ мальчиками и девочками и т.д., тем самым, наоборот, навязывая обществу гетерогенные группы, а не исключительно мужские и исключительно женские, тем самым способствуя большей солидарности и взаимопониманию между полами. Сегодня же феминистки третьей волны фактически топчутся по их достижениям: 50 лет назад их соратниц «отсаживал» от мужчин патриархат, сегодня они сами запираются в сепаратных гетто.

Таким образом, центральным феминистский сепаратизм, как одна из практик левого феминизма, стоит на принципе коллективной вины: все мужчины несут ответственность за угнетение женщин, все мужчины являются сексистами просто по факту того что они якобы транслируют «патриархальную» культуру. Правда, порой женщины куда больше проникнуты патриархальной культурой (думая не только о своей predetermined роли «выйти замуж-родить ребенка, но и ожидая от мужчины того, чтобы он был принцем на белом коне, который будет её защищать, обеспечивать, любить, оберегать, забивать гвозди и покупать шубы), кроме того — принцип коллективной вины/коллективной ответственности это полностью ультраправая парадигма, не имеющая ничего общего с анархизмом. Здесь позволю себе процитировать статью известного российского анархиста **Петра Рябова** «Разделяй и освобождайся: гильотина сепаратизма как средство от головной боли патриархата».

«На словах критикуя сексизм, сепаратистки лишь меняют его форму. Они создают новый образ врага, и этот враг — не власть, не патриархат, не капитализм, а мужчины, все скопом. «Мужское» гипостазируется, отождествляется со злом, агрессией, войной — и переносится на половину всего человечества. «Женское» же обожествляется, восхваляется, ассоциируется с миром, созиданием, любовью и — опять же переносится на вторую половину человечества. Выстраиваются новые полосы отчуждения, воздвигаются новые стены, создаются основы для новых конфликтов и сегрегаций. Принцип коллективной вины мужчин (по самому факту их рождения мужчинами), провозглашаемый сепаратным феминизмом, несправедлив и чудовищен своей близостью, как всякий принцип коллективной вины. Это ничем не лучше расизма или нацизма, огульно объявляющего «плохими» и «хорошими» целые народы и расы.»

Многие могут возразить, сказав, что сепаратные феминистки далеко не составляют большинство в феминистическом движении, и ряд феминисток также критикует сепаратизм. Однако далее мы увидим, что разжигание ненависти между гендерами и применение принцип коллективной вины свойственно и для вполне мейнстримового левого (интерсекционального) феминизма.

Одним из центральных, если не основным сайтом, осуществляющим ретрансляцию ценностей левого феминизма в современное западное общество является сайт everydayfeminism.com

Анализ содержания этого сайта, а особенно формируемого им дискурса и поднимаемых тем не оставляет сомнения: под прикрытием борьбы за «равенство» с помощью дискурсивных практик, формирования специфической терминологии и тенденциозной подборки фактов его авторы активно поощряют цензуру, продвигают сексизм, формируя в обществе негативный образ мужчины и в какой-то степени даже поощряя враждебность по отношению к ним.

Разберем некоторые примеры.

Семантике и вопросам «правильных» и «неправильных» слов\выражений посвящены целые статьи на этом сайте. В полном соответствии с постмодернистским представлением о том, что кто владеет смыслами — владеет всем, феминистки продвигают идею о том, своих сексуальных партнеров, парней и девушек нужно называть «гендерно нейтрально». По мнению авторок данных статей, сами слова «девушка» и «парень» являются «отчуждающими и агрессивными», могут провоцировать сексизм, трансфобию и гомофобию, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так, в статье «*Пять гендерно нейтральных альтернатив «парню» и «девушке»*»²⁵ авторка предлагает необходимость заменить традиционные и привычные слова такими альтернативами как «Партнер» (Partner), «Любовник\любовница» (Lover), «Некто важный» (Significant other), Бу (Boo), Гойфренд (Goyfriend).

Это, разумеется, также преподносится как очередной вклад борьбы с «мужским угнетением».

Но в принципе ничего страшного нету в том, если бы узкая группа людей, которой нравится практиковать подобное, занималась этим в свое удовольствие — ведь у каждого свои причуды и предпочтения. Однако проблема в том, что феминистки, продвигающие «гендерную нейтральность» требуют этого и от других, доказывая, что простое название кого-либо «девочкой» или «мальчиком», «мужчиной» или «женщиной» «грубо и вредоносно», приравнивая визуальное распознавание гендера (проще говоря, увидел человека, выглядящего как мужчину — назвал его мужчиной) к трансфобии, трансмизогинии и прочим грехам. Для подобного явления — когда мужчину называют мужчиной а женщину женщиной — даже был придуман еще один термин: «мисгендеринг». В статье «*Мальчик, девочка, ни то и не другое, и то и другое? Почему предположение гендера (assuming) опасно (И что спрашивать вместо этого)*» для обоснования недопустимости слов «женщина» и «мужчина» идет в ход достаточно своеобразная логика: *"Гендер, если вы конечно не агендер (еще одна идентичность, - прим. Авт.) это более глубокая часть чьей-то идентичности, чем профессия или спорт. Поэтому ее нельзя угадывать», «Если ты предполагаешь чей-то гендер, это значит что ты думаешь, что знаешь другого лучше, чем он сам».*²⁶

Таким образом, нас убеждают в том, что ради мнимого комфорта численно ничтожной группы населения (трансгендеров, людей, выглядящих как мужчина, однако считающих себя женщиной и наоборот, а также представителей неисчислимого множества других идентичностей — агендеров, небинарных (non-binary), гендерфлюидных людей (genderfluid), андрогинов, бигендеров, пангендеров, квиров и т.д.) абсолютное большинство людей должно отказаться не только от глубочайше укоренённого в каждом из нас способа описания

25 <http://everydayfeminism.com/2013/12/gender-neutral-alternatives/>

26 <http://everydayfeminism.com/2015/05/assuming-gender/>

реальности, но и от целого пласта культуры и мировоззрения, который по умолчанию делит людей на мужчин и женщин. Я не буду тут выяснять, действительно ли люди, которых ненароком назвали не тем гендером, испытывают столь серьезные страдания, что они стоят формирования нового языка и целого дискурса, написания статей и создания видео, обсуждения в СМИ и Интернете. Также я не ставлю тут вопрос, действительно ли десятки эти новоявленных гендерных идентичностей есть что-то реально существующее и присущее психике\организму, или же это лишь новомодное развлечение с элементами сексуальной игры — пусть этим занимается психология и медицина. Важно то, что для навязывания своего дискурса такими феминистками используется стигматизация и маргинализация тех, кто не хочет этот дискурс принимать: нежелающие переходить на «гендерную нейтральность» во всём обвиняются во множестве грехов: от сексизма и грубости до поддержки «мужского доминирования», что есть непосредственный базис для осуществления цензуры (о том как она осуществляется речь пойдет ниже).

Кроме нормирования и контроля над поведением человека, в последнее время в публичной дает о себе знать и другая тенденция: попытка настроить сексуальную жизнь людей и их личные предпочтения в соответствии с феминистскими нормами. Примером этого могут служить как вышеуказанные статьи (о том, как нужно называть своего парня\девушку), так и целая россыпь статей о том, как заниматься сексом «не по-сексистски», как вести себя в каких-то ситуациях «по-феминистски», как выражаться, как к чему относиться, с кем общаться а с кем нет. К примеру, статьи вроде «*День Святого Валентина: что делать феминистке?*», где пишется, что «*гетеронормативность и гендерные роли поднимают свои уродливые головы в День святого Валентина*»²⁷, «*Феминистский гид по не-пугающему флирту*»²⁸ с целыми шестью правилами о том, как следует себя вести, чтобы привлечь внимание противоположного пола и при этом не выглядеть «сексистом» или «абьюзером».

Или «*Письмо молодым феминисткам, которые встречаются со сторонниками Трампа*»²⁹, где долго и подробно обосновывается, почему феминистки (а в идеале, как следует — все женщины) не должны встречаться и заниматься сексом со сторонниками Дональда Трампа. Особенно удивительно это звучит если учесть что за Трампа проголосовали 53% американских мужчин.³⁰ И, в принципе, не было бы ничего страшного в том, если бы данные правила навязывались, опять же, лишь **внутри** феминистского сообщества, ведь в мире хватает причудливых групп со своими моральными ценностями и необычными правилами. Но проблема, во-первых, в том, что имея достаточно большой человеческий и медийный ресурс, поддержку части правящих элит а также ловко используя риторику «равенства» и «социальной справедливости» (ведь кто в здравом уме будет выступать против таких хороших вещей?) они активно пытаются навязать подобную повестку и правила поведения абсолютно всем — в первую очередь, вешая ярлыки «сексист», «мизогинист», «мачист» на тех, кто хоть минимально их критикует, а уже даже призывая оставить критиков в социальной изоляции, подвергнуть остракизму. Контроль над личным пространством, личными предпочтениями и интимным поведением, особенно в отношении мужчин, становится все более навязчивым. Мне представляется, что если бы у представительниц данного течения была в руках не только медийная власть и общественное влияние, но и реальные рычаги государственного управления, они бы не преминули воспользоваться и ими для навязывания новых социальных норм путём прямого государственного насилия.

Левыми феминистками активно критикуются и клеймятся «сексистами» и «женоненавистниками» даже те мужчины, кто пытается прилагать усилия в антисексистском поведении. Их разоблачают, унижают, клеймят, призывают к их изоляции, всем видом

27 <http://everydayfeminism.com/2013/02/valentines-day-whats-a-feminist-to-do/>

28 <http://everydayfeminism.com/2013/01/feminist-guide-to-non-creepy-flirting/>

29 <http://everydayfeminism.com/2017/02/feminists-who-date-trump-supporters/>

30 <http://www.bbc.com/news/election-us-2016-37922587>

показывая, что как не старайся, все равно ты не сможешь быть достаточно феминистичным, чтобы избежать критики и обвинений в сексизме. Чего стоит хотя бы заголовок статьи «Три образа того, как мужчина, желающий сконцентрироваться на ее удовольствии» может по прежнему быть сексистом»³¹, в котором, автор, извинившись за использование «гетероцентричного и бинарного языка», на все лады обыгрывает утверждение о том, что даже желая доставить удовольствие женщине мужчина все равно в первую очередь тешит свою самооценку и требует от женщины награды за свои старания, что, по мнению автора, является следствием «токсичной маскулинности» (toxic masculinity), которая проникла во все сферы нашей жизни.

Кроме самого факта того, что какие-то незнакомые люди лезут в интимную сферу взаимоотношений между мужчиной и женщиной, безапелляционно выражая свое мнение о том, что есть сексизм (и следовательно, что должно порицаться и искореняться), а что — нет, интересно еще и то, что практически повсюду идет додумывание за условного «мужчину» — чего же он на самом деле хочет, чего ожидает, и чем руководствуется в своем поведении (упуская из вида что все люди разные и мотивации у них могут быть тоже разные), с неизбежным, - в итоге — наклеиванием ярлыка «сексист» на ничего не подозревающего человека. На мой взгляд такое поведение не просто нарушает личные границы и унижает объект критики, низводя его до уровня какого-то примитивного животного, но и в принципе противоречит этическим нормам — тем более для движения, призывающего к борьбе с дискриминацией.

Но и это не предел. Самой сексистской статьёй, с которой я познакомился на этом сайте, была статья под названием «11 типов мужчин-женоненавистников, которых мы должны знать — и призвать к ответу!» (10 Types of Misogynist Men We All Need to Know About – And Then Call Out!).³²

С полным списком «женоненавистников» вы можете ознакомиться в самой статье, рассмотрю лишь нескольких и на их примере — аргументацию авторки:

1. Мужчины-перебиватели (Maninterruptors - вольный перевод мой, т. к. аналоги в русском языке отсутствуют. Гибрид двух слов: man (мужчина) и interruptor (перебивающий) — **прим. Авт**) «Эти мужчины всегда украдут разговор и/или переведут его изначальную тему, чтобы она больше соответствовала их личному интересу» «...» «Мизогинисты?» - спросите вы скептически. Но разве это не обыкновенная грубость? Ответ — да. Несмотря на то, кто ты, такое поведение это обычная грубость. Но я хочу поставить вопрос более широко: что овладевает человеком, что он начинает действовать подобным образом на первых ролях? Как назвать того, кто чувствует себя комфортно, доминируя в пространстве подобным образом? Мое мнение? Это женоненавистническое ощущение предназначенности — оно поощряет мужчину думать, что у него есть что сказать больше чем другим, и это информация более ценна»

С помощью такой нехитрой умственной гимнастики мужчина, доминирующий в разговоре или просто более болтливый превращается в... женоненавистника со всеми вытекающими для него последствиями.

3. Мэнспредер (manspreader, -- неологизм от man (мужчина) и spread (распространять, растекаться, раздвигать, **прим. Авт**) [...] «Хотя этот термин был создан специально для пространства вагона метро, я чувствую что его можно применить к любой ситуации: к мужчине, разбрасывающему свое личное дерьмо (вероятно, имеются ввиду личные вещи, -

31 <http://everydayfeminism.com/2015/12/focusing-on-her-pleasure/>

32 <http://everydayfeminism.com/2015/11/types-of-misogynistic-men/>

прим. Авт.) повсюду в общем жизненном пространстве, мужчины, которые бросают неоконченные проекты, рассредоточенные по специально отведенным рабочим местам, которые они делят со своими коллегами и так далее.

На мой взгляд, это определение мэнспредера может быть расширено на каждого чувака, который – посредством количества физического места, которое он занимает своим физическим телом или личными вещами – делает невозможным для других использовать место, на которое другие также имеют равное право (выделение мое – **прим. автора**).»

Обратите внимание на иезуитскую логику – попытки доказать что оставление недоделанных проектов своим коллегам – это женоненавистничество. Или что причиной того, что человек раздвигает колени в транспорте является его ненависть к женщинам. Параллельно авторка делает всё, что в ее силах чтобы расширить определение женоненавистничества до максимальных (удобных ей) пределов. Это классическое применение интерсекционального принципа «power of definition» («власть над определением»), когда, например, жертва сексуального домогательства сама решает, что есть сексуальное домогательство – прикосновение, слово или косой взгляд, а «жертва патриархата» сама решает, что есть женоненавистничество – дискриминация на рабочем месте, грубая фраза или даже ненароком кинутая в общем пространстве личная вещь. Таким образом стать женоненавистником становится очень и очень просто.

Но венцом сего творения является, безусловно, седьмой тип «мизогинистов»

7. Manarchists, Mactivists, and Brogressives (Мэнархисты, Мактивисты и Брoгрессивные - (тут следует пояснить своеобразный феминистский новояз, «Мэнархист» - это производное от man (мужчина) и anarchist (анархист) – так анархо-феминистки называют мужчин-анархистов, не разделяющих их представления о том, как себя должен вести мужчина, например чересчур «маскулинных» или «доминантных». Аналогично насчет Mactivist (man и activist - мужчина+активист) и «Brogressive» (Brother и progressive – брат+прогрессивный) – этими словами феминистки обозначают парней, которые, будучи в активистских сообществах, и придерживаясь прогрессивных взглядов, ведут себя недостаточно феминистично либо не принимают феминистские постулаты. Этот пункт стоит того, чтобы перевести его целиком., **прим. Авт.)** В наиболее базовом смысле, эти термины имеют ввиду мужчин в активистских сообществах, которые развивают женоненавистническое поведение ввиду неспособности воплотить свои революционные теории на практике. Это мужчины-приверженцы сообществ, критикующих системы угнетения, гетеропатриархии, белого господства, сексизма и эйблизма.

Поведение мэнархистов может быть тонким – мы видим их не только среди развращенных лидеров, принуждающих женщин в движении заниматься с ними сексом. Мэнархистам также свойственно обесценивать или делать невидимой работу в движении, традиционно считающуюся «женской» (забота о детях, медицина, изготовление флаеров, дистри, готовка, построение отношений). Они могут праведно ставить в приоритет стратегии, считающиеся первостепенными, тактику прямого действия и при этом не брать во внимание стратегии, укоренённые в традициях, духовности или практиках, базирующихся на эмоциях.

Они также **всегда** увлекаются своими квир-девушками и несоответствующими гендерным стандартам друзьями, даже когда последние совершенно не хотят даже встречаться с цис-мужчинами.

Их всегда привлекают «Анархо-панк Барби» или «**Alterna-Grrrl Barbie**» – стройные, с полноценным телом (able-bodied) белые женщины из движения, подходящие под общепринятые стандарты красоты.

Они также известны тем, что исключают или обходят вниманием одиноких матерей как «ложных активистов» - никогда не предлагая им помощи в присмотре за детьми, чтобы одинокая мать могла сходить на демонстрацию или митинг»

* * *

Итак если ты предпочитаешь встречаться со стройными девушками – ты женоненавистник. Если ты предпочитаешь прямое действие «стратегиям, базирующимся на эмоциях» (не совсем правда ясно что это) – ты женоненавистник. То есть понятие женоненавистничества растягивается авторкой до такой степени, что под него можно подвести **любого** мужчину-активиста. При этом не будем забывать что обвинение в ненависти по половому принципу – это тяжелое обвинение для анархистской этики, сродни расизму или национальному шовинизму. Таким образом авторка создает базис для исключения из движения каждого, чьи взгляды хоть немного выпадают из феминистической парадигмы, **или соответствуют ей в недостаточной степени**. Создается база для идейного преследования, остракизма и шельмования любых отступлений от генеральной линии, притом в ход идут даже не политические высказывания а предпочтения личной жизни: не разбросал ли вещи по комнате, не начал ли встречаться со стройной девушкой без инвалидности? Под лозунгом «личное это политичное» осуществляется бесцеремонное вторжение в личную жизнь: некто считает себя в праве вешать на любого мужчину унижительные ярлыки «мэнспредер», «мэнархист» «женоненавистник» лишь за его бытовые привычки или романтические предпочтения.

Это уже не говоря про вопиющее лицемерие и двойные стандарты такого подхода: представьте что какие-нибудь активисты вдруг начали бы обвинять девушек в «мужененавистничестве» за то, что те отказываются встречаться с парнями, у которых лишний вес. Или объявят «мужененавистниками» тех, кто не хочет драться с полицией а предпочитает клеить листовки. На них посмотрели бы – в лучшем случае – как на идиотов.

Отдельной категорией идут комиксы на сайте everydayfeminism.com, которые особенно любят репостить и даже переводить некоторые анархистские ресурсы. На уровне семиотики, конструирования образов, формирования контекста, в этих комиксах явно прослеживается умаления достоинства мужчин, наделение их негативными качествами, и как следствие — разжигание ненависти к ним. В большинстве комиксов мужчины предстают грубиянами, угнетателями, хамами, насильниками, и крайне редко — сочувствующими и мыслящими людьми.

<http://everydayfeminism.com/2014/11/double-standards-wage-gap/>
<http://everydayfeminism.com/2014/10/street-harassment-compliment/>
<http://everydayfeminism.com/2015/06/call-from-college-rapist/>
<http://everydayfeminism.com/2017/01/scientific-diet-plan/>
<http://everydayfeminism.com/2016/02/my-gender-identity-harmless/>

Это неизбежно приводит к тому, что в сознании у постоянных читателей\зрителей такой продукции конструируется устойчивое и значимое деление людей на категории, привязанные к определенным качествам — формируется стереотип мужчины. Постоянное и упорное представление мужчин почти исключительно в роли угнетателей рано или поздно приводит к появлению презрения и ненависти к ним, к стремлению унижить их и взять над ними реванш за прошлое угнетение. Это аналогично с тем, как в ксенофобных СМИ преподносят мигрантов — каждый раз когда о них упоминают, это происходит лишь в контексте совершенного ими преступления или теракта (в случае с феминистками мужчин вспоминают лишь тогда, когда речь идет об изнасиловании, харассменте, патриархате и т.п.). Ничего удивительного, что потребителей такой информации вскоре начинают ненавидеть мигрантов

— ведь у них в голове они уже наделены исключительно негативными качествами. Исходя из подборки, сконструированных образов и фрейминга (прием в журналистике и пропаганде), применяемого авторами этого центрального лево-феминистского сайта можно сделать вывод что они — сознательно или нет — двигаются в том же самом направлении: разжигание ненависти к мужчинам как таковым (под благовидным предлогом «борьбы против дискриминации») на основании лишь того, что они — мужчины.

Мне могут возразить что всё вышесказанное из опубликованного на сайте everydayfeminism.com относится лишь к либеральным феминисткам, а анархо-феминистки-де гораздо более адекватные и не пользуются такой дискриминационной повесткой. Но это не так. Во-первых, ссылки на сайте everydayfeminism.com и переводы их статей можно в изобилии увидеть на анархо-феминистских пабликах и сайтах. Во-вторых весьма похожая, практически идентичная повестка существует и в анархо-феминистских сообществах. К примеру можно взять сайт украинских анархо-феминисток (именно «анархА» – т.к. по мнению авторов, окончание «а» более феминно и менее патриархально, чем окончание «о») tovaryshka.info. На нём можно встретить такие статьи как «Принц на белом коне должен сдохнуть»: «Я хочу видеть бритую налысо, сильную, улыбчивую принцессу с двуручником во главе своего королевства. Сначала хотя бы внутри себя, а потом уже и снаружи. А охуевший принц должен сдохнуть.»³³ и неоднократное применение вышеуказанного фрейминга: мужчины упоминаются почти исключительно в негативном контексте.

Любопытна также и статья «Как заниматься лесбийским сексом в первый раз»³⁴. - хотя не совсем ясно, как это вообще связано с анархизмом и даже с освобождением женщины. Разве занимаясь лесбийским сексом нельзя быть угнетательницей или сексисткой? Какой освободительный потенциал она несет и зачем излагать в анархистском ресурсе то, что в изобилии можно найти на других тематических ресурсах? И не создают ли такие материалы у людей искаженное представление о том, кто такие анархисты?

Еще больше ненависти, презрения и прямых оскорблений в адрес мужчин как таковых можно найти по тегам, которые увлеченно запускают в соцсетях многие феминистки и деятели ЛГБТ, например #fuckcispeople, что можно перевести как #нахуйцислюдей (приставка -cis значит «по эту сторону» и обозначает людей, у которых биологический пол совпадает с социальным, то есть всех, кроме трансгендеров). Не буду углубляться в то, что пишется под этим тегом — думаю, достаточно названия. Популярны у феминисток хэштеги #maletears (#мужские слёзы) и #malefragility (#мужская хрупкость). Этими тегами они обычно отвечают в интернет-дискуссиях на любые обвинения в грубости, хамстве, сексизме и дискриминации мужчин. Та часть феминисток, что поддерживают эти интернет-флэшмобы, также любят демонстративно фотографироваться с кружками с надписью «мужские слёзы»

33<http://tovaryshka.info/prince/>

34 <http://tovaryshka.info/how-to-have-lesbian-sex-for-the-first-time-nsfw/>

(мужские слёзы)

или майками вроде этой:

\ («я купаюсь в мужских слезах» на фото писательница-феминистка Джессика Валенти - анархисткой она, конечно, не является).

Ради интереса можно на секунду представить, какой травле в западном (да и постсоветском) обществе от сторонников прогрессивных идей (в т.ч. и анархистов-феминистов) подвергся бы мужчина, который бы стал носить аналогичную одежду или фотографироваться с такими кружками. Тут уместно вспомнить историю астрофизика Мэттью Тэйлора, астрофизика, дававшего пресс-конференцию по поводу посадки зонда «Розетта» на комету Чурюмова-Герасименко. На пресс-конференцию он пришел в рубашке с принтами полуголых девушек, что вызвало гнев множества феминисток, сотни постов и твитов с обвинениями в сексизме и массовую травлю учёного. Якобы из-за таких рубашек женщины будут бояться идти в науку, полуголые девушки провоцируют мизогинию (женоненавистничество) и т. п. Издание The Verge вышло с заголовком «*Мне плевать, что ты посадил космический корабль на комету, твоя рубашка сексистская*». ³⁵ Астрофизику пришлось, чуть не плача, публично извиняться — хотя, казалось бы, в плюралистическом и прогрессивном обществе никому не должно быть дела до того, кто что носит.

С точки зрения здравого смысла и логики, абсурдной кажется сама мысль о том, что изображение полуголой девушки может вызвать ненависть, дискриминацию или кого-то унижить. Однако, насколько я могу судить, такое вопиющее лицемерие и двойные стандарты вызывают протест лишь у ничтожного меньшинства западных левых — можно предположить что, в том числе и потому, что те сами боятся стать объектом травли, быть обвиненными в «сексизме», «мачизме», «мэнархизме» и «мэнсплэйнинге».

О последних двух терминах стоит сказать подробнее. Феминистский и в целом интерсекциональный новояз в последние годы все более полнится словами вроде вышеуказанных. Интереснее другой термин: мэйсплейнинг (mansplaining) — от «man» (мужчина) и «explain» (объяснять). Он трактуется словарем как «объяснение чего-либо кому-либо (обычно женщине) в снисходительном и патронирующем тоне» Феминистская писательница Ребекка Солнит определяет мэнсплейнинг как «самоуверенность и тупость». Де-факто же обвинением в «менсплейнинге» (заодно с сексизмом и мачизмом) заканчивается почти любая дискуссия мужчины с феминистками. Термин — исходя из самого своего происхождения — используется для обесценивания сказанного человеком на основе лишь одного его пола. Если человек туп и самонадеян, зачем обязательно «приклеивать» эти качества к его полу? Какой в этом практический смысл? Ведь глупость, невежество и самоуверенность самым разным людям, независимо от гендерной принадлежности. Использование самого этого термина подчеркивает, что глупый и самоуверенный «объяснитель» это именно мужчина (и де-факто заранее оправдывает аналогичное поведение женщины — ведь термина «womensplaining» не существует). Тем самым, создавая и форся подобный унижительный ярлык, феминистки создают дискурс, который позволил бы мигмом обрубить любую критику в свой адрес. Да ещё и нивилируют хамство как таковое, мысленно избавляя всех женщин скопом от этого качества.

Женщины, употребляющие данный термин, делают большой вклад в создание негативного образа мужчины (угнетателя и самонадеянного хама), провоцируя вражду и недоверие между людьми разных полов.

О «мэнархизме» мы уже упоминали: это популярный эпитет для любого критика анархо-феминизма (см. статью «11 типов мужчины-женоненавистника»). Этот термин также активно форсится западными анархо-феминистками для обозначения мужчины-анархиста, который ведет себя маскулинно. При этом аналогичного термина для женщины-анархистки, которая ведёт себя женственно, не существует. Поскольку ярлык «мэнархист» употребляется исключительно в негативном ключе, то хочешь-не хочешь коннотация и значение этого термина переносится на мужчин в целом, как и с предыдущим термином: раз «мэн» - значит плохо.

35 <https://www.theverge.com/2014/11/13/7213819/your-bowling-shirt-is-holding-back-progress>

Отзеркалим применение этого термина в сторону женщин. Если женщине, которая распускает слухи о других сказать вместо «мне не нравятся твои сплетни» – «мне не нравятся твои бабские сплетни», или сказать «ты ведешь себя по-бабски» вместо того, чтобы сказать «ты ведешь себя некрасиво» - будет ли это сексизмом. Безусловно, да, т. к. это есть негативное стереотипизирование.

Однако если в случае женщин любой сразу обратил бы внимание на такие высказывания и охарактеризовал их как сексистские, то западных феминисток за подобное почти никто не критикует. Они же продолжают развивать этот дискурс, например снимая видео, подобные этому: <https://www.youtube.com/watch?v=nucx1L1MkPo> («Дерьмо, которое говорят мэнархисты»), где на протяжении 4 минут анархо-феминистки высмеивают «мэнархистов», пародируя их высказывания, которые, на их взгляд, являются «сексистскими» и «мачистскими». Например такие, как:

- «Эй, ты выглядишь знакомо. Ты была на том райоте?»

- «Очередная драма в отношениях. Я не буду занимать ничью сторону»

- (сидя у компьютера с телефоном) «Я занят, организую кое-что сейчас. У меня конференция по телефону»

- «Моя последняя партнерша не брила свои ноги. Я ее в этом поддерживал»

... и тому подобное. Таким образом любая отсылка к реальной или воображаемой «маскулинности» (видимо, создательницы видео считают, что только мужчины могут быть заняты организацией ивентов, или лишь маскулинные анархисты могут отказаться лезть в чьи-то личные отношения) по мнению авторок этого видео, является проявлением «мэнархизма» и достойна осуждения.

Еще раз подчеркну: да, именно такие фразы мужчин создательницы видео, называющие себя анархо-феминистками, считают признаками угнетения, сексизма и мачизма. Произнесение подобных фраз, по их мнению, достаточны для того, чтобы унижить человека, приклеив на его ярлык «мэнархиста» и поддерживать травлю уличённых в «мэнархизме».

А чтобы вам не казалось, что я преувеличиваю, ознакомьтесь с тестом-опросником под названием «Не мэнархист ли ты?» на сайте «Останавливая мужское насилие»:

<http://endingmaleviolence.blogspot.com.by/2011/06/are-you-manarchist-questionnaire.html>

С вопросами вроде «Брали ли вы когда-нибудь сказанное женщиной и выдавали ли после перефразирования за свою собственную идею?», «Позволяете ли вы себе шутки или негативные комментарии о сексуальной жизни или женском секс-труде?»

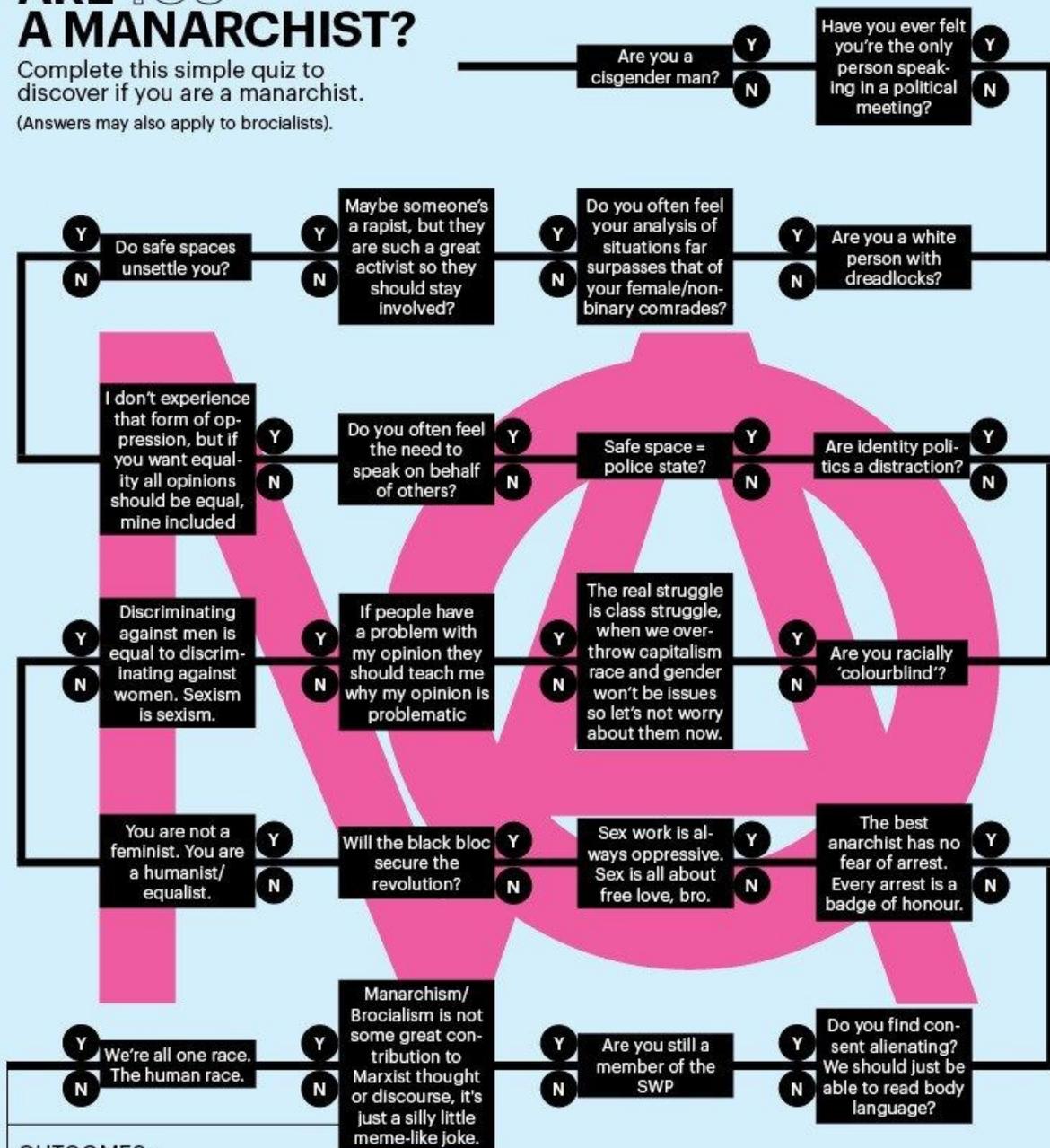
Разумеется, в обоих случаях «да» подтверждает, что вы — мэнархист.

Или с его более простой модификацией:

ARE YOU A MANARCHIST?

Complete this simple quiz to discover if you are a manarchist.

(Answers may also apply to brocialists).

OUTCOMES:

5 OR MORE YES YOU ARE A MANARCHIST

Bro, seriously. While you strongly feel your voice is necessary in every debate, we've had hundreds of years of men dominating the vast majority of political spaces and look where that's got us. You think all this talk of privilege is a distraction but while you're busy trying to stay focused on the 'ultimate' oppressive forces you're leaving behind the people who are worst affected. You might think all your actions are fine but think a little longer. Stop talking and start listening.

4 YES OR UNDER YOU MIGHT NOT BE A FULL BLOWN MANARCHIST, BUT YOU COULD BE A BETTERALLY

You call yourself a feminist but you believe your knowledge and opinions are just as valuable as those who have different experiences and social positions from you. You think activism is about skills not gender or identity, but sexism and racism are systems of power that exists in every structure of society, even you.

1 YES OR LESS YOU ARE A GOODALLY BUT WE ARE NOT ALWAYS PERFECT SO ALWAYS ACCEPT CONSTRUCTIVE CRITICISM

You know when to listen, mostly. You have considered and researched the positions of people with identities and experiences different from yours and you are open minded when discussing someone else's battles. You do not shout the loudest in a space where you are only there to help. You also know when to google things and not ask simple questions and waste other people's time. Well done! Keep up the good work and spread the word.

С вопросами вроде «Вы цисгендерный мужчина?» (да/нет), «Мы все одной расы — человеческой» (да/нет), «Если у людей проблемы с моим мнением, они должны объяснить»

мне, в чем мое мнение проблематично» (да\нет) — где любой ответ «да» добавляет очков в пользу того, что вы - «мэнархист».

То есть, подчеркну: если мужчина-анархист видит, что у кого-то проблемы с его мнением, он просто должен заткнуться и молчать и даже не имеет право спросить, в чем его мнение проблематично. Ведь априори он — угнетатель и угнетает окружающих его женщин даже таким вопросом.

О том, к чему приводит создание и сознательное раскручивание и употребления таких ярлыков и анархо-феминистическая травля мужчин, ведущих себя маскулинно, можно говорить долго. Однако замечу лишь, что борьба с «мэнархизмом», «мэнспредингом», «мэнсплейниногм» а де-факто – со своими же собственными соратниками стоит, судя по моим наблюдениям, в приоритете у западных феминисток куда больше, нежели непосредственно борьба с государством или капиталистической системой.

Важно заметить, что подобный дискурс не существует себе изолированно где-то в Западной Европе и США а постепенно протекает и в страны бСССР, в том числе и в Беларуси. Лично мне отдельные анархо-феминисты всерьез говорили мне что я веду себя по-сексистски, потому что... критикую феминизм. Мои утверждения (со ссылками на научные исследования и взгляды ученых) о том, что разное поведение мужчин и женщин обусловлено не только социализацией но и биологическими различиями отдельными людьми также мгновенно приравнивалось к «сексизму». Учитывая, что для сторонников интерсекциональности «все виды дискриминации одинаково важны» получалось, что меня за одну лишь постановку под вопрос постулатов интерсекционального феминизма де-факто приравнивали к расистам, фашистам и реакционерам.

Зачем это делается? Все очень просто. Таким образом отдельные сторонники интерсекциональности стремятся поставить «вне закона» любые альтернативные интерсекционализму идеи. Любые противоречащие интерсекциональности высказывания и мысли просто-напросто делегитимизируются, ведь если ты не признаешь их концепции о том что всё зависит от социализации — ты сексист (мачист, фашист, расист и т. п.), и дальше с тобой можно уже не спорить.

Здесь мы вновь видим, как под маской борьбы за прогрессивные идеи напрочь убивается любая дискуссия путем делигитимизации и шельмования всех альтернативных взглядов. Ведь если твой оппонент — фашист, к чему ему что-то доказывать? Нужно просто загрязнить и исключить из сообщества. И ладно бы сексистами называли людей, систематически унижающих женщин, считающих их ниже себя. Однако в последние годы сторонники интерсекциональности в анархо-движении сделали многое, чтобы расширить это понятие до максимальных пределов. И мы уже видим, как сексизмом называется любое мнение или поведение, противоречащее феминизму в его интерсекциональной трактовке. То есть — почти любое. Если раньше сексистом назывался тот, кто домогается до женщины, то сейчас — тот, кто сидит в общественном транспорте, широко раздвинув колени. Если раньше сексизмом считалось утверждение о том, что женщины глупее мужчин, то сейчас — любые утверждения о наличии врожденных различий в поведении у мужчин и женщин. Если раньше, чтобы в анархо-движении получить ярлык «сексиста» нужно было шутить дискриминационные шутки, то теперь достаточно сказать *«Я занят, организую кое-что сейчас. У меня конференция по телефону»* (см. видео выше).

Ряд анархо-феминисток, продвигающих такие размытые, широкие, и, фактически, безграничные обвинения в сексизме, сами не замечают, как обесценивают этот термин, превращают его из чего-то значимого, крайне негативного и достойного осуждения в ничего не значащий ярлык. Чем шире используется термин, тем более он обесценивается — тут срабатывает тот же механизм что и в басне про пастуха, кричавшего «Волки!» - когда после

которого подряд «ложного вызова» деревня перестала сбегаться на его крики и он, в конечном итоге, был съеден. Так и здесь: люди в целом всегда готовы поддержать женщину, к которой пристают, готовы обрезать хама или грубияна, готовы осудить того, кто говорит о «неполноценности» женщин, но когда к вышеуказанным людям приравнивают того, кто не употребил феминитив или сел в транспорте с раздвинутыми коленями, то это лишь приведет к тому, что «сексизм» станет очередным ничего не значащим ярлыком всего лишь мемом — тем самым вредя их же собственным целям. Становясь из серьезного обвинения (коим он должен быть) поводом для шуток над феминистками и инструментом высмеивания уже **реальных** проблем.

Исключению критики и уничтожению самой возможности появления альтернативного дискурса в практике интерсекционального феминизма уделяется огромное внимание. В контексте феминизма это проявляется в доказывании парадоксального тезиса: **«женского сексизма не существует»**, или **«обратное угнетение — это миф»**³⁶. Обоснованию этого тезиса посвящено множество статей и высказываний левых феминисток.

Согласно логике и здравому смыслу, сексизм — это дискриминация или угнетение по половому признаку, как расизм — дискриминация по признаку расы. Исходя из сути вещей, любой человек может дискриминировать любого — при наличии определенных обстоятельств. Стремление к дискриминации не может передаваться с генами, не может быть привязано к полу или цвету кожи, равно как и не существует и «иммунитета» к тому, чтобы стать угнетателем. Абсолютно любому человеку может прийти в голову, что он — выше или лучше других, следовательно других можно угнетать, и таким образом, он становится расистом\сексистом.

Чтобы удостовериться в том, что такое утверждение логично, достаточно обратиться к словарю. Словарь Мэриам-Вебстер Инс. определяет сексизм как *«предрассудок или дискриминацию на основе пола; особенно: дискриминацию в отношении женщин»*³⁷. Оксфордский словарь — как *«Предрассудки, приверженность стереотипам или дискриминации, как правило против женщин, на основании пола»*.

Дискриминация на основании пола — в этом смысл и суть сексизма. Однако тут феминистки парируют, выводя свое альтернативное определение: *«сексизм это предрассудок плюс институциональная власть»*. А поскольку у женщин в обществе «нет институциональной власти», то и сексистками они быть не могут по определению.

В этом заявлении кроется двойной логических подвох. Во-первых тезис об отсутствии у женщин «институциональной власти» в западном обществе и наличии таковой у мужчин многими ставится под сомнение (о чем я писал выше), феминистками же подается как непреложный факт — то есть они пытаются выдать за истину крайне спорное утверждение, строя на его фундаменте целую социально-политическую практику (и отказывая 50% населения земного шара в «праве» быть угнетенными).

Во-вторых, вольное обращение с определениями и изменение общепризнанных обозначений в угоду своим политическим целям не есть допустимое средство продвижения своих убеждений.

Любые научные или серьезные политические дискуссии начинаются с договоренности о терминах. Мы сначала решаем, что есть что (и какие вещи какими словами мы называем).

36 <http://everydayfeminism.com/2016/05/does-female-privilege-exist/>
<http://everydayfeminism.com/2015/01/reverse-oppression-cant-exist/>

37 <https://www.merriam-webster.com/dictionary/sexism>
<https://en.oxforddictionaries.com/definition/sexism>

Иначе любая дискуссия начинает представлять из себя хаос. Если решить, что согласно словарному определению сексизм — это любая дискриминация одним полом другого пола, левые феминистки сильно проигрывают в любой дискуссии, где ставят цель доказать себе, что они — единственные угнетенные, потому как в обществе действительно достаточно стереотипов в т.ч. играющих против мужчин, не говоря уже о позитивной дискриминации в отношении женщин (о женских привилегиях см. выше). Таким образом, чтобы на корню «убить» любую аргументацию оппонента, который мог бы обвинить феминистку в сексизме, они пошли самым радикальным путем: заявили, что женщина не может быть сексистской априори, просто потому что она женщина... Для этого они отменили привычное, общепринятое словарное определение и выдумали свое.

Какова же цель такого риторического хода? Цель — исключить из дискурса любое альтернативное мнение и снять с себя даже потенциальный риск обвинений. Защищаемая группа (в данном случае женщины) представляется полностью непогрешимой, несчастной, требующей сострадания. А любое заявление с критикой данной группы мгновенно трактуется как «сексизм».

Такая политическая стратегия имеет свое название: групповой эгоизм - когда группа людей, объединившись по какому-либо признаку требует предоставить им привилегии, требует к себе особого отношения, обвиняет в дискриминации и во всех смертных грехах тех, кто смеет их критиковать. Легче всего такая тактика реализуется, когда группа называет себя «угнетенной». Достаточно доказать, что ты «угнетен» - и симпатии общества уже на твоей стороне, кроме того, ты имеешь моральное право требовать больше прав и привилегий у легитимной власти (правителей), или у эфемерных владельцев «структурной власти» (т. е. всех мужчин)

Нарратив о том, что «обратное угнетение невозможно» строится на утверждении о том, что угнетенный, лишенный «институциональной власти» в обществе в принципе не может быть угнетателем. Однако, даже если мы оставим за скобками утверждение об отсутствии институциональной власти у женщин и наличия таковой у мужчин, все равно можно найти множество примеров, когда угнетенные в прошлом (или даже настоящем) сами становились угнетателями по отношению к кому-либо. Пример — израильтяне и палестинцы.

Здесь же хочу остановиться еще на одном утверждении, которое подается феминистками как непреложный факт: утверждение о том, что «у женщин в обществе не существует власти», следовательно «обществом правят мужчины».

У меня нету возможностей для того, чтобы провести серьезное исследование на эту тему. Да и не стоит такой цели в рамках этой работы. Поэтому в качестве примера возьму свой личный опыт. Пусть он будет, если не опровержением утверждения о том что «обществом правят мужчины», то хотя бы иллюстрацией того, что с этим утверждением не всё так гладко.

Когда я учился в школе, большинством учителей у нас были женщины. Все мы знаем, что учитель в наших школах осуществляет прямую власть над учеником. Директором школы также была женщина.

Аналогичная ситуация была в Юридическом колледже БГУ, где я учился позже. Только директором его был мужчина.

Когда я работал в суде, у меня сменились две непосредственные начальницы. Обе были женщинами. Кстати, там был один эпизод, когда одна из истиц по гражданскому делу написала на меня жалобу. В результате мне пришлось идти отчитываться о своих действиях по исполнительному производству в вышестоящий орган (управление Юстиции). Мою объяснительную принимали, и выносили по мне дисциплинарное решение две женщины,

стоящие, таким образом, несколькими ступенями выше в иерархии, чем судебные исполнители.

И даже когда в 2011-м году меня судили, моей судьей, «выписавшей» мне 4,5 года тюремного заключения, была женщина. Когда меня судили во второй раз, в 2015-м году, прокурором, запросившим мне год заключения (который мне и дали), тоже была женщина.

Однако согласно постулатам феминизма и политики идентичностей, угнетатель со всеми ресурсами институциональной власти все равно — я.

Просто потому, что я мужчина.

Не кажется ли вам это странным? Разве череда таких «совпадений» была бы возможна в обществе, где «правят мужчины»? Перечислять количество женщин в руководящих эшелонах государства я не буду — беларусы и так знают их в достаточном количестве.

Все это, на мой взгляд, говорит о том, что в зависимости от ситуации, общественного контекста, классового положения как мужчина так и женщина могут выступать угнетателями по отношению друг к другу. И говорить о том что некто - «вечный угнетатель» просто априори, потому что у него присутствуют одни половые признаки а не другие — нечестно, не говоря уже о том что контрпродуктивно для анархистской борьбы.

Утверждение о непогрешимости «своей» социальной группы — не единственная манипулятивная тактика, которая используется интерсекциональными феминистками в политической борьбе и дискуссиях. Есть еще одна, старая и хорошо известная. Она называется «Крепость и Долина». Суть ее хорошо описал Михаилом Магидом в одной из своих заметок.³⁸

«Когда взгляды группы подвергаются атаке, когда их критикуют и не признают, глашатаи группы запираются в «крепости» - минимально обозначенных рамках своих взглядов, делая убеждение, с которым никто не будет спорить. «Разве вы против равенства мужчин и женщин»? Или «Вы за то, чтобы женщины и мужчины получали одинаковую плату за равный труд?» Ну какой человек в своем уме будет выступать против этого?

Но как только наступает признание этой здоровой и справедливой идеи, ее адепты, чувствуя свою силу, получив определенные симпатии, добавляют то, что боялись сказать ранее — ведь теперь их количество выросло за счет первоначальных здравых заявлений. Теперь они уже смело выходят из Крепости в Долину: «А равенства нет оттого, что мы угнетены мужчинами!», или «Требуем запретить все изображения женщин, которые мы считаем объективизирующими!», «Требуем создания пространств только для женщин!». Как только в ответ на такие, уже чрезмерные заявления в их адрес поступает критика — они вновь запираются в крепость: «Вы что, против равенства мужчин и женщин? Да вы просто сексист!» Когда жертва таких обвинений начинает оправдываться и доказывать, что она не за дискриминацию, те вновь чувствуют свою силу и, выходя из «укрытия», нападают: «а раз не за дискриминацию, то обязаны поддержать безопасные места только для женщин и требование к мужчинам писать сидя!». И круг повторяется вновь.»

Нужно добавить, что, конечно, феминистки не единственные, кто использует такую тактику. Она хорошо известна и практикуется многими авторитарными движениями, отстаивающими права для своей узкой группы по признаку пола, цвета кожи, национальности, сексуальной ориентации и т.п. И применяйся она либеральными

38 https://avtonom.org/author_columns/manipulyativnaya-tehnika-krepost-i-dolina

феминистками или сторонниками авторитарных взглядов — это было бы не так страшно. Хуже всего то, что подобная риторика часто просматривается в текстах и высказываниях анархо-феминисток, что позволяет говорить о том, что часть их использует авторитарные, цензурирующие и манипулятивные практики для отстаивания якобы эмансипирующих и прогрессивных взглядов.

Одним из столпов феминизма третьей волны является концепция так называемой «культуры изнасилования» (rape culture). Ее корни — в исследованиях феминисток третьей волны, проведенных в студенческих общежитиях США. Эти исследования дали процент изнасилованных, равный 20-25% от числа всех девушек в кампусе. Такие цифры шокировали общество и позволили феминисткам и их сторонникам делать алармистские заявления вроде «каждая четвертая девушка будет изнасилована во время своего обучения в колледже» и говорить о том, что в обществе существует система взглядов и ценностей, толерирующих и даже поощряющих изнасилование, помогающая мужчинам уходить от ответственности за них, система, приучающая женщину к положению жертвы и укрепляющая мужское доминирование. Таким образом патриархат предстает еще в одной ипостаси — сексуального насилия над женщиной, которое-де, происходит в США в чудовищных масштабах.

Активно педалируя вопрос «культуры изнасилований», феминистки добились не только создания в университетах специальных служб, борющихся с изнасилованием (финансируемых из госбюджета), проведения лекций и занятий на эту тему, проведения все большего количества исследований, методология и проблематика которых поставлена так, чтобы они подтверждали их точку зрения, установки особых меток на классические художественные произведения из-за присутствия в них сцены изнасилования и т. д.³⁹

Однако приводимые сторонницами существования «культуры изнасилования» данные и вырастающие на их основе практики многими ставятся под вопрос.

Такие огромные цифры изнасилованных в кампусах девушек сами по себе вызывают сомнение: каждый год из колледжей и университетов в США выпускаются 3,7 млн. человек.⁴⁰

Учитывая, что 56-59% от них — девушки⁴¹, выходит каждый год в США количество изнасилованных возрастает минимум на 1 млн. человек (!) - и это одних только студенток. Учитывая что изнасилование это тяжелое преступление, калечащее психику жертвы, как правило, на всю жизнь, получается, за последние 20 лет в США должно было вырасти целое поколение морально искалеченных женщин, что должно было повлечь за собой чудовищные последствия в социальной и политической сфере. Такое количество насильственных действий против личности в масштабах страны должно было бы стать национальным бедствием. Однако ничего такого не наблюдается.

Аналогично, такое количество изнасилований должно было непременно повлечь за собой всплеск уголовных дел и осуждений по делам об изнасилованиях (а к ним американский закон строг — в некоторых штатах за изнасилование предусмотрена даже смертная казнь), чего также не наблюдается. По данным ФБР на 2012 год за изнасилование было осуждено 70 000 мужчин.⁴²

Миф о «культуре изнасилования» подробно разоблачается статистикой и фактами. Чтобы не пересказывать их, приведу несколько цитат. Например, книги американской анархо-

39 http://www.furfur.me/furfur/freedom/freedom/217587-campus_wars

40 <https://www.quora.com/How-many-students-graduate-college-in-the-US-each-year>

41 <https://www.forbes.com/sites/ccap/2012/02/16/the-male-female-ratio-in-college/#57547c27fa52>

42 <https://ucr.fbi.gov/nibrs/2012/table-pdfs/offenders-sex-by-offense-category-2012>

индивидуалистки и феминистки **Венди МакЕлрой** «Истерика о культуре изнасилования» (точнее, рецензии на данную книгу).

«Четыре крупных исследования и три более мелких, все — проведенные федеральными агентствами, пробовали подсчитать распространенность изнасилований. Определение изнасилования широко разнится — одно из исследований включает в него даже «изнасилование по обману» то есть «согласие, данное на секс с кем-либо оттого что он или она тебе соврали». Конечно, изнасилования в кампусах есть. Пресловутая статистика 1 из 5 (более конкретно, утверждается, что 19,8% девушек-учащихся были изнасилованы за годы учебы) происходит из онлайн-исследования, проведенного в двух университетах Национальным институтом Правосудия (часть Юридического департамента).

Это число совмещает изнасилование и сексуальное домогательство в завершенном виде. **Домогательство же может включать в себя всего лишь недозволенный поцелуй или объятия**». (выделение мое, - прим.Авт.)

Там же Венди МакЕлрой критикует позиционирование «культуры изнасилования» как источника всех бед, т. к. продвижение этой концепции учит женщин быть жертвами и снимает с них ответственность за их поступки.

«Самозащита ранее была элементом здравого смысла. Люди избегали хождения по аллеям в криминальных районах в полночь. Они закрывали дверь на ночь. Они не ходили пьяными домой к незнакомцам. Но говорить об этом [теперь] — называется «виктимблеймингом» (от англ. *victim-blaming* — обвинение жертвы. Феминистический термин, обозначающий разновидность «эмоционального насилия», когда реальную или мнимую жертву агрессии упрекают за то, что она не сделала достаточно, чтобы предотвратить агрессию, или сомневаются в правдивости слов жертвы). Создается впечатление, что женщина может делать что угодно, в том числе сильно напиваться, не боясь нападения. Если же не может — это вина «культуры изнасилования».⁴³

Интересные факты и статистику приводит **Хизер Линн МакДональд** — американская политическая комментаторка и журналистка консервативного толка, выпускница Йельского и Стэнфордского университетов в своей статье «Миф об изнасилованиях в кампусах»

«...Одним из ответов на этот кризис является то, что кризиса не существует. В течении 1980х, феминистские исследования в пользу культуры изнасилования показали, что если спрашивать женщину напрямую, была ли она изнасилована, то результаты получаются весьма разочаровывающими — очень немногие женщины говорили, что они были. Таким образом **Мэри Косс**, работающая профессором общественного здравоохранения в Университета Аризоны развила свой, отличный путь измерения количества изнасилований. Вместо того, чтобы спрашивать женщин-студенток про изнасилование как таковое, Косс спрашивала их, испытывали ли они определенные воздействия — и после классифицировала их как изнасилования. Метод Косс дал 25%-й уровень, который и был опубликован.» [...] Но наиболее мощное опровержение исследований Косс пришло от ее собственного предмета исследования. 73% опрошенных женщин, охарактеризованных ею как «жертвы изнасилования» заявили, что не были изнасилованы».⁴⁴

Опровергается миф о «культуре изнасилований», якобы царящей среди мужчин и другими интересными статистическими фактами: «Национальная сеть изнасилований, нападений и

43 <http://www.intellectualtakeout.org/blog/does-rape-culture-really-exist-college-campuses>

44 <https://www.city-journal.org/html/campus-rape-myth-13061.html>

инцеста» (RAINN), одна из ведущих американских организаций, борющихся с сексуальным насилием. Она провела оценку, согласно которой 90% изнасилований осуществляются 3-7% мужского населения.⁴⁵

Согласно отчету Департамента юстиции США «Криминальная виктимизация в Соединенных Штатах» в 2013-м было 173 610 случаев изнасилований, которым подверглись 0,1% населения США старше 12 лет.⁴⁶ Как видим, даже при всех поправках и допущениях (латентная преступность, закрытые уголовные дела, или допущение, что в целом по стране изнасилований меньше чем в колледжах) — цифра в 1\5 изнасилованных видится фантастической.

Ряд исследователей и исследовательниц, например феминистка **Кристина Хофф Соммерс**, считают, что причина такого расцвета и продолжающегося всестороннего развития дискурса «культуры изнасилования» в том, что центры психологической помощи и группы против изнасилования получают щедрое госфинансирование, и, конечно, их участники не заинтересованы в потере рабочих мест или снижении своих доходов.⁴⁷

Завершая данную главу, я хотел бы еще раз подчеркнуть то, о чем уже говорил вначале. Феминизм — действительно разный. Его ответвления и разновидности существенно отличаются друг от друга. Представленная тут критика относится почти исключительно к феминизму третьей волны, кооптированному в современное западное анархо-движение. Однако даже в рамках анархо-феминизма есть достаточное количество активисток, признающих данные недостатки и решительно отрицающих авторитарные и цензурирующие практики вроде описанных выше. Данная критика посвящена тем, для кого эти практики являются нормой, и кто за ширмой борьбы против угнетения прячет нетерпимость к чужому мнению и стремление на корню задушить (путем обвинения в сексизме, гомофобии, мачизме, трансфобии и т. п.) любые разновидности анархизма, кроме интерсекционального.

Важно подчеркнуть, что помимо описанного выше негатива сторонницы анархо-феминизма, по крайней мере на территории БССР, в последние годы действительно сделали и немало полезного: вывели за пределы нормы грубое и стереотипизированное отношение к женщинам в коллективах, добились полной нетолерантности к сексуальным домогательствам, поднимали под новым углом зрения привычные вопросы. Анархо-феминистки также вносили и вносят весомый вклад в и анархистскую повестку в прогрессивные социальные движения: против домашнего насилия, против политических репрессий и т. п.

Как и многие другие движения, анархо-феминизм (и, шире, интерсекциональный феминизм) может иметь в себе разнонаправленные тенденции, одни из которых помогают прогрессу и свободе, а другие — к цензуре и авторитаризму. И это, в принципе, нормально и свойственно разным движениям. Поэтому хотелось бы чтобы вышеуказанная критика была воспринята в адрес именно тенденций и явлений, а не конкретных товарищек, анархо-феминисток, среди которых достаточно людей здравых и революционных взглядов, уважающих чужое мнение и способных на уважительную дискуссию.

45 <https://www.rainn.org/images/03-2014/WH-Task-Force-RAINN-Recommendations.pdf>

46 <https://www.bjs.gov/index.cfm?ty=pbdetail&iid=5111>

47 <https://www.city-journal.org/html/campus-rape-myth-13061.html>.

АНТИРАСИЗМ

Неприятие расовой дискриминации всегда являлось одним из основополагающих столпов анархизма. Нет ничего более простого и логичного: раз все люди рождены равными и должны иметь равные права, то не играет совершенно никакой роли, у кого какого цвета кожа, какой величины губы или формы нос. Любые предрассудки, и уж тем более, дискриминация по этому поводу должна быть изжита: будь они форме «научных» теорий или бытовых проявлений. Это логично вписывается в анархизм как с этической точки зрения, упомянутой выше, так и с политической: любое разделение трудящихся по какому-бы то ни было признаку (пол, раса, национальность) выгодно лишь нашим врагам: эксплуататорам.

Анархисты всего мира участвовали и участвуют в антифашистской борьбе, что, опять же, вполне логично.

Однако теория интерсекционализма внесла и тут свои существенные коррективы в анархистскую теорию и практику, сместив анархистское понимание антирасизма в сторону, далекую от изначальной и навязав для борьбы с расизмом практики, которые сами отдают авторитарностью и нетерпимостью.

Согласно современной теории интерсекциональности, базирующейся на довольно своеобразном прочтении анти-колониализма, все расы, а равно и национальности, делятся на «угнетенных» и «привилегированных». Главной привилегированной расой, как несложно догадаться, является белая раса. Это утверждение основано на том, что т. н. WASP (White anglo-saxon protestant — белые англо-саксоны протестанты) в свое время, благодаря более развитым технологиям и более прогрессивным (с точки зрения экономической и политической эффективности) общественным строем действительно колонизировали немалую часть земли, где-то устраивая геноцид, где-то порабощая местные народы, где-то выкачивая природные ресурсы из их мест проживания. Все это началось приблизительно в 15-м веке. Но прошло время: отгремели множество антиколониальных войн, инструменты контроля сильных стран над слабыми преимущественно сменились с военно-политических на экономические, а западные страны смогли создать более-менее успешные примеры мультикультурных обществ, гарантировав права этнических меньшинств и людей с другим цветом кожи на законодательном уровне. В некоторых странах, например, в США, чернокожие добиваются высших государственных постов — взять хотя бы Барака Обаму, или Арчи Александера, ставшего губернатором Виргинских островов США еще в 1954 году. Немало черных было и есть среди высших официальных лиц в США, публичных личностей, актёров, ученых и т. п. - притом что они составляют всего 12,7% от населения США. В стране не только формальное равенство прав, гарантированное законом но и система позитивной дискриминации для чернокожих: например, квота при приеме в ВУЗы и на некоторые виды работ. Да и кажется очевидным, что будь общество насквозь расистским, оно бы не выбрало президентом или губернатором черного: ведь раз он был выбран, за него голосовала и львиная доля белых.

Однако сторонники интерсекционального антирасизма считают, что западное общество по-прежнему пропитано «структурным расизмом» и «институциональным угнетением» людей с другим цветом кожи. В качестве примеров такого приводят, например, следующие постулаты:

а) Составляя лишь 12,7% населения США, афроамериканцы составляют 34% населения тюрем.

б) Афроамериканцы имеют в 5 раз больший шанс, чем белые, попасть в тюрьму по приговору суда

в) Сроки по приговорам для черных женщин в США женщин как правило в 2 раза более длительные, нежели для белых женщин.⁴⁸

г) Черный житель США в 2,5 раза большей вероятностью, чем белый, будет убит полицейским.⁴⁹

д) Также, по мнению интерсекционалистов, чернокожие (а также азиаты и латиносы) в США недостаточно представлены в кино, в искусстве, среди ученых, среди руководителей всех уровней. В адрес всевозможных кинофестивалей, компаний и ВУЗов часто звучат претензии в том, что они «слишком белые». Все это также объясняется «структурным расизмом» и тем, что американское общество — точнее, белая его часть — буквально «с молоком матери» впитала расистские предрассудки и теперь является расистским.

Из этого делаются следующие выводы:

1. Поскольку афроамериканцы были рабами у белых американцев, это стало залогом сохранения структурного неравенства и угнетения и в наши дни.

2. Американское общество пронизано расизмом, следовательно все люди с черным цветом кожи, и вообще все не-белые (People of color - «люди цвета») являются угнетенными по отношению к белым.

3. Все белы без исключения — привилегированный слой населения и угнетатели лишь по факту цвета своей кожи. Им необходимо признать факт своей привилегированности и предоставить больше «структурной власти» черным.

Правда, делая такие выводы и поднимая на щит примеры несправедливого обращения с афроамериканцами, сторонники интерсекциональности упускают из виду (или сознательно замалчивают), многие другие факты. Например то, что во время колонизации Африки белые европейцы и завоеватели из Северной Америки не контролировали большую часть африканского континента, следовательно, не были завоевателями в полной мере этого слова. Сама же трансатлантическая торговля с миллионами жертв стала возможным благодаря тому, что целые государства африканского континента активно участвовали в поимке и продаже своих же «собратьев по расе». Таким образом правящие классы ряда африканских государств наравне с белыми европейскими работорговцами обогащались за счет торговли «живым товаром»⁵⁰, и могут считаться рабовладельцами и соучастниками этой системы. Целые племена африканцев, после того как проигрывали битвы, порабощались победителями и продавались в рабство белым. И еще задолго до прихода колонизаторов рабство было широко распространено на африканском континенте.

Малоизвестный факт и то, что чернокожие в колониальной Америке сами владели рабами. Кроме того, одним из первых (иные источники утверждают, что первым) рабовладельцем в США был чернокожий: Энтони Джонсон.⁵¹ Одно из исследований показало, что 28% свободных чернокожих владело рабами, что значительно превышает процент белых-рабовладельцев. На пике рабовладельческой системы в колониальной Америке лишь 1,4% белых американцев владело рабами.⁵²

Говоря о рабах-чернокожих нередко забывают о том, что в рабство могли попасть — и попадали — также и белые. Многие историки утверждают, что 2\3 всех белых прибыли в Америку в качестве невольников. Согласно документам по обе стороны океана, в 17 веке

48 <http://www.naacp.org/criminal-justice-fact-sheet/>

49 https://www.washingtonpost.com/news/post-nation/wp/2016/07/11/arent-more-white-people-than-black-people-killed-by-police-yes-but-no/?utm_term=.0f90496a0a04

50 <https://naroborona.info/2015/06/13/nemnogo-o-politike-identichnostej/>

51 http://www.slate.com/articles/news_and_politics/history/2015/09/slavery_myths_seven_lies_half_truths_and_irrelevancies_people_trot_out_about.html?via=gdpr-consent

52 https://www.vice.com/en_us/article/ppzevg/hey-v12n5

белых рабов в Америке было больше, чем черных.⁵³ Огромной прослойкой подневольных рабочих в колониальной Америке являлись ирландцы. По своему положению они де-факто ничем не отличались от рабов, хотя ряд ученых намеренно называет их не «рабами» (chattel slaves) а «попавшими в долговую каббалу» (indentured servants). Их привозили из-за океана, как правило, насильно. С 1641 по 1652 годы 500,000 ирландцев были убиты Британцами и более 300 000 сделаны рабами. Их продавали и покупали на рынках (притом чернокожий раб стоил дороже ирландца) и содержали в цепях, а за неповиновение убивали, часто насаживая их головы на пики и выставляя на рынке в назидание остальным.⁵⁴ Единственным отличием было то, что, по сведениям ряда историков, раб-ирландец мог выйти на свободу, отслужив определенное количество лет на своего хозяина. В любом случае, лишь немногие могли воспользоваться такой привилегией: остальные умирали от жестокого обращения, тяжелого труда и болезней еще до того, как этот срок заканчивался. Дети рабов-ирландцев, по сообщению ряда историков, также автоматически становились рабами и собственностью хозяина.⁵⁵

Что касается полицейского насилия в США и убийств черных полицейскими, то статистика ФБР за 2014 год приводит следующий факт: 90% черных, умерших насильственной смертью, были убиты другими черными (кстати, по «привилегированной» расе статистика почти аналогичная: белые ответственны за 82% убийств белых). Этот факт говорит сам за себя.

Статистика той же структуры за 2009 утверждает, что черные американцы были обвиняемыми в 62% случаев грабежа, 57% убийств и 45% нападений в 75 крупнейших округах США — несмотря на то, что черные американцы, составляют не более 15% населения этих мест.

Большинство людей, убитых полицией в США в 2015-2016 годах, по сообщению свидетелей, были вооружены и пробовали атаковать полицейского либо кого-то еще (не будем забывать, что в США разрешено свободное ношение оружия).⁵⁶

Что ж, было бы глупым отрицать, что в западном обществе среди ряда людей (в т.ч. находящихся на государственных постах) порой бытуют предрассудки и стереотипы, в том числе усложняющие жизнь людям с другим цветом кожи. Сам механизм возникновения подобных стереотипов вполне объясним с психологической точки зрения: людям свойственно обобщать явления и других людей по какому-либо признаку. Например, раз столкнувшись с чернокожим преступником, многие уже будут подозревать в любом чернокожем преступника. Или видя на улицах больше бездомных-мигрантов, нежели бездомных-коренных многие будут склонны думать, что «все мигранты — бездельники». Разрушить стереотипы и объяснить людям, что все мы, не будучи равны от природы, должны быть равны в своих правах и в человеческом достоинстве, можно лишь с помощью образования и наглядных примеров, а в первую очередь — своим собственным примером показывая равное отношение к людям других рас.

Однако посмотрим, каким образом сторонники левого антифашизма (т.е. сторонники антирасистской борьбы в ее интерсекциональном прочтении) борются с проявлениями расизма, или того, что они считают расизмом:

Одним из ведущих способов такой борьбы является уже упомянутое выше создание «безопасных мест» для реально или мнимо угнетенных этнических меньшинств. Политика «safe spaces» в отношении небелых объясняется следующим образом: так как эта категория

53 https://www.vice.com/en_us/article/ppzevg/hey-v12n5

54 <https://www.globalresearch.ca/the-irish-slave-trade-the-forgotten-white-slaves/31076>

55 https://www.vice.com/en_us/article/ppzevg/hey-v12n5

56 https://www.washingtonpost.com/news/post-nation/wp/2016/07/11/arent-more-white-people-than-black-people-killed-by-police-yes-but-no/?utm_term=.b8a8666f74b3&noredirect=on

населения живет в условиях «белого доминирования» - системы предрассудков, институционального угнетения и структурного неравенства в пользу «привилегированной расы», то для того, чтобы перестать чувствовать себя угнетенными, реализовать свой личностный потенциал, вздохнуть свободно, безопасно, и не испытывать непрерывного давления со стороны белых, этническим меньшинствам необходимо — по крайней мере во время обсуждений, принятия решений и другой социальной активности — исключить белых из своего сообщества и остаться в среде лишь таких же как они сами.

При этом подразумевается, что у черного (азиата, мулата, и т. д.) всегда получится найти общий язык с черным, что у них существует некая общность, завязанная на цвете кожи, в которой взаимопонимание, уважение и эмпатия априори выше, чем в мультирасовых группах. Стоит ли говорить, что такой подход не берет во внимание классовое и социальное происхождение членов группы (то есть, можно сказать, противоречит основным принципам самой же интерсекциональности): подразумевается, что черный бизнесмен и черный рабочий вполне могут нормально ладить, как и черный мент с черным безработным подростком. Между самыми что ни на есть реальными угнетателями и угнетенными выстраивается надклассовая общность, что создает фундамент для логичного, на первый взгляд, рассуждения: какая разница, кто мы, если все вместе мы — черные? Такая концепция вполне себе попадает под определение расиализма: убеждения о том, что расы являются важным, существенным и естественным делением человеческого вида, и что вполне допустимо строить на расовых различиях политические теории и социальные практики.

Применение принципа «безопасных мест» можно встретить в анархистских лагерях, где для «цветных» («People of color») создаются отдельные обсуждения, отдельные рабочие группы. Лично мне анархисты из Парижа рассказывали, что у них уже проводятся анархистские собрания, куда белым вход воспрещен.

По всей видимости, к анархистам такие практики перекочевали из леволиберальных кругов. В США они уже давно работают и доведены до жестокого абсурда. Пример — случай в колледже Эвергрин, где местное студенчество решило провести в учебном заведении уже который по счету «День без белых»

Суть акции такова, что выбирается некий день, в который «белым угнетателям», как студентам, так и преподавателям, запрещается приходить в колледж. Накануне одного из таких дней один из белых профессоров (кстати, эволюционный биолог) **Берт Вайнштейн**, отказался принять в нем участие и раскритиковал саму акцию в письме, направленном студентам. В письме, в частности, говорилось: *«Можете считать это письмо формальным протестом против того, как всё устроено в этом году, и сделать вывод: в «День отсутствия» я буду на кампусе. Я буду также убеждать остальных отбросить вопрос фенотипа и отказаться от нового формата, независимо от того, они уже «зарегистрировались» как участники или нет. На кампусе колледжа право на свободу слова любого человека не должно быть основано на цвете кожи.»*⁵⁷

В конце письма автор призвал всех желающих, независимо от расы, этнической или религиозной принадлежности, провести научную дискуссию на тему расы.

Вскоре на одно из занятий к профессору пришла группа студентов (преимущественно чернокожих), начавших его оскорблять. Поодиночке и хором, не давая вставить слово, его называли «куском дерьма», «расистом», требовали уволиться. Все это было снято на видео, которое быстро стало вирусным.

<https://youtu.be/LTnDpoQLNaY>

После систематической травли, оскорблений, угроз насилем он и его жена вынуждены были уволиться из колледжа.

Самое трагикомичное в этом, на мой взгляд, это то, что в расцвет движения за гражданские права в США, в 1960-е годы, чернокожие и прочие этнические меньшинства боролись за то, чтобы, наоборот, иметь право посещать места «только для белых», и быть максимально включенными в жизнь общества, которое пыталось их исключить и загнать в гетто. Сегодня же они (по крайней мере часть — с подачи левых и многих анархистов) сами «отсаживают» себя, изолируют, тем самым искусственно провоцируя напряжение и недоверие между собой и людьми с другим цветом кожи, делая цвет кожи определяющим фактором в общении между людьми. Однако на этот раз — уже под маркой «борьбы против угнетения». Так политическая практика эмансипации, сделав круг в несколько десятилетий, вернулась, превратившись из сопротивления в фарс и абсурд.

Отдельной строкой стоит назвать борьбу с т. н. «культурной апроприацией» - относительно новую практику западных левых.

Согласно этой концепции, культуры делятся на подчиненные и доминирующие. Перенятие «доминирующими» культурами элементов культур «подчиненных» - есть та самая апроприация, нарушающая некую «коллективную интеллектуальную собственность» угнетенных культур.⁵⁸ В сухом остатке это означает, что я, или вы, или любой из нас не имеет права заимствовать одежду, внешний вид, поведение или занятия, свойственные не-белым культурам. Потому что это, по мнению интерсекционалистов, задевает чувства представителей «угнетенных культур», и нарушает их право собственности на их культуру.

Оставим за скобками сам вопрос о том, имеют ли народы некую надклассовую «коллективную культуру», и, тем более, право собственности на нее (как будто у помещика и крестьянина, бизнесмена и рабочего может быть общая культура и они, как в ОАО, являются владельцами ее акций). Перечислим конкретные случаи того, что, по мнению интерсекционалистов, является культурной апроприацией и подлежит запрету к использованию белыми:

1. Этнические костюмы.⁵⁹ Например, традиционным полем битвы в этом отношении является Хелоуин в США — политкорректная публика, в особенности студенты, каждый год ведут борьбу за то, чтобы американцы одевались исключительно в политкорректные костюмы, которые не могут никого обидеть: никаких костюмов индейцев, раскраски кожи с целью быть похожим на негра и т. д.

3. Йога — особенно если ей преподаёт белый, «игнорирующий угнетение», или если вы «недостаточно ответственно употребляете священный язык».⁶⁰

4. Ирокез (прическа панков) — он «культурно апроприрует» внешний вид коренных американцев.⁶¹

5. Дреды — это культура черных, белые носить их не имеют право, т. к. это оскорбление и неуважение к коренной культуре афроамериканцев.⁶² Один из аргументов, который

58 https://en.wikipedia.org/wiki/Cultural_appropriation)

59 <https://www.usatoday.com/story/news/2017/10/23/halloween-cultural-appropriation-questions/780479001>

60 <https://everydayfeminism.com/2016/05/yoga-cultural-appropriation/>

61 <https://anarchistnews.org/content/cultural-appropriation-shaming>

<https://marxistqueen.wordpress.com/2012/03/06/native-american-appropriation-respecting-the-struggle-of-native-american-liberation/>

62 <https://www.theodysseyonline.com/you-cannot-wear-bindi-dreadlocks-headscarf-and-heres-why>

приводится в подобного рода статьях: «*мой шарф на голове несёт в себе травму целого поколения черных женщин*». ⁶³

Представляется, что сама концепция «культурной апроприации» несовместима с анархизмом по целому ряду причин. Во-первых, о какой «коллективной собственности» на культуру может идти речь для анархиста? Если мы отрицаем авторские права на интеллектуальный продукт отдельных людей, то как мы можем признавать их за народами — при этом даже не беря в учет вышеуказанную классовую составляющую (по такой логике анархист должен защищать «копирайт», например, на ношение сабель на поясе литовскими помещиками — ведь это элемент их культуры!)

Во-вторых, абсурдной выглядит, с точки зрения анархистской этики и философии сама идея о том, чтобы указывать кому-то, что носить, как одеваться и т. д. Ведь анархизм это едва ли не в первую очередь — свобода самовыражения. А она не всегда может быть приятна окружающим. Да и не должна быть им приятна, ведь каждый может делать со своим телом и одеждой что пожелает.

Не говоря уже о здравом смысле: практически любая культура, в т.ч. культура афроамериканцев, коренных американцев, эскимосов, египтян — кого угодно — есть результат заимствования из других культур, «мешанина» из многочисленных наслоений, накапливавшихся тысячелетиями. Поэтому в 2019-м году афроамериканца, говорящего «это моя культура!» ⁶⁴ можно смело обвинить, в том, что он, в свою очередь, апроприировал другие культуры, счет которым теряется в веках. Сегодня вообще сложно установить границы между национальными культурами?

Если вам кажется, что озабочены культурной апроприацией и борются с неправильным внешним видом исключительно левые и либералы, то это не так. На западе эта концепция была принята достаточно широкими кругами анархистов. Лично я знаю случай, когда в анархо-феминистском лагере в Армении на одну «белую» (на самом деле еврейку) девушку накинулись с обвинениями за то, что она носила национальный палестинский костюм, который ей вообще подарили палестинцы. В Нидерландах обсуждение на тему, могут ли белые носить дреды среди анархистов бурлит уже несколько лет. В 2017-м году организаторы анархистской книжной ярмарки в Монреале выпустили заявление о том, что участники ярмарки должны следить за своим внешним видом, дабы не допустить культурной апроприации и никого не оскорбить своими одеждами и прическами.

63 <http://everydayfeminism.com/2015/06/cultural-appropriation-wrong/>
<https://thetab.com/2016/04/05/dreadlocks-white-people-83996>

64 www.independent.co.uk/student/news/black-san-francisco-student-filmed-harassing-white-student-because-of-his-dreadlocks-in-cultural-a6959181.html

КАК РАЗЖИГАЕТСЯ РАСОВАЯ И ГЕНДЕРНАЯ НЕНАВИСТЬ

По мнению левых интерсекционалистов, если белые и другие «привилегированные» слои населения «проверят свои привилегии» («check your priviledge» - устоявшаяся фраза в интерсекциональном новоязе), признают свое доминирующее положение, поделится «структурной властью» с угнетенными (путем отказа от определенной одежды, причесок и слов в языке), будут молчать в их присутствии и т. д. - справедливости, взаимоуважения, равенства и понимания в обществе станет больше и мы приблизимся к свободному обществу.

Однако так ли это?

Практическое выражение сторонников интерсекциональности (причем как мужчин так и женщин, как черных так и белых) очень часто скатывается в язык ненависти, унижительные эпитеты, травлю и клеймение тех, кого они — на основании цвета кожи, пола или сексуальной ориентации считают «привилегированными».

Тексты «антирасистских» статей в интернете часто отдают унижительным и дискриминационным тоном и откровенным хамством в адрес целых категорий населения. Пройдемся по одним лишь заголовкам.

<https://wearyourvoicemag.com/identities/race/ten-ways-white-people-can-stop-annoying-people-color-social-media>

«10 способов которым белые могут перестать раздражать людей цвета в соцсетях»

https://www.salon.com/2015/12/22/white_men_must_be_stopped_the_very_future_of_the_planet_depends_on_it_partner/

«Белых мужчин необходимо остановить. Будущее человечества зависит от этого.»

<https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/sep/06/white-people-solution-problem-munroe-bergdorf-racist>

«Мои дорогие белые друзья, вы — не часть решения, вы — часть проблемы.»

Чернокожая модель-трансгендер Монро Бердхоф в 2018 году сказала следующее:

«Честно, у меня больше нет сил говорить о расистском насилии со стороны белых людей. Да, ВСЕХ белых людей. Поскольку большинство из вас даже не осознает, что все ваше существование, привилегии и успех как расы построен на спинах, крови и гибели цветных людей. Все ваше существование пропитано расизмом».

Правды ради, она не является ни левой ни анархистской, но это высказывание целиком ложится в канву леволиберального общественного дискурса.

Эта запись собрала тысячи ретвитов и после увольнения этой модели из Loreal в ее поддержку началась целая кампания. В итоге она даже повысила свой общественный статус, став советницей у одного из членов парламента Великобритании.⁶⁵

⁶⁵ <http://www.dazeddigital.com/life-culture/article/37231/1/in-support-of-munroe-bergdorf-model-fired-by-loreal>
<http://www.bbc.com/news/newsbeat-43211136>

«27 вещей, которые белые никогда не должны говорить своим черным коллегам»⁶⁶ - тут перечисляют высказывания на темы которые «могут вызвать эмоции или имеют значение для черного сообщества», поэтому никогда не должны быть произносимы белыми.

В списке этих фраз, например, такие как

- «Я был на пляже весь уикенд и теперь выгляжу почти как ты!»
- «Все жизни имеют значение — не только черных людей»
- Любая фраза начинающаяся словами «Итак, черные...»
- «Нас всех дискриминируют»
- «Вы все» (сравните это с вышеуказанными словами Бердхоф, которая обвинила ВСЕХ белых в расизме и получила едва ли не всеобщую поддержку, - прим. Авт.)

И тому подобные «расистские» высказывания

Доходит до того, что часть РОС («людей цвета»), принадлежащих к неграм обвиняет в поддержке расизма тех цветных, кто считает себя цветным, но при этом не является негром.

«...когда они начинают приравнивать свой опыт к опыту Черной борьбы — это игнорирует особенное состояние Черных людей в Америке. Нас угнетают не одинаковым образом и не в одинаковой степени.

Используя «РОС» и «Черный» взаимозаменяемо, особенно когда ты Черный – это запутывание нюансов Черной расовой идентичности»

Сама же статья называется: **«Не-чёрные люди цвета тоже продвигают анти-чёрность»**⁶⁷

А вот наглядный пример «антирасистского» митинга в Бостоне, США. 2017 год.

Надпись на плакате «Белые люди — отстой» (дословно «белые сосут»)

⁶⁶ <http://www.blackenterprise.com/27-things-white-people-never-ever-say-black-co-workers/>

⁶⁷ https://www.huffingtonpost.com/entry/non-black-people-of-color-are-not-exempt-from-being_us_58bdb5dbe4b0ec3d5a6ba143

«Белые мужчины — террористы» - гласит эта футболка. Фото сделано 17 сентября 2017 года на одной из демонстраций BLM в Сент-Луисе.

Чтобы вы не думали, что анархистов подобные практики и высказывания обходят стороной, вот вам примеры:

«Деколонизация не в тренде»⁶⁸ - панельная дискуссия на анархистской книжной ярмарке в Сиэтле.

Выступающая девушка, представившаяся Эвелин, говорит:

«Меня попросили обратиться именно к белым товарищам в этом помещении касаясь участия или неучастия в колониальной борьбе. Чтобы по простому расставить точки над «и». пока я не перейду к отдельным темам, вот основное что вы должны запомнить: во-первых, вы не нужны (you are not necessary), второе — ваше мнение ничего не значит (your opinion doesn't matter), третье — никто не занимает вашего места (noone owes your space), и четвертое — вашим стандартным действием должно быть отойти и заткнуться (your standard operational procedure should be to stand back at shut up). Это самое главное. Необходимо отойти, быть скромным,

68 <https://www.youtube.com/watch?v=DNAbCbXkQX4>

больше слушать и заткнуться. Если прямо сейчас у вас возникает защитная реакция — заткнитесь.»

И еще примерно 20 минут в таком же духе. Две сидящие рядом с ней чернокожие девушки (надо понимать, тоже анархистки), лишь усмеваются при этих словах.

Речь «антирасиста» на акции Occupy wall Street в Нью-Йорке:

«Если ты белый, заткнись о том, что касается расы. Потому что вы не можете ничего, кроме как насиловать и убивать!»⁶⁹

"If you're a white man, then shut the fk up about race!" @ Occupy Wall St.

666 294 прагляду

DOWNLOAD

1 тЫС.

5 тЫС.

АБАГУЉЦЬ

≡

...

Наступнае відэа

АУТАПРАЙГРАВАННЕ

Former Soviet Citizen
Confronts Socialists at Occupy
Vladimir Jaffe

69 <https://www.youtube.com/watch?v=18p23-mE4e0>

Показательный случай — касающийся также «антиколониальной» борьбы, произошел в начале 2016 года в Париже. В анархистской библиотеке Ла Дискордия 26 января прошла дискуссия на тему «Исламофобия: концептуальный политический шантаж». Далее цитирую заявление, которое было переведено на английский язык командой сайта 325.nostate.org.

«Мы хотели противопоставить себя и других теме, которая находится на пересечении широко распространенного заблуждения об осуждении расизма и защите религии. Совместные дискуссии были интересными, и около 60 товарищей, которые туда пришли (обещаем, в следующий раз снимем большее помещение с большим количеством стульев!) продемонстрировали, что множество людей считают необходимым революционную критику религии — любой религии, даже ислама, который некоторый пытаются всучить нам под видом «религии угнетенных».

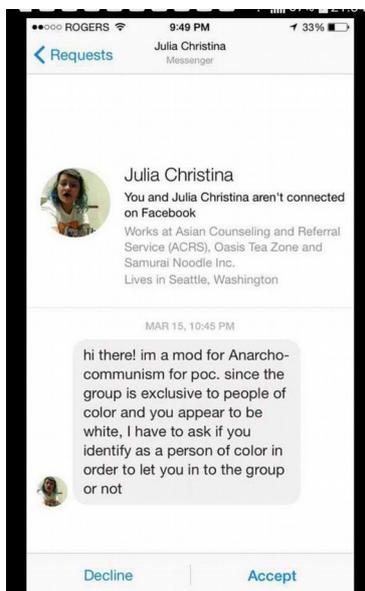
Тем не менее, вернувшись во вторник днем мы увидели, что фасад Дискордии был разрисован, возможно ночью. Некто написал «А» в круге (спасибо!) и весьма кривые обвинения «фашисты» и «расисты» черным баллончиком.

Все это сопровождалось листовкой «требований», упиривших на то, что мы действовали как инструмент «Исламофобских и расистских теорий» и «приводной ремень идеологий власти» и т.д.»

Полный текст заявления здесь: <https://325.nostate.net/2016/02/06/parisian-anarchist-library-threatened-by-anarchists-because-of-alleged-islamophobia-france-2/>

Как видим, ряд анархистов запада (в данном случае речь идет о Франции) готова поставить критику ислама в один ряд с фашизмом и расизмом. К счастью, есть и анархисты, выступающие резко против этого. Но насколько их голос слышен?

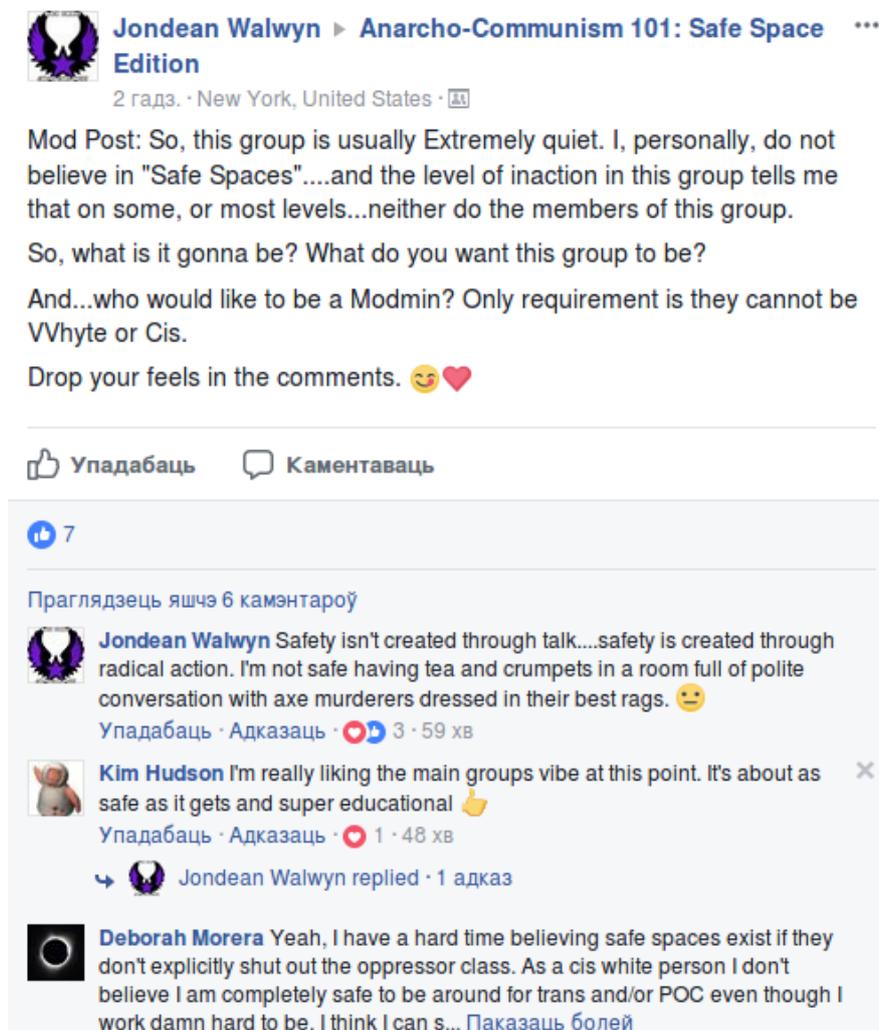
Американские анархисты идут еще дальше, создавая группы, куда людям с белым цветом кожи вход запрещен в принципе. Множество примеров этого мной было найдено в фейсбуке. Продемонстрирую лишь некоторые из них:

(«привет. Я модератор «Анархо-коммунизм для людей цвета». Поскольку эта группа исключительно для людей цвета а ты, похоже, белый, хочу спросить тебя,

идентифицируешь ли ты себя как цветной, чтобы решить, пропускать тебя в группу или нет.»)

В одной из других анархо-коммунистических групп я нашел следующий пост от админа.

The screenshot shows a Facebook post from the group "Anarcho-Communism 101: Safe Space Edition" by user Jondean Walwyn. The post text reads: "Mod Post: So, this group is usually Extremely quiet. I, personally, do not believe in 'Safe Spaces'....and the level of inaction in this group tells me that on some, or most levels...neither do the members of this group. So, what is it gonna be? What do you want this group to be? And...who would like to be a Modmin? Only requirement is they cannot be VWhyte or Cis. Drop your feels in the comments. 😊❤️". Below the post, there are interaction buttons for "Упадабаць" (Like) and "Каментаваць" (Comment). A comment section shows 7 likes and 6 comments. The first comment is from Jondean Walwyn: "Safety isn't created through talk....safety is created through radical action. I'm not safe having tea and crumpets in a room full of polite conversation with axe murderers dressed in their best rags. 😊". The second comment is from Kim Hudson: "I'm really liking the main groups vibe at this point. It's about as safe as it gets and super educational 👍". A reply from Jondean Walwyn says "1 адказ". The third comment is from Deborah Morera: "Yeah, I have a hard time believing safe spaces exist if they don't explicitly shut out the oppressor class. As a cis white person I don't believe I am completely safe to be around for trans and/or POC even though I work damn hard to be. I think I can s... Паказаць болей".

«... кто хочет быть Модмином? Одно требование — им не может быть белый или цис-человек»

Для американского анархиста Кристиана Вильямса попытки критиковать интерсекциональный фемнизм за его подход к сексуальному насилию закончились срывом его выступления на анархистской конференции «Law and Disorder conference».

В 2014 году Вильямс написал статью «Политика обвинения», в котором критиковал практику радикальных организаций в отношении людей, которые допускают сексуальные домогательства или неподобающее, с точки зрения феминизма, поведение.

В частности, он писал следующее:

«Согласно этой теории, выжившая,⁷⁰ и только она, имеет право требовать, в то время как остальные обязаны безотлагательно вводить санкции. Одно из очевидных последствий этого — все [её] утверждения воспринимаются как факт. Зачастую конкретные заявления даже не нужны. Достаточно бывает охарактеризовать чьё-то поведение — или даже основные свойства его характера — как «сексистские», «мизогинные», «склонные к замалчиванию», «триггерящие», «небезопасные» или «абьюзивные».

И принцип, что, как бы там ни было, хуже не сделаешь, позволяет использовать эти термины как более или менее взаимозаменяемые. В конце концов, дело не в том, чтобы выдвинуть обвинение, которое может быть доказано или опровергнуто, а в том, чтобы предложить решение. Таким образом, большие группы могут не симпатизировать некоей злополучной персоне и даже наказывать её, не прикидываясь, что даже не знают, что она, в частности, совершила. Её назвали нарушителем; остальное неважно.

Такой подход не позволяет увидеть — и в этом, возможно, его притягательность — сложность жизни реальных людей, многообразие ролей, которые играем мы все, напряжённость, которую мы все воплощаем и проживаем, и способы, с помощью которых все мы поддерживаем власть, даже ту, которая подавляет нас.

Согласно этой схеме, само собой разумеется, что ни одна выжившая никогда не была обидчицей и ни один насильник не является выжившей жертвой насилия. Естественно, если насильник в прошлом быть жертвой, это не оправдывает его насилие в настоящем, но строгая дихотомия, которая здесь подразумевается, слишком жёстко определяет прошлое; основываясь на тех же соображениях, можно увидеть потенциал для будущего исправления или роста.

Вместо этого схема предлагает утешительный дуализм, разделяющий людей на выживших и абьюзеров, и это не только роли, которые мы иногда играем, или позиции, которые мы занимаем, — нет, это эссенциально разные типы людей, которые навсегда останутся в плену отведённой им категории и (не случайно) замкнуты в рамках конвенциональной, стереотипной гендерной бинарности. Каждый человек получает роль, и она, в некоторой степени, сводится к его/её позиции в этом раскладе. Один из них — только нарушитель/насильник. Другая — только жертва/выжившая. Личность каждого из них определяют либо страдания, которые он причинил, либо страдания, которые пережил, но никогда — и причинённое, и пережитое.

Происходит двойное преобразование. Патриархат перестает быть способом власти и системы социальной стратификации и вместо этого отождествляется с поведением отдельного человека; даже считается, что этот человек олицетворяет патриархат. В то же время как нарушитель, так и выжившая подвергаются деперсонализации, отрываются от контекста и рассказа о собственной жизни — вместо этого они выступают как символические фигуры в некоей морализаторской пьесе.

Таким образом, наше внимание переключается с абьюза на абьюзера, с действия на действующего. Вместо того, чтобы искать способы уменьшить причинённый вред, мы вкладываем коллективную энергию в осуждение ответственного за проступок

70 Под словом «выжившие» (survivors) имеются ввиду женщины, потерпевшие от сексуального домогательства, будь то физического или словесного.

мужчины. Поддержка выжившей приравнивается к пристыживанию преступника, а затем вытесняется им.

Эти демонстрации оскорблённого нравственного чувства, прежде всего, по сути — заявления о невиновности и завет хранить добродетель. И они, как ни странно, могут стать обязательными. Поскольку мы не спрашиваем, совершил ли некий человек некий идентифицируемый акт, а вместо этого стыдим человека, возникает повод считать, что любой, кто «с ним нянчится», или «защищает» его, или «поддерживает», или просто ему симпатизирует — или просто не осуждает — должен взять на себя часть вины. Таким образом, существует мощный импульс, который перетягивает людей на «правильную» сторону и заставляет присоединиться к обвиняющим ещё до того, как некто совершит проступок».

На первый взгляд, довольно умеренная, здравая и взвешенная точка зрения, вполне имеющая — как минимум — право на существование. Автор несколько раз подчеркивает, что он феминист, что он против патриархата и так далее. Ознакомиться с полным текстом статьи (на русском языке) можно тут: <https://www.nihilist.li/2017/09/13/politika-obviniya/>

Что же сделали левые феминистки в ответ?

Во время выступления на вышеуказанной конференции туда пришло более десятка противников Вильямса. Когда он начал свое выступление по теме «*Информаторы: типы, кейсы и тревожные знаки*», они разом встали и начали скандировать: «Мы не замолчим перед лицом твоего насилия!» (we will not be silenced in the face of your violence), «Обвиняет выживших!» (survivor shaming!), «Сомневается в выживших!» (survivor doubt!) «Пошел нахуй, Кристиан Вильямс!» (Fuck Kritian Williams!), «Иди нахуй, свинья!» (fuck you pig!). В перерывах между этим они обвиняли его в том, что люди рядом с ним чувствуют себя небезопасно и поэтому он должен быть лишен места для высказываний, а также многое другое в том же духе. На его робкие попытки перевести публичное унижение в дискуссию и диалог они реагировали оскорблениями и выкриками, не давая ему сказать слово.⁷¹

71 <https://youtu.be/4r7cwWegXCU>

Очень советую посмотреть видео – даже тем, кто плохо понимает английский язык. Кстати, 168 000 просмотров на ютубе, под заголовком «Анархистская конференция скатилась в хаос». О произошедшем написала даже The Independent.⁷²

Кто-то может мне возразить что это — крайние проявления и они присутствуют в основном в Фейсбуке. Что по отдельным представителям движения нельзя клеймить целую теорию (в данном случае теорию интерсекциональности) и т. д. И, в самом деле, анархизм достаточно широк для того чтобы вмещать в себя даже самые экстравагантные, а порой и реакционные трактовки. Но совсем другое дело, когда из фейсбучных дискуссий и интернет-войн сторонники таких трактовок переходят к делу.

Нападение на библиотеку за организацию дискуссии о религиях, расистские высказывания в реальности — лишь малая часть происходящего. И истории с Кристианом Вильямсом и библиотекой Дискордия — не исключение. В США итогом многолетнего развития движения в этом направлении стало появление группы АРОС (Anarchist People of Color). Они не ограничиваются созданием фейсбук-групп «только для белых» и критикой колониализма в ключе, описанном выше.

Ниже — полное описание от лица членов этой группы акции АРОС в 2009 году. Акция эта состояла в том, что они провели нападение (пусть и смешное в своем исполнении) на участников хорошо известного коллектива Краймсинк (CrimethInc) и даже опубликовали об этом отчет.

Этот «шедевр», я считаю, стоит того, чтобы быть переведенным полностью. Надеюсь, вас не затруднит большое количество сносок и расшифровки терминологии, которой пользовались нападавшие. Текст также изобилует сленгом и идиоматическими фразами, которые я переводил достаточно вольно — проверить правильность передачи смысла каждый желающий сможет по ссылке на оригинал в конце текста.

«Въеби белого мальчика, часть вторая: Краймсинк. Выселение.

Белые панки с дредами, крастеры со своими чесоточными друзьями, путешествующие братишки из колледжей кучковались на разделительной линии джентрификации в районе Блумфилде/Гарфилде/Френдшип в конце июля 2009 года в Питтсбурге на ежегодном собрании Краймсинк. Тогда как предыдущие конференции Краймсинк проходили глубоко в чащах леса, эта началась в бедной черной местности, чьи жители выталкиваются на улицы с наступлением передовых белых сил.

Среди нас были те, кто годами ощущал угнетательскую культуру Краймсинк и те, кто ощутил достаточно угнетения в последние дни. Нашей целью было остановить Краймсинк, их джентрификаторскую силу и прекратить конференцию здесь и сейчас за все что они сделали.

Всего в нескольких кварталах оттуда восемь анархистов\автономных *анти*-авторитарных людей цвета (people of color) собрались, чтобы обсудить прямую конфронтацию. Мы прибыли из разных частей этих украденных земель Тётл Айленда («черепаший остров» - название Северной Америки у коренных народов, - прим. Авт). Некоторые прибыли со среднего запада, некоторые — с северо-востока, некоторые выросли в Питтсбурге. Все вместе мы представляли 7 разных местностей. Половина из нас была социализирована как женщины разного размера, цвета кожи, с идентичностями квиоров, трансов, гендерквиоров, вариантных гендеров и вумайн (*wotup* — вариант произнесения слова «женщина», принятый рядом феминисток, заявляющих, что

72 <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/anarchist-conference-descends-into-chaos-9367277.html>

окончание *-теп* в слове *women*, является проявлением патриархата, т. к. «теп» переводится как «мужчина», - прим. Авт). За небольшое время со всеобщим стремлением к полному консенсусу мы быстро разработали план. Местная АПОКиста (аббревиатура от АРОС — *Anarchist people of color*) предложила более безопасное место для нелегалов, небелокожих детей и родителей, и мы планировали осуществить это предложение со всеми нашими возможностями. Мы выдвинулись к конференции от наших АПОК-друзей с их полной поддержкой.

Подходя к месту конференции каждый из нас начал выполнять свою роль.

Роль одной апокиста была — сообщить небелокожей матери и ее ребёнку о действии и тем самым предложить более безопасное место для жилья. Роль той же апокиста была сообщить о нашем плане другим небелокожим, которые еще не знали о нем, чтобы пригласить поучаствовать или покинуть место его проведения, если они захотят. Некоторые апокистки также посоветовались с союзницами, чтобы проверить, нет ли мусоров поблизости.

Большинство крайсинкеров были в актовом зале на втором этаже, участвуя в кабаре. Часть нашей группы стала собирать пакеты, сумки, обувь и коробки посетителей на втором этаже и перенесла их в коридор к лестнице. Мы смогли остаться незамеченными, главным образом благодаря недостатку освещения.

Когда эти комнаты были освобождены, настало время главного действия. Мы собрались у дверей актового зала, которые находились наиболее далеко от лестницы на последнем акте кабаре.

- «На счет три. Раз, два, три!» - сказала одна апокиста.

- «Пошли на хуй отсюда!!!» - закричали мы все

И началось выселение. Один апокист начал читать «Открытое письмо к белым радикалам\прогрессивистам», а остальные начали кричать на посетителей, чтобы те собирали свои вещи и проваливали. Раздраженный тем, что в течении около 10 минут это не принесло результата, один из участников действия закричал:

«Это не дело! Пошли вон или мы вышвырнем вас отсюда!»

Некоторые белые люди начали собирать свои сумки и направляться к выходу, но большинство оставались и смотрели как мы сваливали в кучу их вещи в коридоре. Конечно, некоторые из них начали вырывать свои вещи из наших рук, физически ограничивая нас, атакуя нас, преграждая нам путь, и пытаясь вовлечь нас в диалог о том, что происходит. Мы же не были открыты к переговорам и прямо заявили об этом. Не может быть переговоров с колонизацией. Ввиду того что к нам применялась физическая сила, один из нас сказал:

«Не пробуй драться с нами, мы не пацифисты, мы будем защищать себя!»

[несколько часов таскания сумок, принудительного передвижения, блокирования, физических и вербальных атак и самозащиты]

Одну апокистку столкнули с лестницы. Одну вытолкали из комнаты. Одну поняли и вынесли из комнаты.

Личность (здесь и далее в оригинале используется слово persyn вместо правильного «person» - личность, персона. Мне не удалось найти перевод слова persyn в словаре, но, исходя из логики слова womyn, видимо здесь одна буква была заменена, чтобы избежать окончания «son», что в переводе значит «сын». Ведь сын — мужского рода, - **прим. Авт.**) в теле женщины была почти ударена в лицо в то время как двое других оттаскивали их.

Личность в теле женщины была схвачена высоким белым мужчиной, в то время как остальные кричали «держи ее!».

Цветная мать (mother of color) пришла чтобы защитить нас вытянула одного из нас.

Небелокожие организаторы силой закрывали двери прямо на нас, ломая наши тела и головы.

Один схватил огромную доску, которая была употреблена чтобы вытолкать нас за двери.

Спустя некоторое время и усилия, употребленные ими для того чтоб выгнать нас, мы остались стоять.

Приехали копы. Одному из нас позвонили снизу, чтобы сообщить, что снаружи — полицейский и с ним ведутся переговоры через посредника и ситуация под контролем. Мы огляделись и увидели вокруг себя других людей цвета и среднего размера группы преимущественно цисгендерных белых мужчин, которые ушли. К этому времени, в дискуссии с другими людьми цвета и людьми цвета-организаторами мы смогли убедить оставшихся упрявившихся белых людей уйти, сказав последнему из оставшихся что мы не рады их здесь видеть, после чего закрыли двери и начали конференцию.

Примерно через 20 минут почти каждый выразил свое мнение. Люди были на эмоциях, уставшие, и дискуссия закончилась. Мы ушли с места. Одна апокистка разговаривала с медиком, дабы вернуть нормальное дыхание, утраченное из-за приступа астмы, который произошел в ходе трёхчасового выселения. Мы все были в восторге, нас приветствовали друзья, союзники и все остальные, кто помогал нам участвовать в акции.

Мы попрощались и разошлись по своим домам чтобы рассказать о произошедшем и обсудить то, что было.

***Почему это был Краймсинк? Конференция была выбрана целенаправленно? ***

Первоначально одним из АПОК Питсбурга было предложено, чтобы конференция, ее организаторы и посетители были бойкотированы. Но были и апокисты из Пистбурга, которые призвали к действию «въеби белого мальчика часть вторая» и оно было поддержано на 100%. Эта поддержка была вызвана тем, что организаторы пренебрегают той ролью, которую они и Краймсинк могут играть в джентрификации местности. В емэйл-переписке с одними из апокистов организаторы из Краймсинк отказались признать, что они организовывали белое мероприятия (мероприятие, которое, несмотря на незначительное присутствие цветных, было структурно приспособлено для белых людей, делалось преимущественно белыми людьми и в белом месте). Организаторы не поинтересовались мнением ни одного иного релевантного в

данном случае сообщества прежде чем назначать конференцию и дошли до того, что арендовали здание в бедной черной местности. Под руководством преимущественно белых мужчин, белые люди продолжают вторгаться, красть и колонизовать. Организаторы подразумевали, что лишь потому что они больше не арендуют это здание в бедном черном районе, утверждение о влиянии их на окружающие их сообщества неверны.

Были также апокисты из других стран которые приехали на конференцию не зная о том, какие дискуссии велись прежде, но и у них вторжение белых вызывало шок и отвращение. Были люди из других городов, которые услышали призыв, и прибыли для помощи в посещении мероприятия, а также местные, решившее какой род конфронтации был необходим.

Не смотря на их утверждения, большая масса белых людей приняла участие в джентрификации и поспособствовала ей, установив белое место на Пенн Авеню. Цветные, как на самой конференции так и в сообществах, расположенных по близости, были отчуждены. Многие люди цвета, участвовавшие в конференции, подвергались тактике замалчивания и неуважения. Возникает вопрос, люди, открыто виновные в белой мужской власти могут называть себя анархистами. Также те, кто инициировал и участвовал в воркшопе неуместных шуток (inappropriate jokes workshop), могут считать себя кем угодно, но в наших глазах не являются анархистами. Наоборот, в «движении» эти люди являются главными сторонниками угнетения. Установление «безопасных мест» для расистских, сексистских, гомофобских и трансфобских шуток — не анархизм, это продолжающееся насилие угнетения, ведомого белыми и воплощенного в вербальной форме.

Все вы, кто прячет свое угнетательство (oppressiveness) и свои привилегии за «анархизмом», как видите, ваше продвижение белого превосходства и патриархата не прошло незамеченным. В ходе конференции вы не уважали гендерные идентичности людей, лгали цветным людям и игнорировали их. И все знали, что на самой конференции были как минимум двое, осуществивших в прошлом сексуальное нападение (что было против правил самой конференции) и никто не сказал и не сделал ничего против этого факта.

Почему Краймсинк?

Краймсинк был является плодородной почвой белого анархизма. Они поощряют культуру ухода от общества, что изначально предполагает, что читатель\посетитель имеет такую привилегию, и следовательно их слова — лишь для тех кто имеет ей.

Отказ создавать культуру вызова (calling out culture), и взыскания с людей за их дерьмо позволяет привилегированным людям оставаться прежними и создавать тем самым «безопасные места» для угнетателей.

Организаторы Краймсинк во многих случаях пробовали доминировать и контролировать массовые действия.

Содействие замалчиванию нас (угнетённых) происходит для создания гармонии, чтобы можно было просто сесть и расслабиться, наблюдая за угнетающим поведением, которое мы встречаем в «движении» в отношении любого угнетения помимо классового. Считается, что эти угнетения или неуместны или не важны.

Отсутствие эффективного и серьезного анти-угнетательского анализа показывает нам, что борьба с этими угнетениями — не в их интересах.

Почему [целью было выбрано] белое анархистское движение?

Каждый из тех, кто участвовал в этих действиях, провел немало времени рядом с белыми анархистами в ходе жизни или организационной деятельности. Наши взаимоотношения с этой публикой складывались по разному. Но, позволим себе заметить, что ни один из них не остался нетронутым расизмом в движении. Не думайте что они — изолированные существа. Белое превосходство играет роль во всём. Анархистская сцена дублирует все те же угнетательские социальные отношения, которые мы видим в обществе, и укрепляет мнение о том, что угнетения в движении не существует. Это заставляет многих молчать.

Мы видим показное угнетательское поведение и неспособность осознать свои привилегии и их роль в поведении каждого и в продолжении угнетения.

Большинство из нас вынуждены проводить свои жизни в небезопасных местах, и это всё ухудшается с неспособностью белых людей понять привилегии. Евроцентричный анархизм также фетишизирует борьбу цветных. Они слепы по отношению к цвету (colorblind - подход, говорящий о том, что на расовые различия не стоит обращать внимание, - прим.Авт.) и пытаются представить всё так будто все мы стартуем с одинаковых позиции. Они неспособны даже поднять вопрос о культурной апроприации.

Продолжая бороться за свои белые темы в вопросах угнетения, они разделили феминистское движение, гей-движение и анархо-движение в США.

Неспособность разобрать белое превосходство и показать, чем оно является, показывает что тут речь идет не просто о нацистах.

Белая раса продолжает быть паразитической силой (здесь и далее выделение мое, прим.Авт) из-за культурной апроприации, колонизации (сегодня они называют ее джентрификацией). Они принесли и продолжают геноцид. Болезни, рабство, голод, капитализм, патриархат, христианство. **Каждая белая личность получает выгоду от белого превосходства и угнетения цветных** — в конечном итоге они работают себе на пользу.

Белые анархисты отмечают (tokenize) /фетишизируют борьбу коренных народов и других цветных. Нас объективируют и делают чем-то, что должно быть устроено и организовано белыми, или научно белыми мужчинами. Нас сексуализируют в белом анархистском квир-движении. Все, от экологических, феминистических, профсоюзных, студенческих, коммунистических и до панк-анархистов они показывают своё белое превосходство.

Вещи, на которые стоит обратить внимание

АПОК — это акроним от «анархические\антиавторитарные\автономные люди цвета» («anarchist/anti-authoritarian/autonomous people of color». Это - название разных коллективов и групп, а также личная идентичность и движение. Вам не нужно ходить на митинги для того, чтобы быть в ответ, или иметь группу, чтобы быть АПОК.

Наша автономия - она в том что разные люди принявшие участие в «выселении» приехали со всей страны на конференцию Краймсинк по своим собственным причинам. Некоторые надеялись увидеть ряд изменений в роли, которую играет белое

превосходство, некоторые хотели «образовать» белое население, некоторые хотели увидеть друзей, а некоторые пришли с целью принять участие в действии.

Предатели расы — были слухи о циркуляции термина «предатель расы» в отношении метисов (mixed people) и других, кто не участвовал. Это неправда. **Слово использовалось лишь против отдельных индивидуумов, чья личная история заключалась в поддержке, защите и увековечивании белого превосходства.**

Незаконность (unarrestability) индивидуумов — конференция была просто пропитана к принципу неприкосновенности личностей, даже когда ими это было неоднократно подчеркнута. Для людей цвета, находящихся вне закона это было очень важно! (по всей видимости, тут речь идет о «нелегалах» или людях без документов, - **прим.Авт.**). Это не имеет ничего общего с тем чтобы быть недостаточно анархистом или достаточно панком — не следует рассуждать в таком русле вообще. «Незадокументированные» люди в особенности должны быть защищаемы анархистским сообществом, и теми, кто называет их своими «друзьями». Иметь ввиду принцип невыдачи — наиболее важная вещь, которую белые анархисты должны зарубить себе на носу. Держите свое ебучее сообщество в безопасности. Пока вы не будете этого делать, вас нельзя будет считать никакими союзниками.

Для «незадокументированных», которые были «выселены» на конференции: вы сказали один раз и вас услышали по всей стране, ваше эхо прошло через сообщество, люди высказывались в вашу поддержку и против этих действий в отношении вас. Когда мы кричим о поддержке, нас не слышно и наша борьба проходит незамеченной, потому что мы незаметны изначально.

Перемещение и угнетение белых людей... я даже не собираюсь говорить об этом.

Тактика — Это было прямое действие, и нравится кому-нибудь это или нет. Но целью было остановить конференцию, и конференция была остановлена быстро и эффективно. Недовольные посетители, рассуждающие о лучшей тактике или лучшем посыле совершенно бесполезны — цель была достигнута.

Анархистские «Fox News» (Фокс Нюз - американский право-консервативный канал, **прим.Авт**), послушайте себя, неужели вы не слышите белого превосходства в своих собственных словах?

Запомнившиеся цитаты

«Пока вас вышвыривали, я мародёрил на кухне» — белый посетитель

«Это была самая расистская вещь, которую я когда-либо видел» - белый посетитель конференции.

«Вы берете верх над анархистами потому что знаете, что они не позвонят мусорам» - организатор.

«Мы не знаем, скажите нам, сколько в этом году стукачей в лагере стукачей»? - апокиста.

«Раса не имеет значения» - белый посетитель (*Напомню, речь сейчас идёт о цитатах, которые авторы заявления считают расистскими, - прим.Авт*)

«Мы устроим оргию против этого» - белый посетитель.

«Что вы тут до сих пор делаете? Я делал одно и то же до вашего прихода, пока вы тут и когда вы уйдете буду делать то же самое» - белый посетитель конференции.

«Мы все из Африки» - белый посетитель.

«Невозможно уничтожить патриархат и расизм» - цветной, противостоявший выселявшим.

«Вы что, хотите чтобы я ненавидел себя за то что я белый» – произносил это плача.

«Посмотрите, почти все кто остались — белые цис-ребята»

в ответ на разговоры о геноциде, изнасилованиях и колонизации белые люди отвечали «это не были мы»

«Если ты тронешь куклы, я буду с тобой драться».

«Джей, я тебя сейчас подниму, можете кто-нибудь помочь мне поднять джей? (крича и тряся) я не хочу его уронить, люди подумают что я расист» - белая личность.

"Кто-нибудь дайте мне слезоточивого газа, их нужно выгнать отсюда нахрен» - несогласный с нами человек цвета –в ответ на действия апокистов.

«Мы закрываем вам дверь» - в момент, перед тем как они ломали наши тела, зажав их между телом и дверным косяком

«Я живу в этой местности» - сказано несколькими белыми людьми

«Это перформанс черного блока АПОК против джентрификации» - фраза, за которой последовали апплодисменты многих [присутствовавших]

«Но я же тебя подвозил» - белый посетитель.

«Давайте организуем сидения против этого» - белые посетители поздравляют друг друга.

«Почему вы угнетаете нас?» - говорилось белыми ребятами.

"АПОК теперь должны мне неделю моей жизни, и я возьму ее» - организатор.

"Я люблю всех вас, АПОК. Я люблю большие ботинки»

«Это временное неудобство — ничто по сравнению с джентрификации и постоянным выселением» - одна из апокисток толпе.

«Поджди, я ведь работал с тобой в Новом Орлеане» - белый посетитель.

«Местные приветствовали наше появления, они рады, что Краймсинк тут» - организаторы

«Вы нарушаете согласие» - в ответ [нам] на предпринимаемые действия.

«Этого достаточно, чтобы позвонить ментам» - сказано некоторыми в разное время.

«Мы все анархисты и боремся за одно и то же» - белая личность.

*Под «людьми цвета» мы имеем ввиду тех, кто идентифицирует себя как цветного, будь то желтый, красный, коричневый или люди смешанных цветов кожи. Люди Цвета могут включать в себя, но не ограничиваются африканцами, южноамериканцами, центральноамериканцами, американскими индейцами, людей стран Карибского бассейна, Юго-восточной Азии, Арабов, жителей средиземноморья, коренных жителей черепашого острова и потомства аборигенов.»

Оригинал: <https://anarchistnews.org/content/smack-white-boy-part-two-crimethinc- eviction>

Не уверен, что для прочитанного нужно какое-то толкование и комментарии. Отмечу лишь два любопытных культурно-терминологических момента. Первое: термин «предатель расы», которые АПОКисты используют в отношении цветных, не согласных с ними. Трудно сказать, где и когда этот термин был впервые использован, однако популяризирован он был, однозначно, во время апартеида в ЮАР: так белое правящее меньшинство называло белых активистов, выступавших против апартеида, а также неонацистами и наци-скинхед сценой: «предателями расы» они называли тех белых, которые разделяют антифашистские убеждения или ведут «не-арийский» образ жизни (рэперы, растафарианцы, панки и т. д.). Совершив кульбит в течении нескольких десятилетий этот термин теперь употребляется некогда угнетенной группой против своих же собратьев, недостаточно рьяно, по их мнению, клеймящих «белое превосходство».

Второй момент это утверждение о том, что «равнодушие к цвету кожи» (colorblindness) — есть расизм. Как видят, в таком случае, эти люди антирасизм — мы видели выше. Однако тут я обращаюсь к личному опыту. Когда я начинал свое участие в антифашистском движении (это была и уличная пропаганда, и прямое действие против нацистов на улицах), в 2003-2004 годах, главенствующим постулатом для всех нас — субкультурной молодежи и анархистов был постулат о том, что раса и национальность человека не имеют значения. Этот постулат выражался во всем — в наших лозунгах (мы писали на стенах «Есть только одна раса — человеческая!»), в наших листовках, в интернет-баталиях с нацистами, в дискуссиях с обывателями-ксенофобами. Во всех наших действиях проходила красной нитью идея о том, что не важно, где человек родился и какой у него цвет кожи, важно, какой он, как человек, его личные морально-этические качества. Этой идеей мы отражали стереотипные утверждения о том, что «чурки — наглые», «жидаки — хитрые и жадные» и т. п.

Абсолютно аналогичными были установки антифа-движения всего БССР (точнее, России и Украины).

По логике АПОКистов, выходит, что все мы тогда были самыми настоящими расистами.

Глядя на род действий и идеологию левых сторонников политики идентичности, становится ясно, что они будут часто подвергаться обвинениям в сексизме и расизме. Исходя из общепринятого и логичного определения сексизма — это дискриминация либо любое унижение человека по признаку пола. А расизм, соответственно, любая дискриминация или унижение по признаку расы.⁷³

73 <https://en.oxforddictionaries.com/definition/sexism>

Очевидно, что исходя из такого определения, идеология ряда указанных выше интерсекциональных феминисток, не говоря уже об «антирасистах» вроде АПОК и им подобных, является сексистской и расистской, т. к. являет собой в чистом виде язык вражды, оскорбления и попытки лишить прав (в частности, права высказываться) на основе цвета кожи либо пола. Ровно то, что делали расисты и консерваторы с черными и женщинами некоторое время назад.

В полемических и политических целях левым необходимо как-то отмыться от этих обвинений, поскольку в западном обществе термины «расист» и «сексист» носят однозначно негативную коннотацию.

Как же они это делают?

Одна часть прибегает к аргументу в стиле радикальных феминисток. Он прост: мужчин (белых) оскорблять можно, потому что они являются доминирующей группой. Даже если какой-то мужчина будет незаслуженно унижен, оскорблен, дискриминирован — это ничто по сравнению с вековечным гнетом патриархата\белого превосходства. Так сказать, отдельный эксцесс, которым можно пренебречь в борьбе за справедливость.

Другие говорят, что «невиновных нет» — все мужчины от рождения являются участниками мужского доминирования, а все белые — белыми расистами (см. изречения АПОКистов и Бердхоф выше). То есть включают в действие принцип коллективной вины. Об этом мы подробнее поговорим позже.

Еще чаще встречается другое, куда более изощренное оправдание. Оно состоит в утверждении о том, что «обратного угнетения»... не существует! То есть оно — миф, фикция, придуманное противниками социальной справедливости, расистами, сексистами, фашистами, для того чтобы продолжать оправдывать своё господство. Для доказательства этого утверждения используется постулат: «Сама суть угнетения не позволит «обратному угнетению» существовать!»⁷⁴ Иными словами: **«этого не может быть, потому что не может быть никогда»**. По мнению левых сторонников политики идентичности, расизм\сексизм это ничто иное, как предрассудок плюс структурное угнетение, дискриминация через институты власти. А сам по себе предрассудок (дискриминация, оскорбление и т.п.) еще не составляет расизма. Поскольку же структурного угнетения женщин мужчинами и черных белыми нет (с чем трудно поспорить), то и черного расизма\женского сексизма не может быть в принципе!

Доказательству того, что расистами могут быть только белые, а сексистами — только мужчины, а все кто доказывает обратное посвящено огромное множество статей на левых и либеральных ресурсах.

<https://everydayfeminism.com/2015/01/reverse-oppression-cant-exist/>

«Почему обратное угнетение попросту не может существовать (не важно что говорит словарь Мэриам-Вебстер)»

<https://everydayfeminism.com/2017/04/reverse-racism-isnt-real/>

«Почему обратного расизма не существует»

<https://everydayfeminism.com/2014/07/men-objectified-by-women/>

<https://en.oxforddictionaries.com/definition/racism>

74 <https://everydayfeminism.com/2015/01/reverse-oppression-cant-exist/>

«Могут ли женщины объективировать мужчин?» (автор приходит к выводу, это возможно лишь на межличностном микро-уровне и не может идти ни в какое сравнение с объективацией женщин, - прим. Авт)

<http://www.businessinsider.com/heres-why-reverse-racism-doesnt-actually-exist-in-the-us-2016-4>
«Почему «обратного расизма» в США не существует»

<https://www.vice.com/sv/article/kwzjvz/dear-white-people-please-stop-pretending-reverse-racism-is-real>

«Дорогие белые люди! Пожалуйста, прекратите делать вид что обратный расизм существует!»

Однако такое определение противоречит общепринятым пониманиям расизма и сексизма — словарным, академическим, бытовым, ведь ни одно из них не говорит что расизм — это лишь угнетение черных белыми, а сексизм — лишь угнетение женщин мужчинами (разве что оксфордский словарь подчеркивает, что сексизм **в особенности** направлен против женщин).

В таком случае мы видим просто иезуитский идеологический и лингвистический трюк. Если твои действия реально попадают под определение расизма... просто выведи своё собственное определение и объяви все остальные определения неуместными, лишив их тем самым все мнения, кроме твоего, базовой легитимности.

В процессе споров и дискуссий, если их оппонент ссылается на то, что «ваше определение не соответствует общепринятому» - ему моментально парируют, что общество заражено сексизмом и расизмом, поэтому его бытовые определения не уместны. Если же говоришь, что ваше определение не соответствует словарному, в ответ звучат такие аргументы:

- а) Словари написаны мужчинами (поэтому, по определению, являются сексистскими)
- б) Словари написаны капиталистами (поэтому, по определению, в них не может быть ничего правильного).

Оба утверждения — не шутка и не преувеличение и были лично встречены мной в дискуссиях. К сожалению, на тот момент, когда я их увидел, эта книга еще не писалась, поэтому у меня нет возможности показать скриншоты.

Возникает закономерный вопрос: какое же определение считать базовым, от чего отталкиваться? Ведь если нет общепризнанных значений слов и терминов, то невозможна никакая дискуссия. Ответ повисает в воздухе. Видимо, признать единственно верным стоит те определения, которые вывели сами интерсекционалисты.

Я вижу в вышеописанной ситуации крайне выраженную политическую ангажированность и интеллектуальную бесчестность: определенная политическая группа, осуществляя явно дискриминационные практики, стремится вывести себя из-под огня любой критики — попросту подменив словарные определения на выгодные им. Утверждения «женщина не может быть сексисткой по определению» или «черный не может быть расистом по определению» не только несправедливы и противоречат фактам, но и в моральном смысле развязывают руки для дискриминации, травли, оправдания оскорблений, унижения и насилия по расовому/гендерному признаку.

КАЛЕЙДОСКОП УГНЕТЕНИЙ

У левой политики идентичности есть одно важное свойство: количество заявляемых идентичностей и, соответственно, угнетений по ним, всё время множится. Приблизительно на каждую идентичность или свойство человека можно найти соответствующее «угнетение». Расизм, сексизм и гомофобия — в принципе, уже стали привычными обвинениями. Однако чем дальше тем больше. Абсолютно легитимными в в леволиберальной среде сторонников интерсекциональности среде стали или становятся также такие понятия трансфобия (боязнь\ненависть к трансгендерам), эйджизм (дискриминация по признаку возраста), лукизм (дискриминация по внешнему виду), фэтфобия (боязнь\ненависть к толстым людям), эйблизм, лукизм, сайзизм, нативизм и многие другие «измы» и «фобии». Радикальные экологи, помимо прочего, говорят о «спишизме», подразумевая что к любым представителям животного мира отношение должно быть точно такое же как к людям.

Образуются эти угнетения путем добавления слова «-фобия» или «-изм» к любой характеристике человека. И что самое главное, левые считают, что все эти «угнетения» - одинаково важны в деле социального освобождения, и бороться скажем, с фэтфобией, так же важно, как с классовым угнетением. Для последнего, кстати, также придуман политкорректный и не слишком «кусачий» термин - «классизм». Обосновывается это тем, что не существует никаких объективных границ — какое угнетение сильнее и деструктивней, и каждый человек сам для себя решает, что угнетает его больше — политическое бесправие и эксплуатация по месту работы, или же косые взгляды на его полное тело. Ведь, как вы помните, интерсекционализм, стоя на фундаменте постмодернизма («всё относительно, единой истины нет») возводит личный опыт каждого в абсолют.

Соответственно, людей, обладающих характеристиками, более приемлемыми в обществе (независимо от того, получили они их от рождения или приобрели) считают привилегированными. Они должны осознать свои привилегии, отступить и, при необходимости, заткнуться — ведь они не могут судить об опыте «угнетенных». Так, худые привилегированны по отношению к полным (thin priviledge), коренные жители — привилегированны по отношению к приезжим (native priviledge), взрослые — к юным (age priviledge), здоровые — к инвалидам (able-bodied priviledge), цисгендерные люди — привилегированны по отношению к тем, у кого биологический пол не совпадает с социальным (cis privilege) и так далее. Создается впечатление, что с в картине мира левых интерсекционалистов никто среди людей вообще не может быть равен — все находятся в подчиненном или привилегированном положении друг к другу. В этом, кстати, их картина мира сильно перекликается с таковой у обитателей тюрем, госслужащих, военных а также у описанных Фроммом садомазохистских личностей. В тюрьме ты тоже не можешь быть «просто кем-то». Ты обязательно должен принадлежать к какой-либо касте, «масти», которая стоит выше или ниже по отношению к другим. Нельзя быть просто человеком — ты или мужик, или вор, или петух. Интересно, что тут интерсекциональное мышление и мышление эзков практически копирует друг друга, с той лишь разницей, что у леволиберальных сторонников интерсекциональности эта иерархия перевернутая, и те кто считается наиболее угнетенными, наоборот, имеют большее право голоса, имеют право оскорблять и унижать «привилегированных», все их неблагоприятные поступки объясняются их «угнетенностью» и оправдываются.

Большое количество реальных и мнимых угнетений в представляемой социальной системе левых порождает причудливые комбинации — когда носители более чем одной «угнетенной»

идентичности заявляют тем, кто «угнетен» лишь чем-то одним: мы на самом деле угнетены больше чем вы, и вы обязаны это признать!

<https://www.them.us/story/white-gay-men-are-hindering-our-progress>

«Белые геи мешают прогрессу квир-сообщества»

<https://www.them.us/story/dear-white-gay-men-stop-turning-yourself-into-heroes>

«Дорогие белые геи, прекратите считать себя героями!»

<https://www.facebook.com/TransAndGodless/posts/855169817858380>

«Дорогие цис-женщины...» (статья транс-активистки о том, как себя должны вести обычные женщины по отношению к транс-женщинам, которые более угнетены — **прим. Авт.**)

<https://verysmartbrothas.theroot.com/straight-black-men-are-the-white-people-of-black-people-1814157214>

«Черные натуралы — это белые люди среди чёрных»

и т.д.

Не так давно одно ЛГБТ-движение Великобритании выступило за лишение в своих рядах представительства белых геев, т. к. они «не угнетены» и являются носителями «мизогинии, трансфобии, расизма и бифобии»

<https://www.pinknews.co.uk/2016/03/22/nus-tells-lgbt-societies-to-abolish-gay-mens-reps-because-they-dont-face-oppression/>

Практика разжигания вражды и ненависти к «привелигированным», т. е. к большинству в случае с этими угнетениями повторяется в очень похожей форме. Требования к политкорректности речи все время повышаются. Все больше слов, высказываний, позиций, ставятся под запрет, как «угнетающие», под угрозой травли людей все больше приучают к самоцензуре.

<https://medium.com/@QSE/when-you-say-i-would-never-date-a-trans-person-its-transphobic-here-s-why-aa6fdcf59aca>

«Если ты говоришь что «никогда не позовешь транс на свидание» - это трансфобия, и вот почему»

<http://www.bbc.com/news/blogs-trending-42652947>

«Индия Вилогби: дискриминация ли это — не ходить на свидания с транс-людьми?»

<https://www.prweek.com/article/1458454/this-not-fat-shaming-cancer-research-uk-stands-anti-obesity-campaign-backlash>

«Это не фэт-шейминг!» (ученые, доказавшие связь раковых заболеваний и ожирения, вынуждены оправдываться перед пользователями соцсетей за обвинения в фэт-шэйминге, - **прим.Авт**)

<https://www.independent.co.uk/life-style/gadgets-and-tech/news/siri-accused-of-being-homophobic-after-apples-digital-assistant-refuses-to-discuss-gay-marriage-10177518.html>

«Приложение для смартфона «Сири» обвинили в гомофобии после того как оно отказалось обсуждать гей-браки»

https://www.buzzfeed.com/davirocha/stop-it?utm_term=.atVvqrvDz#.svEdEvd92

«20 гомофобских фраз, которые натуралы по-прежнему говорят случайно»

Среди этих фраз, например, такие как:

«Я без предрассудков, у меня есть друг-гей». «Это прекрасно, но это не значит, что ты не ханжа» - парирует автор статьи.

«У меня нет проблем с лесбиянками. Я даже смотрю лесбийское порно!».

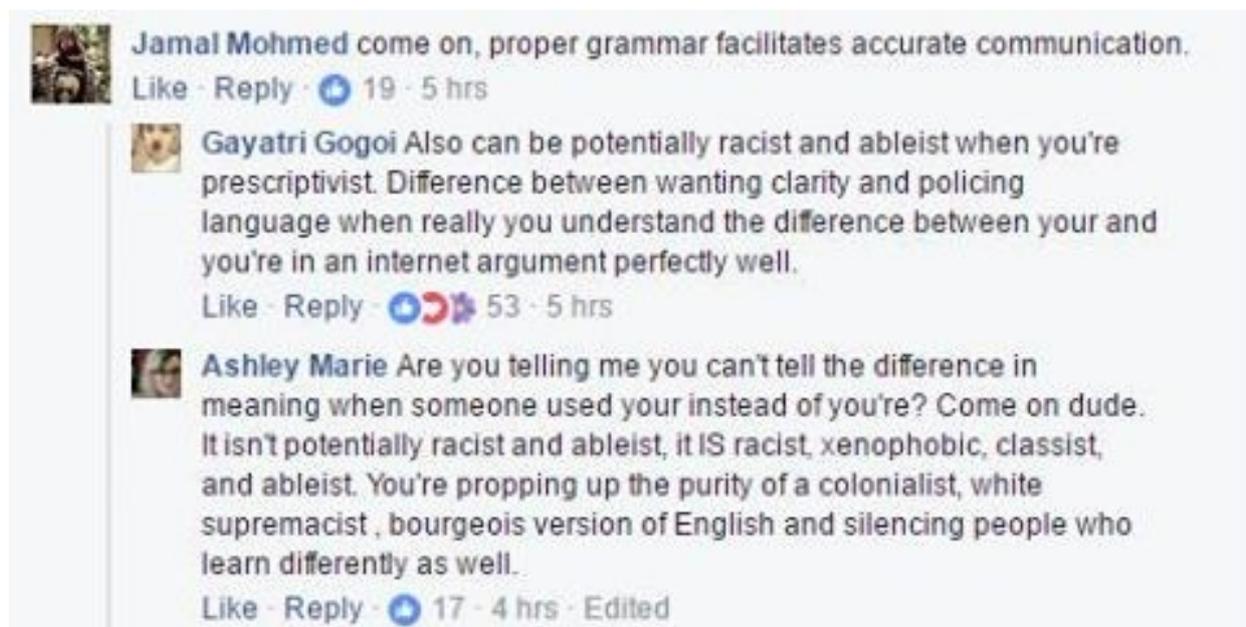
«Я думал, ты такой же мужчина, как я».

Чтобы вы не думали, что подобные нарративы распространены исключительно на леволиберальных или ЛГБТ-сайтах — обратите внимание на посты в фейсбук-группе «Анархо-трансфеминизм»:

«Геи — всё те же цис-люди, а значит - наши угнетатели.»

Сообщество «анархо-трансфеминизм» - в нем, между прочим, более 5 000 подписчиков.

«- Ну хватит уже, соблюдение правил грамматики грамматика просто делает взаимодействие более ясным.

- А также может быть потенциально расистской и эйблистской, если ты — прескриптивист...»

Как видим по этому диалогу, требование соблюдать правила грамматики в понимании многих — не что иное как расизм и эйблизм.

Мне и самому приходилось видеть собрания анархистского коллектива для решения конфликта – где вместо разбора конфликта происходил разбор того, кто из присутствующих больше привилегирован, а следовательно, чье слово имеет меньший вес. Спор шел не по существу вопроса: каждый, в силу своих познаний об интерсекциональном подходе, стремился утопить оппонента доказанием его привилегированности и своей угнетенности, искусно жонглируя терминами, концепциями и обвинениями в «измах».

В конце концов политика идентичности в ее интерсекциональном прочтении начинает напоминать трайбализм. Если я гей — буду голосовать за гея, если черный — буду всячески поддерживать людей своей расы и тому подобное. Люди, называющие себя левыми, не стесняются говорить «я борюсь за свой пол», или «я борюсь за свою расу». Это выглядит как скатывание к племенному обществу, где член твоего племени всегда и во всём прав, просто потому что он - «свой».

О политической неуместности, антипрогрессивности и антиреволюционности и реакционности такого подхода я буду писать чуть ниже. Заканчивая эту главу, хотелось бы подчеркнуть один важный психологический момент.

Практически каждый человек, если он не белый гетеросексуальный цисгендерный мужчина без явных физических недостатков, таким образом, может назвать себя угнетенным по любому признаку. Ведь оспаривать личный опыт угнетенного — не дозволено, как и его мнение. Такая ситуация создает просто гигантский простор для самоутверждения себя за счет обвинения во всех грехах «привилегированных», для психологических манипуляций, культа «угнетения» (ведь мы помним, что чем более ты угнетен, тем больше привилегий тебе должны окружающие), культа виктимности и самореализации своего болезненного «Я» через новое и новое утверждение о том, как ты угнетен.

Человек, который просто-напросто груб, истеричен, глуп, нечестен с окружающими, не уважает чужое мнение при любой попытке поставить его на место, привлечь к ответственности за его слова и поступки может просто обратиться к своим угнетениям и парировать тем, что обвиняющий просто более привилегирован, а также сексист, мачист, гомофоб (в зависимости от ситуации) и его критика — ничто иное как проявление «структурного угнетения». Практика показывает, что нередко и в анархо-коллективах такую аргументацию воспринимают на ура.

СОЛИДАРНОСТЬ ВЗАМЕН ЭГОИЗМА

Теперь перейдем к теоретической критике левого (леволиберального интерсекционализма и анархистской альтернативе, которая, на мой взгляд, сможет противостоять перечисленным выше вредным тенденциям.

Итак, чем же опасна политика идентичности и левый интерсекционализм — в его современном исполнении?

1. Он вводит принцип коллективной ответственности. Подразумевается, что если в какой-либо группе присутствуют люди, так или иначе притесняющие других, то вся группа — угнетатели. Для оправдания этого используются, как мы видели выше, разговоры о «угнетающих социальных нормах», «врожденном сексизме» (расизме\гомофобии и т. п. - в зависимости от контекста), который, якобы, будучи впитан с рождения (такие формулировки тоже присутствуют), делает всех мужчин виноватыми в угнетении женщин, или всех сегодняшних белых в США — соучастниками колонизации и рабовладения, или всех гетеросексуальных людей — соучастниками угнетения цветных и далее по списку.

Даже от некоторых анархо-феминисток, к сожалению, в их статьях и высказываниях о критике мужского сексизма, можно услышать слово «мужчины» исключительно в обвинительном тоне, вместо употребления фраз как «отдельные мужчины» или «большинство мужчин». Таким образом слово «мужчина» помещается в устойчивую негативную коннотацию, вне зависимости от любых деталей. Пол человека в таком дискурсе сам по себе становится негативной чертой, клеймом, недостатком.

В то же время, стоит только кому-либо, например мужчине, попробовать обобщить какую-нибудь женскую черту (не обязательно негативную), например, сказать что женщины в среднем более эмоциональны чем мужчины — его мгновенно обвиняют в сексизме и ненависти к женщинам под предлогом того, что он-де, своими словами «укрепляет гендерные стереотипы».

Однако с любой точки зрения: логической, этической, политической, ни один человек по одному лишь признаку своего пола, сексуальной ориентации или цвету кожи не может быть угнетателем, хотя бы потому, что для того, чтобы кого-то угнетать, нужно совершать активные действия. Лишать власти, отбирать продукты труда, ставить в неравные условия, систематически унижать личное достоинство и т. п. Абсолютное большинство мужчин (если вести речь о коллективном обвинении в сексизме) этого делать не могут при всем желании, потому что у них отсутствуют механизмы политической и иной власти для того, чтобы это делать.

Мужчина-зэк, сидя в тюрьме (помним, что 96% населения тюрем в Беларуси составляют мужчины?) не может «угнетать женщин» хотя бы просто потому, что их не видит. Практически никогда. Мальчик, которому были привиты не маскулинные, а феминные черты, который находился под властью мамы и бабушки и позже будет передан под власть жены (довольно частый паттерн воспитания в постсоветских обществах) — не может быть угнетателем женщин в силу своих психологических свойств. Просто слабохарактерный, пассивный, неуверенный в себе мужчина также не может угнетать вообще никого — сколько бы анекдотов про блондинок он не рассказывал. Мужчина, воспитанный уважать чужое мнение, смотреть на человека и видеть в нём личность, а не пол\расу\национальность, не заикленный на пошлых стереотипах — не может быть сексистом, потому что попросту никого не дискриминирует не только на политическом уровне но и в личном общении.

Аналогично и в расовом вопросе: белый трудящийся, живущий наёмным трудом, не может осуществлять никакого «структурного белого превосходства» просто потому что у него нет для этого ресурсов, не говоря уже о намерении. Он так же, как и его черные товарищи по классу, вынужден принимать те правила игры, которые установили элиты. В структуре общественных отношений у него нет реального права голоса, нет капиталов, связей и т. п. Те немногие преимущества, которые ему дает система, в которой наличествуют некоторые предрассудки (например, часть белых, в т.ч. находящихся на властных постах, имеют некоторые предрассудки к черным и могут в определенных условиях обеспечить им неравные условия и доступ к ресурсам), даже взятые вместе, на мой взгляд, не позволяют говорить о некоем огульном превосходстве и доминировании одной расы над другой в западноевропейском и американском обществе.

Естественно, аналогично каждый белый трудящийся никак не может нести ответственность за колонизацию и преступления против коренных народов Америки просто потому что он в это время не жил и преступлений этих не совершал, и, в большинстве случаев, не получил от нагрябленного колонизаторами ни малейшей доли.

Непонимание этих фактов, точнее их неприятие, основывается на чрезвычайно расширенной трактовке власти у левых. В их понимании под «структурную власть» попадают и любой стереотип (например, слова о том, что у негров лучше физические результаты в определенных видах спорта), и «дискриминационный» юмор, и попытки оспорить постулаты интерсекционализма и тот факт, что у кого-то больше знаний, чем у другого человека.

Такая трактовка позволяет отбросить логику и трактовать практически любую политическую ситуацию в свою пользу. Например, женщина, ведущая себя непорядочно или грубо, в оправдание своих действий всегда может сослаться на то что обвиняющий ее — мужчина и угнетатель, и потому не заслуживает уважительного отношения априори. Выше я уже приводил примеры того как попытки пресечь грубость и убедить человека не кричать на себя в мире левого интерсекционализма трактуются как *tone policing* («контроль тона») и приравниваются к инструментам угнетения.

Если так или иначе с тобой не хотят общаться, обходят стороной, избегают взаимодействия — всегда можно обвинить общество в том, что оно такое (расистское, сексистское, гомофобское, трансфобское, эйджистское и т. д.) и не хочет тебя принимать из-за «институционального неравенства», хотя объективно людям всё равно, просто ты сам(а) ведешь себя некорректно по отношению к окружающим.

Любой гей в такой ситуации имеет козырь — свою ориентацию, которую может выложить в межличностном споре или конфликте, обвинив оппонента в гомофобии.

Любая женщина легко может обвинить в мачизме мужчину, проявляющего даже минимальные маскулинные качества в беседе или общих взаимодействиях, и тем самым получить моральные очки в конфликте, будучи поддержанной остальными.

2. Политика идентичностей конструирует надклассовые общности по множеству различных признаков, тем самым развивая и нивелируя понятие солидарности всех угнетенных. Находя, один за другим, признаки угнетения в той или иной группе людей, они объявляют их главным объединяющим фактором, который играет равную, или даже главенствующую роль по отношению к классу. Таким образом мы узнаем, что, оказывается, все без исключения геи это угнетенная группа (хотя угнетён ли гей, если он богат, известный артист или политик в стране Запада?), что существует, оказывается, некая моногенная группа «мужчины», у которых есть одни интересы: угнетать женщин и продолжать поддерживать

патриархат. И аналогичная группа «женщины», которая вся без исключения страдает от патриархата (пусть и в разной мере — как это все же признают интерсекциональные феминистки). Аналогично и с группами «толстые», «некрасивые», «инвалиды» и т. д. Они объявляются более-менее гомогенными группами лишь по признакам какой-то одной идентичности.

Все эти разделительные полосы проводятся по признакам, которые, за редким исключением (например, инклюзивность для человека с инвалидностью, или случаи физических нападений за гомосексуальность), **объективно не являются определяющими в жизни человека и в удовлетворении его базовых нужд**. Как видим, человек, являющийся геем, может быть, в зависимости от обстановки, и угнетателем и угнетённым, женщина может быть президенткой а может быть уборщицей, также и пожилой человек будет куда как популярен среди противоположного пола, если он будет богатым и знаменитым — весь «эйджизм» общества в отношении его улетучится моментом. Однако трудящийся, лишенный политической власти, стоит в положении угнетенного независимо от своих остальных качеств — веса, цвета кожи и т.п. Человек, подвергающийся экономической эксплуатации, не имеет никакой «структурной привилегии», поэтому все «угнетение», которое он может осуществлять — это унижать более слабых на межличностном уровне (например, бить свою жену), а никак не на структурном.

В непонимании этих фактов интерсекционалисты, наперекор политике и философии анархизма, продолжают объединять людей по каким угодно признакам, кроме классовых. Лично мне приходилось слышать от анархо-феминисток фразы «я борюсь за свой пол» (как будто у людей всегда одни и те же интересы лишь по факту одного пола). Также однажды в ответ на аргумент о том, что мужчины в 2 раза чаще женщин рискуют подвергнуться насильственному преступлению (за исключением изнасилования) я услышал от анархо-феминистки: *«но ведь они подвергаются ему от самих же мужчин!»* - то есть вновь имеется ввиду, что есть некая общность «мужчины», и если в ней творится насилие то это, в принципе, не так страшно, и не достойно внимания, как если бы оно творилось бы против женщин. Это классическое выстраивание иерархий внутри класса угнетённых.

3. Двойные стандарты — одна из отличительных черт применения интерсекциональности на практике. Немалое количество таких примеров я привел выше, либо же они могут быть выведены из описанных выше случаев. Поэтому не буду приводить слишком большое количество картинок и скриншотов, приведу лишь два примера.

*Знаменитый твит американской интерсекциональной транс-активистки Зиннии Джонс «нах*й белый рабочий класс», посвященный, по всей видимости сторонникам Трампа (которых действительно немало среди белого рабочего класса).*

Зинния Джонс после этого не была забанена в Твиттере, не получала в свой адрес угрозы расправы и уж тем более не стала изгоем ни в своей тусовке «борцов за социальную справедливость» ни в обществе в целом. Критики этого расистского твита в анархистских или анархо-фемнистских ресурсах я также не встретил. По-видимому, такое поведение воспринимается нормой как минимум, немалой частью американской либеральной и левой общественности, как норма.

Другой пример: феминистский лагерь в Армении в 2017 году. На нем присутствовало несколько десятков человек: анархо- (и не только анархо-) феминисток, ЛГБТ-активисток и активистов, квиров и прочих социальных активистов преимущественно левой и леволиберальной направленности. Перед началом лагеря всех присутствующих ввели в курс дела о том, что дозволено и недозволено в лагере, поставив перво-наперво жесткий запрет на харрасмент и обрисовав принцип «power of definition» («сила определения») - что означает, что женщина или любой другой угнетенный сам(а) определяет что есть изнасилование, харрасмент, домогательство и угнетение.

Вскоре произошел следующий случай: во время просмотра квир-порно (что было одним из мероприятия лагеря, входящего в программу) участник лагеря, гей, стал недвусмысленно, прямо предлагать секс другому участнику (гетеросексуалу). Тот отказался. На следующий день домогательства повторились. После очередного отказа «кавалер» спросил: «Ты что, гомофоб?!». Парень, подвергшийся таким настойчивым предложениям, решил поднять вопрос о нежелательных и неприятных приставаниях на общем собрании. Результатом этого стало то, что... организаторы лагеря и многие его участники стали на сторону гея и подтвердили обвинение в гомофобии! Ведь этот гей — угнетенное меньшинство, а пострадавший — гетеросексуальный цисгендерный мужчина, привелигированный угнетатель! Следовательно, о каких страданиях и неприятностях может идти речь?! Парня, которого вышеуказанный «активист» донимал предложениями секса, выставили гомофобом.

Правды ради стоит сказать, часть участников лагеря все же стала на сторону жертвы домогательств и заявила, что двойные стандарты недопустимы. Это, в итоге, стало причиной раскола лагеря и фактического срыва мероприятия.

Стоит добавить: не секрет, что несогласие вокруг феминизма и гендерной тематики являются в анархистском сообществе едва ли не самой частой причиной конфликтов. И лично я знаю уже не один и не два анархистских коллектива, расколовшихся из-за фанатизма отдельных анархо-феминисток и их нежелания искать компромисс или договариваться с теми, кого они считают «сексистами».

Я не призываю прекращать обсуждать эту тематику и полностью игнорировать интересы и мнения товарищек, даже с самыми экстравагантными взглядами (ведь если темы поднимаются значит они кого-то волнуют), однако у меня создалось стойкое впечатление: многие фем-активистки, чувствуя себя, со своими строгими принципами, сформировавшимся воззрениями, багажом специфических знаний, нестандартным мышлением и высокими требованиями к окружающим чувствуют себя словно в осажденной крепости, когда им все время приходится противостоять всему миру: патриархату, гендерным стереотипам, невежеству окружающих и их нежеланию принимать их взгляды, внешний вид, высказывания и т.д. И в ситуации, когда против них — реальная или мнимая огромная враждебная сила, которую они объективно не в силах побороть ввиду своей малочисленности, накопленное разочарование, злость и недовольство они выплескивают на

тех, кто находится ближе всего — своих товарищей мужского пола. Грубо говоря, не в силах атаковать президента, который говорит что «президентство это не женская работа», они атакуют других анархистов за то что те не используют гендерно-нейтральные существительные. Не в силах что-то сделать с боссами, насилующих женщин на рабочем месте, они яростно критикуют активистов, находящихся «под рукой» за то что те не разделяют их гендерные теории во всех тонкостях. Как говориться, бьют «ближнего врага», тогда как дальний недосягаем.

Вышесказанное не отменяет того, что критика и проговаривание своих нужд — важные вещи в анархистском коллективе, от кого бы они не исходили. Я лишь хотел подчеркнуть то, что куда продуктивней свою энергию направлять на борьбу с сильным врагом, а не на яростное преследование и обвинение своих товарищей за «провинности» вроде неправильных слов или альтернативных взглядов на вопрос гендера и взаимоотношения полов.

4. Цензура. Как видно на практике, применение левыми политики идентичности в повседневной жизни напрямую ведет к цензуре. Начинается все с благими намерениями: требованиями заменить, порой до неузнаваемости, лексикон говорящего. Притом те, кто по каким-то причинам не хочет это делать, или же просто не успел за стремительными изменениями культурного пространства вокруг себя, могут сразу быть записаны в «сексисты», «расисты» и «мачисты». Логическое продолжение — запрет на критику феминистских и «антирасистских» концептов под любым соусом. Есть только одно правильное мнение. Всё стальное — расизм, сексизм, гомофобия и трансфобия (примеры выше). Несогласные часто подвергаются прямой травле и унижениям. В конечном итоге это приводит к подчистке истории и классических произведений культуры. Пример: попытки оградить людей от классических произведений литературы (см. ссылки выше), и, как писалось выше — прибрание «с глаз долой» недостаточно политкорректных картин классических художников⁷⁵

Борьба за человеческое достоинство и права не должна превращаться в цензуру и попытку стереть и запретить противоположные мнения, даже если они кого-то ранят или кажутся абсурдными и несправедливыми. Анархисты — сторонники свободы во всех ее проявлениях, в том числе свободы слова, которая в большинстве стран Запада стала результатом борьбы в том числе анархистских и про-анархистских рабочих движений. В странах же Восточной Европы, не говоря уже об Азии, Африке и Ближнем Востоке борьба за свободу слова по-прежнему является одним из острейших вопросов. В Беларуси — стране, где я родился и вырос, человека могут посадить за публичное высказывание своих политических взглядов, и эта традиция тянется уже очень давно — с 1917 года, не говоря уже о более ранних временах. По сути Беларусь — страна, где свободы слова никогда и не было.

Глядя на то, как левые в США избивают людей за иной взгляд на миграцию, гендерный вопрос или вопрос гомосексуальности, объявляют своих же товарищей «трансфобами» и «защитниками насильников», срывают их мероприятия лишь за попытку рассмотреть разные варианты борьбы с сексуальными домогательствами я испытываю странное дежавю.

5. Теория интерсекциональности перетягивает внимание на второстепенные вопросы.

На повестке дня большинства левых и многих анархистов на сегодня на первом месте исключительно вопросы прав меньшинств и их реальных или мнимых дискриминаций. Туалеты для трансгендеров, гендерно-нейтральные существительные, феминитивы, политкорректные местоимения для интерсексуалов, пансексуалов и агендеров, инклюзивность активистских коллективов, количество черных\женщин\лесбиянок\геев в тех или иных органах власти, а также: трансфоб ли ты, если отказался встречаться с девушкой, узнав что она — биологически мужчина? Колонизатор ли ты, если неправильно занимаешься

75 <https://vz.ru/news/2018/2/1/906336.html>

йгой? Расист ли ты, если, будучи белым, носишь дреды? Не исключить ли из классических произведений литературы сцены насилия — ведь они являются триггерами и могут спровоцировать паническую атаку у тех, кто пережил насилие? И так далее.

Можно по-разному относиться этим вопросам, и чувствовать их более или менее близкими к своим личным проблемам, но факт есть факт: все они носят второстепенный характер для общества и его революционного освобождения. Об этом говорит даже то, что их капиталисты и политические элиты позволяют их обсуждать (а возможно и стимулируют их обсуждение). В то же время ключевые вопросы жизни миллионов людей: зарплата, безработица, лишение политических прав, отчуждение от средств производства, рабский труд, выстраивание систем массовой слежки, империалистические войны с сотнями тысяч погибших, колоссальный рост неравенства в национальном и мировом масштабе, уничтожение природы — отходят на второй план. И, пожалуй, именно поэтому на сегодня западный левый дискурс настолько погряз в вопросах гендера и прав меньшинств.

Кто-то скажет в ответ: *«гея, подвергшегося насилию, его права волнуют больше, чем глобальное потепление или нищета людей вокруг его»* или *«для человека, не считающего себя мужчиной или женщиной — настоящая трагедия зайти в мужской или женский туалет»*, ведь *«каждый чувствует по своему»*, или, иначе говоря, *«своя рубашка ближе к телу»*.

И тут встает вопрос: что вообще есть угнетение?

На мой взгляд, одной из фундаментальных ошибок теории интерсекциональности в левом исполнении является как раз ложное понимание того, что есть угнетения. **Не существует иерархии угнетений!** - один из лозунгов левых. Таким образом «угнетением» называются и запрет женщине загорать топлесс и рабский труд на шахтах по 12 часов в день, и лишение миллионов людей гражданских прав, и шушуканье за спиной у человека нестандартной внешности. И разгоны демонстраций, и то, что мужчины в метро сидят с раздвинутыми ногами — тоже угнетения. По факту, при таком подходе нивелируется, уравнивается по нижней планке само понятие угнетения. В него, таким образом, записывается практически всё что доставляет конкретной личности даже самые малейшие неудобства и неприятные эмоции. И здесь, вновь, левые отталкиваются от постмодернистского постулата о том, что единой истины и единого опыта нет, чувства каждой отдельной личности и есть его персональная истина. Женщина, страдающая от лукизма так же угнетена как рабочий в Северной Корее, потому что «она так чувствует». Или гей «угнетен» насмешками окружающих так же, как и тем фактом, что в своей стране он лишь пассивная ничего не значащая единица, не имеющая политической власти и малейшего влияния на свою жизнь.

Однако такой подход не позволяет размежевать два довольно разных явления: предрассудки (стереотипы и грубость, происходящие от невежества окружающих) и собственно **угнетение** — которое по своей сути является активным действием, влекущим нарушение прав, и уничтожение достоинства, затрагивающие самые основы человеческой жизни.

Можно сколько угодно говорить про личный опыт, чувства, предпочтения в борьбе, конкретные проблемы и т. д., но вопросы безгендерных туалетов, лукизма, эйджизма, фэтшэйминга, сайзизма, и, как правило, сексизма и гомофобии (если ведем речь про страны Запада) и тому подобное **не затрагивают** базовых нужд человека — по крайней мере пока не становятся угрозой для его здоровья или жизни.

Они не являются атакой на базовые права. Это — предрассудки, имеющие своим корнем воспитание и среду. Сексистская шутка не влечет утраты человеком средств к существованию. Расистский мем в интернете — это грубость и тупость, но это не равно

избиению дубинкой за высказывание собственного мнения. «Фэтфобский» комментарий в интернете — никак не влияет на отношения власти. Ношение или ношение дредов никому не принесёт такого же неудобства как прямой государственный грабёж в виде налогов и пошлин или как армейское рабство.

Именно отсутствие политической власти – возможности управлять своей собственной жизнью по своему разумению, влиять на общество в равной степени с остальными – является базовой необходимостью для решения всех остальных проблем человека, не говоря уже о том, что возможность управлять своей жизнью это неотъемлемое естественное право, данное нам от рождения, которого почти все мы на сегодня в большей степени лишены.

Аналогично и с экономической эксплуатацией. Одними политическими правами и правом голоса в обществе сыт не будешь — человеку нужно что-то есть и создавать материальные блага для комфортной и достойной жизни. Еда, бытовой комфорт, а теперь еще и доступ в интернет и минимальный набор электронных девайсов а также время на досуг – это на сегодняшний день уже базовые потребности человека. И именно экономическая эксплуатация капиталистической системой давая их одним (часто ценой изнурительного труда) отбирает их у других. Фактически треть своей жизни мы проводим на работе, будучи вынуждены приносить несоразмерную прибыль за то, чтобы быть обеспеченным (в большей или меньшей степени) вышеперечисленным. Это действительно можно твердо и уверенно можно назвать угнетением: структурным, институциональным, системным, не идущим ни в какое сравнение с разнообразными «фобиями» и «шеймингами», которые, повторюсь, являются лишь предрассудками, проявляющимися преимущественно на бытовом уровне.

Структурность и системность экономической эксплуатации и политического бесправия проявляется во многих измерениях и видна невооруженным глазом. «Фэтшэймеру» можно погрозить пальцем, запретив глумиться над толстым\толстой. Это сработает. Но капиталисту нельзя запретить эксплуатировать рабочего. Потому что на этой эксплуатации стоит наше общество. Право государства управлять нами, сажать нас в тюрьмы, запрещать нам определенные действия, затыкать нам рот, прописано в законах. Оно донельзя институционализировано и легитимизировано, чего не скажешь о расизме и гомофобии, которые по сути являются лишь отражением хода мыслей отдельных людей.

Кроме этого, победить гомофобию, сексизм, лукизм и тому подобные «угнетения» — давайте будем откровенны — вполне возможно в рамках государственной системы, что бы не говорили анархо-феминистки и квир-анархисты. Более того, это возможно сделать и с плотно укоренившимися деструктивными предрассудками: расизмом и сексизмом. Примеры стран Северной Европы, где достигнут беспрецедентный уровень гендерного равенства и толерантности к гомосексуальности, к этническим меньшинствам это лишний раз подтверждают. Судя по репортажам СМИ, подавляющее большинство hate crimes (преступлений на почве ненависти) там — это комментарии в социальных сетях либо словесные оскорбления.⁷⁶ (сравните это с количеством убийств граждан полицейскими в том же США или России — вот где настоящее структурное угнетение, затрагивающее основное право — право на жизнь). Государственные программы толерантности и инклюзивности работают. Расистские убийства в этих странах — это редчайшие ЧП. Чего, правда, не скажешь об убийствах, осуществляемых «угнетенными» исламистами.

Государство — сильный и ресурсоемкий институт, который может навязать своим жителям те или иные ценности — что вполне доказала история. И если оно последовательно

76 <http://norwaytoday.info/news/steep-rise-hate-crimes-racist-motive-reported-oslo/>
<http://www.newsinenglish.no/2016/08/23/hate-crimes-on-the-rise-in-norway/>
<https://www.thelocal.se/20171214/fewer-hate-crimes-reported-in-sweden-in-2016>

возьмется за навязывание ценностей толерантности, гендерного равенства, антигомофобии и антирасизма — оно этого достигнет.

А вот навязать равное участие в общественной жизни, прямую демократию и самоуправление, насадить отсутствие классовой эксплуатации и имущественного неравенства государство не может никак — потому что это полностью противоречит его сути, аннигилирует его базис. Таким образом только борьба за анархистское общество, требующее не «отмены дискриминаций» а полной радикальной перестройки системы управления и распределения имущества — может считаться в полной мере революционной и анархичной.

6. Интерсекционализм сводит человек к его отдельным качествам

Теория идентичности оттого так и называется, что ставит идентичность во главу угла при оценке человека и его взаимодействий с окружающими. Как я уже писал в примерах выше, интерсекционалистами во время дискуссий свойственно а с тем качеством/качествами, которые ему присущи. Перед вами не человек во всей его уникальности, а «белый гетеросексуальный мужчина» или «женщина-лесбиянка», или «чернокожий гей».

Поднимая вопрос о том, что человеку в данный момент нужно, или что он чувствует, или как общается с окружающими, сначала выставляют на щит его принадлежность к какой-то группе. И при этом, что немаловажно, часто о многих своих идентичностях человек попросту не догадывается — они видны только схоластам от интерсекционализма, поднаторевшим в постмодернистском анализе отношений между людьми. Так, например, я никогда не задумывался о том что я белый, цисгендерный, гетеросексуальный, able-bodied и тому подобное, как и не обращал большого внимания на то, кто возле меня лесбиянка, кто инвалид, а кто человек с другим цветом кожи, выстраивая отношения исходя исключительно из личных качеств человека. А после общения с людьми, являющимися приверженцем подобного подхода — стал замечать за собой, что я начал обращать внимание на эти характеристики. Что это, как не формирование предрассудка?

Если анархизм — первоначально, наоборот всегда стремился стереть ненужные социокультурные барьеры между людьми – вспомните постулаты Mujeres Libres или борьбу с антисемитизмом\шовинизмом у рабочих движений начала XX в, или освободительное движение чернокожих 1960-х, которые явно прокламировали что все мы имеем одни интересы, не смотря на цвет кожи и пол, то интерсекциональный дискурс, наоборот, ставит эти вопросы во главу угла.

Спору нет, идентичности в нашем мире значат многое. Из-за них, особенно если это религиозная или национальная идентичность, развязываются войны. Из-за них поднимаются восстания и революции.

Однако одержимость приписать какого-то человека к ряду определенных групп приводит к тому, что левые всю полноту человеческой личности сводят к ярлыкам-вывескам, которыми, по сути, и являются идентичности. В мужчине уже не видят человека, а видят в первую очередь «угнетателя» и его «привилегии». В темнокожем видят в первую очередь страдающего от «структурного расизма», а потом уже личность со своими достоинствами и недостатками. В женщине — не ее человеческие качества и даже не классовое положение, а в первую очередь то, что она женщина, т. е. априори «угнетена патриархатом».

Таким образом личности заменяются образами, симулякрами, да еще со знаком «плюс» (если ты «угнетенный», «дискриминируемый»), или «минус» (если ты «угнетатель», «привилегированный»), от которых напрямую зависит твое место в интерсекциональной

иерархии и то сколько уважения, права голоса и признания ты получишь (больше — если наберешь больше плюсов по шкале угнетенности, и меньше — если твои идентичности угнетательские). Это очень похоже на тюремную иерархию, где прежде чем смотреть на личность человека, смотрят на его «масть». И если ты — петух, то отношение к тебе в коллективе предрешено заранее. Точно также как если ты «блатной» или «козёл». Важна не личность, важно место в иерархии.

Я полагаю, что такой подход противоречит принципам анархизма. Воспринимать личность необходимо во всей ее полноте. Мы — это в первую очередь то, как мы мыслим, как мы действуем и как общаемся с окружающими. Мы — это не наш цвет кожи, гендер, пол, сексуальная ориентация или инвалидность. Каждый человек имеет множество граней, темных и светлых сторон, которые нельзя сводить к паре ярлыков и объявлять кого-то априори достойным всяческой поддержки и сочувствия, или наоборот — воспитания и строгого тона, лишь на основании каких-то биологических признаков. Личность человека сложна и многогранна, а упрощение каждого человека до его психических и физических черт — это практически всегда опрощение, и, в конечном итоге, унижение.

7. Интерсекционализм разделяет людей, вместо того, чтобы их объединять

Исторически анархизм был борьбой рабочих людей — тех, кто лишен власти и имущества и вынужден продавать свой труд — за переустройство общества в свою пользу. Они логично рассудили: нас большинство, мы создаем все материальные блага этого мира, но лишены практически всего.

Теория идентичности, хотя и этого ее сторонники или нет, предполагает разделение трудящихся на множество категорий, которые, по мнению ее сторонников, к тому же часто имеют противоположные интересы. Женщины-трудящиеся должны бороться не против капиталистической Системы, а против «мужского доминирования», чернокожие-трудящиеся — не против государства, ограничивающего их в правах институциональными и силовыми способами, а против реального или мнимого «структурного расизма» (в прочтении наиболее радикальных левых — против белых как таковых), геи — против «гетеронормативности», инвалиды — против «эйблизма» и так далее.

А кому же тогда остается борьба против государства и капитала – сверхмогущих институтов господства, держащих общество и каждую из этих групп в своих руках? Не теряется ли за этими бесконечными «измами» нечто, что угнетает в одинаковой степени нас всех?

В левом интерсекционализме происходит подмена борьбы за все общество (трудящихся, обездоленных, лишенных власти) борьбой за отдельные группы, которые, подчеркну, часто воспринимают другие группы как своих угнетателей или, как минимум, не-союзников. Вся огромная масса угнетенных делится на десятки субклассов, каждый, по мнению левых — со своими уникальными интересами и набором угнетений.

Насколько это контрпродуктивно для дела всеобщего освобождения, думаю, видно невооруженным глазом.

Мне такая картина напоминает группу людей, стоящих, простите, в дерьме. Кто-то по горло, кто-то по грудь, кто-то по пояс, а кто-то и по колено. И каждый из них, вместо того, чтобы выбраться из дерьма, набрасывается на своего соседа, у которого дерьмо стоит чуть-чуть ниже, с упреками в том, что тот — угнетатель и имеет привилегии. Тем временем, тот, кто в дерьме вообще не замаран, возвышается над ними и лишь посмеивается с дурацкой возни.

Более того, в условиях того, когда левая интерсекциональная логика требует безоговорочной поддержки «угнетенных» против угнетателей, будут неизменно возникать дилеммы, когда не будет понятно, где же угнетатель, а где угнетенный.

Пример: массовые сексуальные домогательства в Кёльне в новогоднюю ночь 2016 года.⁷⁷ Тогда несколько сотен женщин пострадали от сексуальных домогательств мужчин. Казалось бы, всё ясно, ведь сексуальные домогательства — одно из грубейших проявлений патриархата и мужского доминирования. Но... Агрессорами в данном случае были (по крайней мере во многих случаях) никто иной как беженцы-мусульмане. Жители стран третьего мира (угнетены западным колониализмом) и мусульмане (угнетены исламофобией белых европейцев) — в западном левом дискурсе однозначно угнетенные.

Итак, кто же прав а кто виноват? Кто в этой ситуации угнетённой и кого следует поддержать, а в чей адрес — высказать осуждение или промолчать?⁷⁸

Или взять уже упомянутую модель-трансгендера Монро Бергдоф. Она, казалось бы, собрала на себя целое множество «плюсиков»: и женщина, и трансгендер, и темнокожая, а следовательно, подвергается как минимум трём дискриминациям, достойна сочувствия и поддержки. Однако будучи моделью, она напрямую поддерживает шоу-бизнес и индустрию моды, пропагандирует стандарты красоты (без кавычек дискриминативные для многих женщин) и лукизм, своим видом и стилем жизни сознательно, за немалые деньги, умножает прибыли корпораций. А сейчас она — советник по делам ЛГБТ Лейбористской партии, до недавней времени бывшей у власти в Британии. Итак, кто же она тогда? Привилегированная или угнетённая?

И таких примеров можно привести множество.

Социальная революция, которая априори требует участия широких масс, немыслима, когда эти массы поделены на группы, каждая из которых руководствуется своим групповым эгоизмом. Для переустройства общества необходим общий объединяющий признак, который заставил бы людей построить друг с другом настолько прочные горизонтальные связи, чтобы они смогли восстать в действительно массовом порядке. В национально-освободительных движениях таким признаком была национальность (культурная идентичность), в крестьянских восстаниях — принадлежность к сословию крестьян, а в социальных революциях — принадлежность к классу угнетенных, людей, лишенных политической власти и работающих по найму.

Без этого объединяющего признака, который проходил бы красной нитью через всю освободительную борьбу, нечего и думать о восстании масс. Абсолютно невозможно, чтобы кучки грызущихся между собой людей, вечно выясняющих, кто из них более угнетен а кто более привилегирован, поднялись на какое-либо восстание.

Конечно, это не означает, что кроме вопроса классового освобождения и лозунга «Долой власть» никакие другие вопросы и лозунги не могут подниматься в ходе социальной борьбы. Да, кто-то может присоединиться к условному восстанию по причине того, что страдает от гомофобских предрассудков, кто-то — оттого что пострадал от дискриминации по цвету кожи и так далее. Однако наличие общего объединяющего признака для борьбы обязательно. Такими были все революции прошлого и настоящего, и нет никаких признаков того, что революции будущего будут совершаться против гомофобии, гетеронормативности, «структурного расизма», фэтфобии, лукизма, эйблизма и еще десятков «угнетений», а не против бедности, коррупции и отсутствия политических прав.

⁷⁷ <https://meduza.io/feature/2016/01/10/napadeniya-v-kelne-kak-idet-rassledovanie>

⁷⁸ По моим субъективным впечатлениям, западные леваки и феминистки выбрали-таки сторону мусульман – в пику правым. А правые, таким образом, выглядели, по крайней мере внешне, как защитники прав женщин.

По сути, выбор между социальным (классовым) анархизмом и интерсекционлизмом – это выбор между солидарностью и эгоизмом, между борьбой за широкую общность и борьбой за свои узкие интересы.

КОМУ ВЫГОДНО?

У меня создалось впечатление что многие анархисты западных стран выбор этот сделали в пользу группового эгоизма и борьбы за отдельные группы населения. Анархизм теперь не для большинства (ведь большинство «привилегированно») а для меньшинств. И среди анархистов кипит бурная дискуссия о том, кто из этих меньшинств более угнетенный.

Однако сами ли они сделали этот выбор? Или им помогли его сделать?

Как я уже писал, интерсекциональная логика и теория идентичностей присуща далеко не одним только анархистам. Более того, не они являются основным ее носителем, а леволлиберальная интеллигенция и студенчество США и стран Западной Европы. Но странно — почему же столь, казалось бы, радикальная теория, объявляющая угнетателями большинство населения, требующая кардинальных антидискриминативных мер, и сделавшая социальную справедливость своим центральным нарративом, получила такое широкое распространение? Разве радикальные идеи о социальной справедливости не несут прямую угрозу власти и элитам?

И тут мы подходим к очень интересному моменту. Знакомясь с вопросом распространения social justice movement (движения социальной справедливости) и идей интерсекциональных левых, я с удивлением обнаружил, что государство и крупный капитал (для США это во многих случаях тождественные понятия) часто не препятствуют его распространению, а во многих случаях наоборот — помогают.

В американских университетах, где преподаются социальные науки, практически повсеместно существуют целые программы женских исследований (womens studies), расовых исследований (race studies), гендерных исследований (gender studies). По ним сдают экзамены, выпускают специалистов.

Женские исследования — ничто иное, как инкорпорированный в науку феминизм. Эта академическая сфера в центр своей парадигмы ставит женский опыт и женщину как таковую. Практически вся теория этой академической сферы построена на изобличении и изучении «мужского доминирования», сексизма, на критике самой концепции гендерного разделения (как мы помним, гендер — лишь навязанный обществом инструмент угнетения женщин), на извлечении и изобретении все новых и новых способов, которыми, по мнению специалистов этой сферы, мужчины угнетают женщин, а патриархат навязывает сексистские гендерные стереотипы.

Отмечу — эта дисциплина не ставит вопрос «есть ли патриархат?», «угнетены ли женщины?», «правда ли, что женщины и мужчины не равны?». Она уже по умолчанию расставила все точки над «i», и лишь уточняет и анализирует то как это, по их мнению, происходит и как этому противостоять, чтобы сделать общество более «прогрессивным». То есть отталкиваясь от своей трактовки вопроса, которую они считают по умолчанию правильной, они преподают ее, как научную дисциплину, делая из спорных, зачастую политизированных вопросов фактическую истину и мировоззренческую парадигму.

Расовые исследования — еще одна социальная дисциплина, ставящая целью своих исследований «привилегии» белых, систему белого господства, и разнообразные формы борьбы с «институциональным расизмом». Согласно с основной теорией этой дисциплины — критической расовой теорией — расизм внедрён в американское общество, живет и действует в нем, создавая отношения неравенства, власти и господства белых над черными. Приверженцы критической расовой теории категорически противостоят «colorblindness» - равнодушию к цвету, заявляя, что в социальной жизни, наоборот, цвет кожи очень имеет

значение и должен иметь значение в формировании нашего отношения к индивидуумам и сообществам.

По словам правоведа Роя Л.Брукса, одним из основных вопросов критических расовых исследований является «будет ли правовой ландшафт таким, как сегодня, если бы цветным дали возможность принимать решения?» (т.е. по мнению автора цитаты, Барак Обама не в счёт) права принимать решения. Важно что здесь, как и в случае с женскими исследованиями, политически спорные вопросы ставятся в форму априорного утверждения и после уже весь анализ проблемы ведется лишь с одной, пристрастной точки зрения.

Гендерные исследования — почти синонимичны женским исследованиям, с той лишь разницей, что они более широки. Эта дисциплина включает в себя изучения квир-теории, полностью построенной на феминистских постулатах, которая «фокусируется на несовпадениях пола, гендера и желаний»⁷⁹, гендерных идентичностей (да, она априори полагает что гендеров больше чем два), изучает переодевания мужчин в женщин, сексуальное самовыражение носителей всевозможных сексуальных предпочтений, при этом — естественно — в рамках все тех же социальных теорий, в рамках теории интерсекциональности утверждает и развивает мысль о том, что гетеросексуальные нормы есть угнетение, а люди, придерживающиеся их — жертвы гетеросексизма, из чего логично вытекает необходимость социальной активности против того, что противоречит вышеуказанным теориям.

Все эти теории и дисциплины часто комбинируются, рождая все новые отпочкования: гей-исследования, критический расовый феминизм, трансгендерные исследования, интерсекциональные исследования и т. п. И всех их также отличает довольно своеобразное отношение к знанию. Единой истины нет. То что мы считаем научной истиной — навязано господствующими группами (конечно же, белыми гетеросексуальными мужчинами). Эксклюзивный опыт индивидуума (особенно если он угнетенный) весит больше любых предыдущих исследований и доказательств. «Я так чувствую» стоит выше чем «у меня есть аргументы и доказательства», да и знание как таковое (в соответствии с постмодернистской «standpoint theory») есть продукт господствующей системы, и подвергать нападкам с эмоциональных позиций можно все — в том числе естественнонаучные знания.

Фактически, вышеуказанные научные дисциплины и стали фундаментом всего того, о чем писалось в предыдущих главах — левого и леволиберального дискурса современных стран Запада. Разное отношение к черным и белым, попытки ограничить в базовых правах «привилегированных», навешивание унижительных ярлыков на тех, кого ты считаешь угнетателями, выстраивание перевёрнутых иерархий якобы с целью «разрушить отношения господства» - все это пришло из тех самых социологических теорий на базе социального конструктивизма и постмодернизма.

У многих этих дисциплин существуют целые кафедры и отделения, проводятся конференции, пишутся тонны литературы — это не есть некое маргинальное направление гуманитарной науки.

Но все это было бы не так страшно и плохо, если бы эти теории и дисциплины оставались в рамках академического дискурса и науки. Ведь сами по себе гендер, раса и социальные отношения, основанные на их тоже достойны исследования и всестороннего анализа. И вполне возможно что те, кто начинал их — а это примерно середина 1980-х — и не помышляли о том, чтобы сделать из них новое мировоззрение. Однако произошло то что произошло — то что было научными теориями и попытками лучше рассмотреть социальные отношения превратилось в нетерпимую к инакомыслящим политическую идеологию и

79 http://www.worldcat.org/title/queer-theory-an-introduction/oclc/35651102&referer=brief_results

дискриминативную практику. И тут сама собой на ум приходит параллель с «научным марксизмом-ленинизмом» - совершенно реальной научной дисциплиной, изучавшейся в СССР. В случае «научного марксизма» как и в случае с теорией интерсекциональности, политическую идеологию, выгодную определенным слоям населения превратили в научную дисциплину и стали вкладывать в умы новому поколению. Точно так же профессора и академики десятилетиями разжевывали студентам лишь одну из многих точек зрения на мир, предоставляя ее как незыблемую истину. Точно так же для доказательства использовались цитаты одних и тех же «классиков» (Маркс, Энгельс, Ленин - в одном случае, Симона де Бовуар, Фуко, Креншоу — в другом). Точно так же спорные факты, вместо того, чтобы быть обсуждаемыми, выдавались за истину (ведь «угнетенные» не могут ошибаться!), за то, что нельзя подвергать сомнению. Хотя постмодернизм в науке, казалось бы, наоборот выступает за то, что единой истины не существует...

Точно так же те, кто осмеливается сомневаться, подвергаются санкциям: административные меры и уголовное преследование — в случае СССР и публичная травля с обвинениями в «фашизме», «женоненавистничестве» и «расизме» - в случае с леволиберальными аудиториями и кампусами. Точно так же в обоих случаях политическая идеология, поданная под соусом «научности» призвана создать у изучающих ее строгую картину мира, в котором люди разделены на «своих» и «чужих», «плохих» и «хороших», тех кто достоин помощи и сочувствия и тех, чьи страдания можно высмеивать и унижать.

И точно также — что немаловажно, как была нужна и выгодна псевдонаучная дисциплина: «научный марксизм» партийной элите СССР, элитам Запада, вполне возможно, нужна и выгодна теория идентичности с интерсекционализмом.

Еще раз подчеркну, если кто-то потерял мысль:

в ВУЗах США и Западной Европы на официальном уровне при поддержке государства, за деньги государственных и частных фондов самым широким образом излагаются идеи о том, что белые являются угнетателями и колонизаторами во всех сферах жизни, что гетеросексуальность — навязанное обществом ограничение, а гетеросексуалы провоцируют дискриминацию, что все мужчины от рождения привилегированы и осуществляют «структурную власть» над женщинами.

Правовая школа Калифорнийского университета (UCLA School of Law) преподает критическую расовую теорию и содержит институт «Государственного управления в сфере сексуальной ориентации и гендерной идентичности»⁸⁰. Колумбийский университет (Нью-Йорк) имеет целый центр по изучению расовой и этнической политики. Университет Утрехта, Нидерланды, предлагает стать магистром в гендерных исследованиях.⁸¹

Есть и полный список ВУЗов США, которые предлагают образование по направлению «Женские и гендерные исследования»⁸² — их больше сотни.

Теперь подойдем к сути и к тому, насколько все выше написанное имеет отношение к социальной справедливости и равенству.

Согласно знаменитому отчету Oxfam, богатство 8 богатейших людей на земле равняется совокупному богатству 50% беднейшего населения земли. Грубо говоря, 8 человек имеют столько же, сколько 3,5 миллиарда.

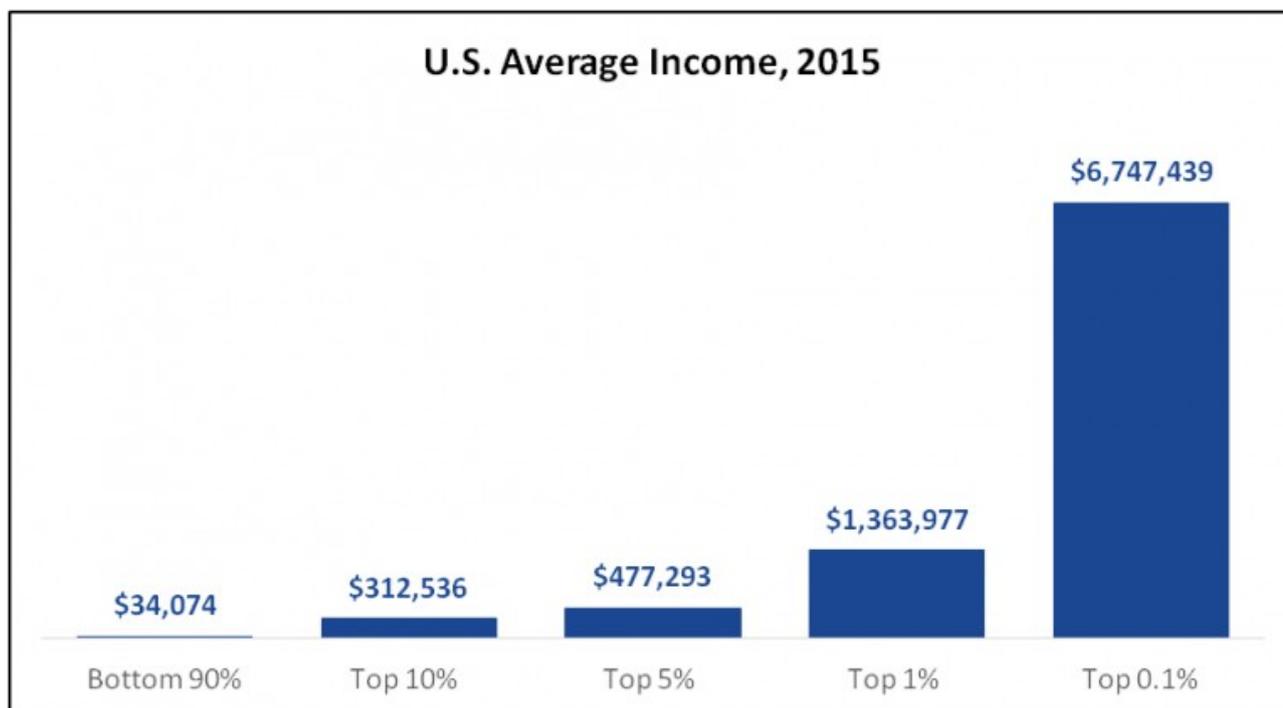
80 <https://law.ucla.edu/centers/social-policy/critical-race-studies/about/>
<http://bulletin.columbia.edu/general-studies/undergraduates/majors-concentrations/ethnicity-race-studies/>

81 <https://www.uu.nl/masters/en/gender-studies>

82 <https://www.studyusa.com/en/field-of-study/483/women-s-and-gender-studies>

Шесть из этих восьми — американцы.

Разрыв между богатыми и бедными продолжает увеличиваться. Богатейшие 10% американцев зарабатывают в среднем более чем в 9 раз больше, чем остальные 90%. Заработки богатейшего 0,01% населения бьют исторические рекорды.⁸³

По статистике на 2016 год, в США — 564 000 бездомных. Это около 0,2% населения.

В первом квартале 2017 года 11,3% граждан США не имело медицинской страховки. А это значит что они вполне могут умереть от излечимых заболеваний, не говоря уже о тяжелых.

США является страной с самым высоким уровнем имущественного неравенства **в мире**.⁸⁴

К этой картине можно добавить такие переменные как свободный оборот оружия в США и высокий уровень политических прав и свобод и политический плюрализм, полную свободу политической агитации, жесткую эксплуатацию на рабочем месте — следствие протестантской трудовой этики, почти полное отсутствие социальных гарантий от государства, которые позволили бы снизить накал недовольства и уровень неравенства, сгладить классовый антагонизм.

Вместе взятые эти факторы сигнализируют об одном: реальная опасность социальной революции или массового бунта. Любой рост неравенства — это потенциальная угроза для элит, а когда он сопряжен еще и с вышеперечисленными факторами, опасность усиливается еще больше.

Было бы глупо полагать, что политический и финансовый истеблишмент США этого не видит и будет сидеть и ждать, пока вырастут политические силы, готовые мобилизовать

83 <https://inequality.org/facts/income-inequality/>

84 <http://fortune.com/2015/09/30/america-wealth-inequality/>

массы и свергнуть элиты. Не для того они столетиями собирали капиталы и устанавливали выгодные для себя правила игры, чтобы в одночасье лишиться всего.

В разное время американское государство испробовало разные методы борьбы с освободительными идеями. В 1903 году был издан так называемый акт «Изгнания анархистов», согласно которому в США нельзя было селиться людям с анархистскими взглядами.⁸⁵ В 1940-е — 1950-е на фоне разгорающейся Холодной войны цвел Маккартизм — травля и преследование сторонников коммунистических идей и СССР. С помощью прессы и административного аппарата их лишали должностей, подвергали осуждению, изолировали и делали изгоями. Когда массовая волна студенческих бунтов конца 1960-х зашла слишком далеко, в ход пошел арсенал самых разнообразных методов: уступки (вывод войск из Вьетнама, отмена дискриминации в отношении черных и т.п.), насилие (разгоны демонстраций, посадки радикалов) и массовая культура: она опопсила протестную субкультуру хиппи и сам стиль жизни молодого контркультурщика, сделав массовыми, лишила их социального и бунтарского наполнения.

Последние же пару десятков лет усиление классового антагонизма, рост неравенства и безработица должны были бы породить новое масштабное протестное движение, которое требовало бы радикальных перемен в обществе. И было бы логичным, что для того, чтоб предотвратить его появление, власть имущие применили известный принцип: «Не можешь победить — возглавь».

Что бы я делал, если бы был миллиардером, или высокопоставленным чиновником с успешно пригретой у госкормушки роднёй, или топ-менеджером на Уолл-стрит и если бы всем моим несметным богатствам и привилегиям угрожал социальный бунт?

Я бы, увидя пёстрость и разнообразность протестующих, натравил бы их друг на друга. Тонко, осторожно, не вмешиваясь напрямую.

Я бы доводил каждой из этих групп, что они — совершенно уникальные люди со своей идентичностью. Что они недопредставлены в органах власти. Что они угнетаемы не мной, владельцем политических возможностей и капиталами, а безыменными и эфемерными «структурами господства», «институциональным расизмом», «микроагрессиями мачистов» и «гетеронормативностью».

Я бы доказывал им, что если ты женщина — твой враг это мужчины, ведь все они — сексисты, и доминируют над женщинами во всех сферах жизни. Если черный, или латинос, или коренной американец — твой враг это белые. Если гей или лесбиянка — во всех твоих бедах виновато гомофобное общество, и в частности — гетеросексуалы, ведь они — носители враждебных тебе норм. Я бы смог подвести под это научную теорию и статистику, а также снабдил это вызывающими сильные эмоции примерами из жизни (в них недостатка не будет - как я писал выше, предрассудки против меньшинств действительно имеются и порой мешают им жить), повернул бы всё так, чтобы множество разных меньшинств перестало воспринимать условное большинство как союзников и братьев по несчастью — ведь у их, меньшинств, свой уникальный жизненный опыт, сопряженный с угнетением, и привилегированному большинству их не понять! Я бы задвинул понятие класса (как отношения к средствам производства и управлению обществом) как можно дальше, поставив его, в лучшем случае, на равную полку с сексуальной ориентацией и особенностями строения тела, а в худшем — вообще бы исключив его из повестки.

А после наблюдал бы, как белое гетеросексуальное большинство, раздраженное тем, что ему пытаются привить комплекс вины, уставшее от того, что его с утра до вечера обвиняют

85 https://en.wikipedia.org/wiki/Immigration_Act_of_1903

во всех возможных смертных грехах: доминировании, господстве, угнетении, агрессии, мачизме, сексизме, гомофобии, нетолерантности, — начинает поддерживать правых популистов — на этот раз настоящих расистов, сексистов и авторитариев. Это замечательно: еще один конфликт между угнетенными, на этот раз — по линии «правый-левый». Опасность хоть какого-то объединения угнетенных уменьшается многократно, ведь условный «белый рабочий класс» голосует за Трампа, а а черные, студенты, ЛГБТ — поддерживают Демократическую партию или левых.

В рамках этой стратегии с помощью СМИ правящему классу очень выгодно подсовывать людям вопросы, которые, являясь, по сути для структуры общества второстепенными, третьестепенными и пятнадцатистепенными, раздуваются до масштабов вселенских проблем. Гендерно-нейтральные туалеты – левые с пеной у рта доказывают их важность. Тысячи статей, твитов и постов в Фейсбуке, выступления в телешоу, поединки видеоблогеров... «Трансфобы! Гомофобы!» - кричат левые на тех, кто их не поддерживает. «Да вы просто идиоты!» - отвечает им вторая половина общества. Неуклюжее высказывание какой-нибудь знаменитости, очередная глупая выходка Трампа, «нетолерантный» наряд на Хелоуин, сексуальные домогательства одного толстосума к другим толстосумкам 20 лет назад, слово «нигер», сказанное каким-то белым в публичной сфере. Все это, будучи раздуто СМИ, успешно подменяют собой реальные вопросы: **куда мы вообще идем? Почему богатые богатеют, а бедные беднеют? Почему нас год за годом лишают социальных гарантий, таким трудом отвоеванных столетиями? Почему каждые несколько лет — новая война?**

Тут хочется процитировать Ноама Хомского: *"В этом и заключается суть неолиберальной демократии: она сводится к пустопорожним дебатам по второстепенным вопросам между партиями, которые, независимо от формальных различий и предвыборных дебатов, проводят по существу одну и ту же политику в защиту бизнеса"*.

Все это справедливо не только по отношению к США, а и по отношению к любым развитым странам, где повестка дня формируется либеральными СМИ. В какой-то степени это актуально и для Беларуси, когда негативное высказывание какой-нибудь знаменитости о феминистках (или наоборот — феминистическое высказывание о чьем-то шовинизме) смакуют, обсуждают и держат в топе новостей неделями, а очередные эпизоды борьбы людей за свои права, или же случаи милицейского беспредела идут в лучшем случае второй строчкой.

Конечно, я не хочу сказать, что существующие сегодня в США и Западной Европе движения за права меньшинств есть от и до порождения капиталистов, желающих рассорить трудящихся. Как минимум, доказательство этого утверждения требует отдельного большого исследования, которое не входит в задачу этой книги. Однако то, как эти движения действуют, какой дискурс развивают, и тот факт, что их риторику во множестве переняло прежде наиболее радикальное крыло освободительного движения — анархисты, заставляет меня быть уверенным, что такое предположение **как минимум имеет твердое право на существование.**

Также я не считаю, что анархистам других идеологических ответвлений или мыслящим в не-интерсекциональном ключе стоит считать интерсекциональных анархистов своими врагами. Я не думаю, что все эти люди сознательно ненавидят белых, гетеросексуалов и мужчин, и стремятся свергнуть анархизм в пучину левого либерализма и политической импотенции. Пока что мне представляется, что в большинстве своем это люди — искренне верящие в то, что делают добро и несут перемены к лучшему, однако попавшие под влияние господствующего в их среде дискурса, возвращенные в нем, не знающие других способов

добиться справедливости. Это люди строгого культурного кода, впитанного от своей социальной среды, университетов и разномастной интерсекциональной пропаганды.

И хотя меньшинство из них по своим действиям — открытые реакционеры (вроде тех, кто срывал выступление Кристиана Вильямса или атаковал анархистскую библиотеку за критику ислама), большинство, скорее, просто дети своего времени и господствующих политико-культурных тенденций, и поэтому идеал, который бы мне хотелось видеть — это сознательный диалог и пусть острая — но дискуссия, а не вражда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основным объектом анализа в этой книге, как вы увидели, стало левое и, частично, анархическое движение стран Запада и либеральные тенденции в нём, в частности, проявления теории интерсекциональности. У многих мог возникнуть вопрос: а имею ли я право рассуждать о проблемах обществ, не зная контекста, не живя в них? Не будет ли это пустым критиканством и попыткой судить о том, в чем не разбираешься?

Действительно, я жил не во многих странах ЕС, а лишь в Литве и Польше, в США на момент написания этих строк не бывал вообще. Мои знания об левых в США и стран ЕС складываются, в основном из других источников: прочитанных статей тамошних авторов, личного общения с активистами оттуда, посещения многочисленных анархистских мероприятий в этих странах, и из увиденного в социальных сетях. Книга писалась около трёх лет, и, как вы можете заметить, каждый вывод в этой книге я старался подтверждать конкретными примерами из жизни. Кто-то может подчеркнуть тенденциозность выборки фактов — мол, выбрал из левого феминизма и антирасизма лишь самое плохое. Возможно. Но дело в том что хорошее они безуданно говорят о себе сами: всё это можно в огромном количестве прочитать на левых и леволиберальных ресурсах, более того, леволиберальный дискурс, по мнению многих, да и по моим наблюдениям тоже, является господствующим в мейнстримовых медиа США, так что недостатка в представлении другой точки зрения явно не существует. Моей же целью было представить именно критику.

Я не считаю, что всё. Сказанное мной выше — истина в последней инстанции. Особенно это касается стран Запада, где, действительно, анархистское и феминистическое движение довольно пёстрое и наряду с явно негативными тенденциями существует и много хорошего.

Возможно в будущем я поменяю свою точку зрения, но пока изложенное выше кажется мне вполне аргументированной и взвешенной позицией.

В любом случае, целью книги ни в коем случае не было попытаться «научить» западных товарищей тому, как им жить и бороться, под какими лозунгами выступать, и так далее. Анархическая и вообще освободительная борьба в любой точке мира определяется контекстом, который создан, увы, не нами, а гораздо более могущественными силами. И, чтобы твёрдо судить, о том как нужно или не нужно бороться анархистам в определённой стране, нужно жить там и быть включенным в борьбу как минимум некоторое время.

У меня же речь идет о другом. Беларусь — постсоветская страна, долгое время не имевшая собственной анархистской традиции. Вырастить ее за считанные годы было невозможно — не было почвы. Любые ростки анархизма, как и другого инакомыслия, были выкорчеваны из общественной жизни на 70 лет. Поэтому многим поколениям активистов не оставалось ничего другого, как перенять уже существующую западную традицию. Ни для кого не секрет, что почти все мало-мальски серьезные анархические тексты, которые появлялись в русскоязычном пространстве (кроме Бакунина, Кропоткина и Махно) были переводами с английского. Ни для кого не секрет, что многие поколения активистов с конца 1990х по конец 2000-х ездили набираться опыта именно в сквоты, лагеря и фестивали анархистов из стран ЕС. Ни для кого не секрет, насколько идеализированным — благодаря пафосным картинкам с беспорядков, массовым демо, информации о многочисленной и разнообразной активности — является отношение большинства постсоветских активистов а анархическому движению Запада. Это отдельная тема, которую еще стоит изучать. Я же хочу сказать о том, что все это привело, к некритичному заимствованию теорем, идеологических штампов и

практик у западных анархистов. Благодаря вышеперечисленным причинам я вижу, как из года в год в анархическое движение Беларуси протекает всё то, о чем я писал выше. Это начинается на уровне модных терминов: «трансфобия», «газлайтинг», «виктимблейминг», «слатшейминг», «мачизм» у активистов, побывавших за границей, хотя я помню время, когда анархисты из моего города вообще не знали таких слов, но от этого не чувствовали себя меньше анархистами. Потом начинаются попытки копировать какие-то западные практики, (например, попытки пересадить активизм феминисток третьей волны феминизма на постсоветское пространство, где и первой и второй волны-то не было), а под конец — в перенятии дискурса, ценностей, левацкой «культуры истерики» и стиля поведения.

Это привело к отдельным случаям в анархистском движении, когда люди, высказывающие мнения, хоть чуть-чуть разнящиеся с интерсекциональным катехизисом, объявляются «агрессорами», умение доказывать свою точку зрения называется «доминированием», любая критика активистки — «сексизмом», нежелание видеть радужные флаги на анархистском мероприятии - «гомофобией», когда разговоры о эмоциях и чувствах участников коллектива занимают в несколько раз больше времени, чем сама деятельность.

Именно эта культурная преемственность — в ее худших проявлениях, беспокоит меня, и именно она, наряду с множеством споров на эту тему, в которые я был втянут, сподвигла меня написать данную книгу.

Конечно, нам необходимо общаться и взаимодействовать с товарищами из разных стран, ведь любой анархист в любой точке земного шара — наш брат и соратник. Но слепое копирование, без допущения здоровой критики, без мыслей о том что и там — на Западе — могут ошибаться, это попросту путь в никуда, путь в замыканию в секту, чьи слова, дела и идеи, а также смысл существования будет понятен только ей самой. Не следует забывать и о том, что белорусскому и, шире, постсоветскому анархическому движению уже не менее 30 лет, а это значит что и мы могли бы чему-то научить соратников из других стран.

Пока я дописывал эту книгу, произошел интересный случай. В начале 2018 года меня пригласили на анархистскую книжную ярмарку в один из немецких городов. В этот момент книга уже была написана, но я «дошлифовывал» в ней отдельные моменты и с этой целью разослал нескольким белорусским товарищам для отзывов. В скором времени до немецких анархистов дошла информация, что-де, один из приглашенных ими на ярмарку «написал книгу против феминизма». Этого оказалось достаточно, чтобы приглашение отозвали, т. к. по словам одного из организаторов они «не хотят потом оправдываться». Самое смешное, что мою книгу они даже не читали и читать не могли. Но лишь одного упоминания о критике феминизма хватило, чтобы перестраховаться и избавиться от «подозрительного» участника. Получилось прямо как в советской поговорке: «Солженицына не читал, но осуждаю».

Не скажу, чтобы этот случай удивил меня, но только укрепил в необходимости опубликовать этот труд. Ведь если в среде радикальных сторонников свободы есть темы, разговор на которые приводит к «бану» на мероприятиях, то у этих сторонников свободы со свободой явно не всё в порядке. Такой подход — это убийство самой сути анархической идеи, которая ничего не стоит без свободы слова и критики.

Главное, чего я хочу и пытаюсь добиться написанием этих строк — чтобы в анархистском движении не было закрытых тем для обсуждения. Не было людей и идей с иммунитетом от критики лишь на основании цвета кожи, пола или сексуальной ориентации. Чтобы разница во взглядах — пока они не становятся прямой причиной дискриминации и насилия (да, я имею ввиду реальное насилие, а не «ментальное насилие», «микроагрессию» и «газлайтинг»), не становилась поводом для пустых абсурдных обвинений в многочисленных «фобиях» и «измах». Чтобы свобода слова в анархистском движении была в числе

приоритетных свобод. И чтобы мы думали прежде всего о том, как нам завоевать доверие масс, как сплотить их — вместо того, чтобы выдумывать всё новые и новые термины и практики, выстраивающие новые идентичности и новые границы меж людьми поверх уже существующих.

Солидарность между людьми может появиться только на основе общих интересов. Именно так восстали все великие революционные движения прошлого. И если мы хотим снова сделать анархизм великим, нам следует пересмотреть свое отношение к тому что мы делаем, к объекту наших усилий и к самим себе, увидев себя в первую очередь через призму наших исторических достижений. И если через самокритику, переосмысление, отказ от слепого копирования чего бы то ни было, и трезвый анализ вещей (который невозможен без свободной и неподцензурной дискуссии) мы не придем к эффективному образу действий — за нас это обязательно сделают куда более враждебные силы.

И в таком мире, боюсь, анархизму уже может не быть места.

ЛИТЕРАТУРА И ССЫЛКИ

Феминистическое опровержение ненаучной концепции «Пирамиды насилия» и статистических манипуляций.

<http://freeresearcher.net/2019/11/20/ourmisbeliefs/>

A Working Class Perspective on the Internet/Campus 'Social Justice Warrior' Movement by Nonya Beeznas

<https://jacksterriblethoughts.wordpress.com/2015/09/04/what-the-working-class-thinks-of-the-internetcampus-sjw-movement/>

Brain Connectivity Study Reveals Striking Differences Between Men and Women

<https://www.pennmedicine.org/news/news-releases/2013/december/brain-connectivity-study-revea>

Отказываемся ждать! Анархизм и интерсекциональность. Дерик Шеннон, Дж.Рог.

<https://www.nihilist.li/2014/10/20/otkazy-vaemnya-zhdad-anarhizm-i-interseksional-nost/>

Нужно ли дискутировать с неонацистами?

https://avtonom.org/author_columns/nuzhno-li-diskutirovat-s-ultrapravymi

Радикальный феминизм vs интерсекциональность. frau_zapka

<http://womeration.livejournal.com/119435.html>

Интерсекциональность: белые начинают и проигрывают. anavuajna

<http://femunity.livejournal.com/683149.html>

Identity politics. Wikipedia

https://en.wikipedia.org/wiki/Identity_politics

<http://ethology.ru/library/?id=421>

Биология поведения. Д.А. Жуков (глава из книги)

<http://ethology.ru/library/?id=414>

Конструкт «примативность» и разработка теста для его измерения. Е.Л.Луценко

<http://ethology.ru/library/?id=352>

Материнский инстинкт – миф или реальность?. А.Кабирова

<http://ethology.ru/library/?id=321>

Непослушное дитя биосферы. В.Дольник

<http://ethology.ru/library/?id=184>

Моральное животное. Почему мы такие, какие мы есть. Новый взгляд эволюционной психологии. Роберт Райт

<http://ethology.ru/library/?id=125>

Чему нас учат обезьяны. В.Дольник

<http://ethology.ru/library/?id=100>

Трагическая смерть мальчика, которого растили как девочку. Д.О. Осборн

<http://ethology.ru/library/?id=52>

Этология любви. Интервью с Мариной Бутковской, доктором исторических наук.

<http://ethology.ru/library/?id=10>

Экскурс в основы биологического поведения. К.Б.Магнітская.

<http://ethology.ru/library/?id=455>

Жизнь с женщиной еще не делает мужчину верным супругом. Р.Данбар.

<http://www.klex.ru/idk>

Тайны пола. Мужчины и женщины в зеркале эволюции. Бутовская М.Л.

<http://ethology.ru/library/?id=421>

Биология поведения. Жуков Д.А.

<https://www.youtube.com/watch?v=iAFAO211TB4>

Мозг мужчины и женщины - есть ли отличия? Ася Казанцева.